

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ V.

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ:

- I. ПЕРВОЕ МАРТА.
- II. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
- III. КРАСНАЯ ГОРЕА.
- IV. РАДУНИЦА.
- V. ЗАПАШКА.
- VI. КУКУШКА.
- VII. КУПАЛО.
- VIII. ЯРМО.
- IX. ОБЖИВКИ.
- X. БАВЬЕ ЛѢТО.
- XI. БРАТЧИНЫ.

Сост. А. Терещенки.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВОЕННО-УЧЕБНИХЪ ЗАВѢДЕНІЙ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 16 апрѣля 1846 года.

Ценсоръ С. Кутора.

СОДЕРЖАНІЕ.

V. ЧАСТИ.

I. ПЕРВОЕ МАРТА.

II. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Веснянки. — Марема или мара. Кличка весны. — Встрѣча перваго дождя. — Первый громъ.

III. КРАСНАЯ ГОРКА.

Красная горка у разныхъ народовъ. — Обрядное при-
сутствіе красной горки. — Забавы и поминовеніе родныхъ. —
Разное отправленіе обрядовъ, во время красной горки. — Выо-
лишникъ.

IV. РАДУНИЦА.

Значеніе радуницы. — Отправленіе радуницкихъ поми-
новеній.

V. ЗАПАШКА.

Набожное дѣйствіе земледѣльца. — Запашка. — Помо-
чи. — Опашка. — Постѣвъ.

VI. КУКУШКА.

Древнее вѣрованіе въ голоса животныхъ. — Мандри-
ки и завиваніе вѣнковъ. — Крещеніе кукушекъ и кумо-
ванье.

Часть V.

1

УІІ. КУПАЛО.

Почитаніе огня и воды. — Общее употребленіе Ивановскаго дня. — Очистительный огонь. — Обрядъ празднованія купалы, общій между Славянами. — Поклонники небесныхъ свѣтилъ и водъ. — Купанье и хороводные круги. — Аграфена купальница. — Мѣстное совершеніе купальныхъ огней. — Свойство купальскихъ и чародѣйныхъ травъ. — Заключеніе.

УІІІ. ЯРИЛО.

Темныя свѣдѣнія объ ярилѣ. — Чествованіе ярилы.

ІХ. ОБЖИНКИ.

Приношеніе первыхъ плодовъ во храмъ. — Жатки въ Бѣлоруссіи. — Жатвенное угощеніе въ русскихъ и литовскихъ жаткахъ. — Причитанія у Словаковъ и венгерскихъ Славянъ: на посѣвъ, сорваніе и сѣяніе хлеба съ полей. — Жатвенныя пѣсни въ Сербіи. — Жатки и обжинки въ Малороссіи. — Обжинки въ черной и червонной Россіи. — Пожинки и имянинныя: — Госпожинъ день, осенины, овсяница, дежень и спасовъ день. — Дожинки и обжинки въ Россіи. — Страда или страдная пора. — Помочь и другія ея названія. — Уборка. — Овнъ и овянные имянныя. —

Х. БАБЬЕ ЛѢТО.

Семень день. — Пиво варить. — Похороны мухъ и жгланіе таракановъ. —

ХІ. БРАТЧИНЫ.

Значеніе братчинъ. — Михайловская и Никольская братчины. — Коновъ. — Сыпичины, юровой день, Никольщина и холки. — Посидѣлки. — Супретки и дожинки — Досѣтки и вечерницы.

I.

ПЕРВОЕ МАРТА.

Мѣсяцъ мартъ былъ посвященъ Римлянами Марсу, Первое марта. богу войны, который считался отцемъ Ромула, основателя Рима (755 л. до Р. Х.).—Тамъ же въ Римѣ существовало обыкновеніе въ мартовскіе дни, чтобы отправлять поминовеніе по усопшимъ.

У многихъ нѣмецкихъ и славянскихъ племенъ, остались слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ. — Въ Богеміи, Польшѣ, Силезіи, Лузаціи и Саксоніи, народъ ходилъ съ разсвѣтомъ дня, на кладбища съ зажженными факелами, и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Россіи начинаютъ, съ перваго марта, посѣщать могилы родныхъ, и продолжаютъ это съ обряднымъ поминовеніемъ за упокой, до честнаго семика. Это первая весенняя поминка, осенними же заключается народное прощаніе со всѣми умершими: родными и знакомыми. Есть мѣста въ Россіи, гдѣ самые радостные дни въ жизни, сопровождаются прощаніями надъ могилой. — Въ смоленской, олонеккой, вологодской, тверской, костромской губерніяхъ и въ другихъ, невѣста и женихъ, за нѣсколько времени до вѣнчанія, ходятъ на могилу поклониться праху родителей, испрашивая у нихъ благословенія на вступленіе въ бракъ. Если невѣста сирота, то она, въ сопровожденіи своихъ подругъ, отправляетъ

ся ночью на могилу, за день до вѣнчанія, чтобы проститься съ родителями. Стоя на колѣнахъ, она испрашиваетъ у нихъ благословенія на свой бракъ, говоря: *родимые батюшка и матушка, не надо мнѣ ни золота, ни серебра, надо мнѣ родительскаго благословенія,—благословите родимые!* и потомъ помолившись, лобзаетъ ихъ надгробный крестъ и отправляется съ утѣшеніемъ.

II.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Съ весною наступаетъ отрадная жизнь, съ весною Встрѣча весны. все оживаетъ и радуется, все веселится и услаждаетъ себя: и согбенные старостью лѣтъ, чувствуютъ тогда свое перерожденіе. — Они забываютъ даже, что отжили свой вѣкъ, умерли для удовольствій. А вѣчно, безпечная и игривая молодость, не размышляя, что ждетъ ее, — продается всѣмъ упоеніямъ безотчетной веселости: оживляетъ летучія свои наслажденія восторженными порывами, и уносится въ нескончаемую даль пафтушей жизни, забывая невольцо, что радость изсякнетъ, въ свое время; что ея восторги такъ же замрутъ въ свою очередь. Молодость не разсуждаетъ, не вѣритъ и забываетъ даже свое настоящее, — а это забвеніе утѣшительно для жизни.

Во всѣ вѣки и у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ, всегда привѣтствовали весну особыми обрядами. У Грековъ и Римлянъ, учреждены были особыя празднества, сопровождавшіяся играми и пѣснями. Тамъ въ честь Флоры, богини весны и цвѣтовъ, воспѣвали торжественныя гимны и пировали по нѣскольکو дней сразу. У нихъ начиналась весна 3 марта, по-

тому игры ихъ назывались *цвѣтными*. (*) Женскій полъ, увѣнчанный цвѣточными и древесными вѣнками, веселился въ продолженіи пяти дней, до изступленія: обнимался и цѣловался съ мужчинами, при обоюдномъ сладострастныхъ пѣніяхъ, которыя рѣдко оканчивались одними скрытными поцѣлуями: игры цвѣтныя тревожили строгую нравственность Катона. Онъ многократно покушался запретить *бъснованіе*, какъ онъ выражался; но всѣ ~~его~~ ~~уши~~ ~~оказались~~ ~~глухими~~. Порча нравственности сдѣлалась, уже въ его время, повсемѣстною.

По разрушеніи римской имперіи, многія забавы и увеселенія перемѣшались съ обрядами разнородныхъ племенъ; и встрѣчаніе весны, управляясь чини уже по своему обыкновенію: пирогами и пѣніемъ радостныхъ пѣсней подъ паллукъ. Почти такое же отправление встрѣчанья между некоторыми славянскими племенами:

Въ Богеміи встрѣчали весну причитаемъ:

Giz nesem smert ze wsy,
Nové léto do wsy.
Witny leto libezwa,
Obiliczko zelene.

Уже несемъ смерть изъ сохи, а новое лѣто въ сою.
Здравствуй милое лѣто, зеленый посѣвъ! (**)

Словяки и Венгры по пѣнію приносятъ весну, лѣтней пѣсней:

Лѣто, лѣтѣ лѣто,
Кдѣсь такъ дугѣ боло?
Сидно: си на довица,
Намогло си нѣ намъ, прийди! (***)

(*) Ludl florales.

(**) Mitton: Wets. über der alten Slaven Ursprung, c. 74.

(***) Kollar: Némodu. Zpiew, m. 1 c. 224.

Едва начинается стернать, дѣвушки оставляют работу и выходят на улицу; каждая садится подлѣ своей хаты, и кто вышелъ прежде, тотъ заводитъ весеннюю пѣснь. Голосъ ея далеко разносится. Подруга, услышавъ знакомый напѣвъ, отвѣчаетъ ей другимъ куплетомъ, той же самой пѣсни. Наконецъ, всѣ дѣвушки начинаютъ перекликаться, потомъ собираются и вмѣстѣ заѣваютъ веснянку. —

Въ Малороссіи встрѣчаютъ весну особыми играми и пѣснями, извѣстными подъ именемъ веснянокъ. Онѣ поются во время хоровадныхъ: ширь, и при встрѣчѣ весны и лѣта: (*)

Розылися воды
 На чотыре броды
 У первому броду
 Соловейко щебетавъ,
 Зелѣны сады розвивавъ.
 У другому броду,
 Возулька ковала,
 Литечко казала.
 У третьему броду,
 Коничекъ заржавъ
 Винь дороженьку почувъ.
 А въ четвергомъ броду,
 Та дивчина плаче:
 За не любого идучи,
 Соби лихо чуючи.

Свѣти зорю, на всѣхъ прѣсѣ
 Покиль мѣсяць зыйде;

(*) Веснянокъ весьма много, но здѣсь приводятся только изъ
 екатеринославскихъ прицѣровъ.

Покинь до мене милушкий,
 Вечераты прійде.
 Ой чи прійде, чи ни прійде
 На вечерю тую;
 А я ему ранесенько,
 Снідаты зготую.

Цвили лозы при дорози,
 Синесинькимъ цвитомъ.
 Ишовъ козакъ зъ улицы,
 Билесянькимъ свитомъ:
 Не жаль тому козаченьку,
 Поснідаты дати.
 Що винъ иде зъ улицы,
 Якъ стане свитаты.

Нема лёду, нема лёду,
 Нема й перейду.
 Коли тобі люба мида,
 Бреди я чрезъ воду.
 Перебрела дви риченьки,
 И половнну ставу.
 Не вводи мене козачиньку,
 Въ великую славу.
 Ой, самажъ ты, дивчиненько,
 Себе въ славу вводишъ,
 Що визненько, не раненько,
 Зъ улицы ходишъ.
 Ой, якъ мени козачиньку,
 Та раньше ходити?
 Якъ возмешъ ты за рученьку,
 Немуєшишъ пустити.

Въ Польшѣ веснянки почти забыты, а въ Россіи мало извѣстны. Въ малороссійскихъ краяхъ, кромѣ пѣнія веснянокъ, носятъ еще чучело по деревнямъ и полямъ, одѣтое въ женское платье, которое называется

марена или жора (приврагъ). Эту мару провожаютъ ^{Марена или по-ра.} толпа дѣтей, парней, дѣвушекъ и молодыхъ, при громкомъ пѣнии. Въ украинѣ носятъ сдѣланную изъ дерева ласочку, и поютъ пѣсни въ честь весны. —

Въ некоторыхъ мѣстахъ Россіи веснянки извѣстны только въ явленіяхъ духовъ, которыхъ представляютъ въ женскомъ видѣ, и думаютъ, что онѣ появляются весною, какъ жинянки зимою, ослики или обнятки осенью. —

Весну встрѣчаютъ еще окликаніемъ. Въ смоленской губерніи дѣти, дѣвицы и пожилыя женщины, взлѣзаютъ на крышки домовъ, скотныхъ сараевъ, или сходятъ на гору и кличутъ весну. ^{Кличка весны.} —

Красная весна,
Что намъ несешь?

Другія имъ отвѣчаютъ :

Красное лѣто,
Теплое лѣто.

Кличка весны измѣняется по мѣстностямъ. Въ XVI вѣкѣ существовалъ обычай, какъ видно изъ Стюгзава: по утру рано жгли солому и клевкали мертвыхъ. Во многихъ мѣстахъ Польши окликаютъ весну рано по утру, въ великій четвергъ, и въ этотъ день думаютъ до солнечнаго восхода, чтобъ здоровымъ быти на весь годъ. Такое повѣрье существуетъ и въ Малороссіи: кто успѣлъ выкупаться до солнечнаго восхода, тотъ оставался въ полномъ убѣжденіи, что къ нему не пристанетъ никакая зловредная болѣзнь. Въ деревнѣ Сосновкѣ (чистопольскаго уѣзда — казанской губер.), когда зацуютъ первые пѣтухи, тогда дѣвушки и

верши бѣгутъ зачерпнуть воды, даъ рѣчки Бухтъ, иди
воронъ на обмакнулъ съ мѣхъ крыла; и думаются этой
водою. Въ убадахъ: Буйскѣ и Сольгаличѣ (юострому-
ской губ.), посидни погружаются три раза въ воду
и кувъркинулись на землѣ столько же разъ, вѣзвѣзвѣтъ
потомъ на уголь избы и поютъ пѣсню: въ честь: вост-
ны, или екаютъ черезъ вытесть огорода, и вѣзвѣтъ на
деревья, вертятся около стоговъ: сѣна, жульрикаюны
катаются по зеленой травѣ и поютъ:

Весна, весна, красная!
Приди, весна, съ радостію.
Съ радостію, радостію,
Съ великою милостію:
Уроди лѣтъ высокій,
Рожь, овесъ хорошій. —

Въ Буйскѣ, когда не вскрылись еще рѣки, дѣвуш-
ки схватяся за руки, вертятся около проруби и при-
говариваютъ: весна, красная весна! приди весна съ ми-
лостію, съ милостію, съ великою благодію; или вхо-
дятъ въ воду по поясъ, плещуть водою и, вѣзвѣвши
за руки, говорятъ: вода весенняя, здоровая; дай и намъ
здоровья. Многіе больные нарочно приносятся въ рѣ-
чкѣй чегверъ къ ручью, и ихъ конываютъ вѣннай во-
дою, полагая, что она вылечитъ ихъ. Въ оломенской гу-
берніи весна начинается довольно поздно, перваго мая.
Въ это время тамъ встрѣчаютъ весну съ соломеннымъ
чучеломъ, утверждаемъ на шестъ, и ставятъ его на
возвышенномъ мѣстѣ. Тутъ приготовлены пироги, раз-
ныя кушанья и водка; садятся около чучела и пим-
руютъ; потомъ зажигаютъ его и шиплютъ вокругъ, по-
ка онъ не сгоритъ. Въ калужской губерніи зовыаютъ
весну, собираясь на холмахъ или полянахъ, и въ чоты

ея поютъ пѣсни. Въ тульской губернии ~~а~~ ~~с~~ ~~л~~ ~~и~~ ~~к~~ ~~а~~ ~~ю~~ ~~т~~ ~~ь~~ весну, съ ооимной недѣли. Предъ ~~в~~ ~~а~~ ~~з~~ ~~о~~ ~~ж~~ ~~д~~ ~~е~~ ~~н~~ ~~і~~ ~~е~~ ~~м~~ ~~ь~~ солнца собираются поселяне обоего пола, на ближней холмъ или пригорокъ, оборачиваются ~~л~~ ~~и~~ ~~ц~~ ~~е~~ ~~м~~ ~~ь~~ къ востоку, читаютъ про себя молитву и потомъ становятся въ хороводъ. Избранная запѣвальщица, держащая въ одной рукѣ хлѣбъ, а въ другой красное яйцо, распоряжаетъ хороводомъ.

Весна красна!
 На чемъ пришла?
 На чемъ прѣхла!
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ. —

Потомъ всѣ начинаютъ пѣть хороводную пѣснь:

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
 И всѣ красныя на широкой;
 Одной дѣвки цѣтъ:
 Сидитъ она во деревѣ,
 Ширинку шьетъ золотомъ,
 Узду вижетъ тесьменную. —
 Ахъ, горе великое!
 Кому то достанется? —
 Достанется моему буженному,
 Моему ряженому. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаютъ первый весен- Встрѣча
перваго
дождя.
 ній дождикъ, съ особою радостью. Многие нарочно вы-
 ходятъ изъ домовъ, чтобы имъ ороситься, думая, что
 въ это время сила его такъ животворная, что мгновенно
 укрепляетъ тѣло и предохраняетъ его отъ многихъ
 недуговъ. Въ Малороссіи причитаютъ недугъ ~~с~~ ~~л~~ ~~у~~ ~~ч~~ ~~а~~ ~~й~~ ~~н~~ ~~а~~;

Дощику, дощину!
 Милый дощику.
 Кроши жутко,
 Щобъ було чутко;
 Вовникъ здорову,
 Безъ позору:
 Якъ та осина,
 Що гнется та стоить.
 Подай дощику,
 На дядову рижь,
 Дивчачій лань,
 Батькивъ овесь,
 И на все добро,
 Поливай ведромъ.
 Гони хмару
 И всяку жару,
 А очи молодичи,
 Якъ чаровничи,
 Не хай отъ тебе
 Що краше буде.
 Лице биле,
 Косу довгу;
 Шю и вижку,
 Нехай ушы.

Подобнаго почти содержания припѣвъ, сохраненъ въ
 Нерехотскомъ уѣздѣ (костромской губерніи.)

Дождь, дождь!
 На бабину рожь,
 На дядову пшеницу,
 На дѣвкинъ ленъ,
 Поливай ведромъ.

Въ Шуѣ (владимірской губерніи) существуетъ прич-
 таніе въ дождю: *Мать Божая! подавай дождя на насъ*

ячмень, на барской змль, а когда дождь пойдетъ большой: ужъ ты дождь дождемъ, поливай ковшемъ, на нашъ ячмень, на барской змль. Тамъ же къ зарѣ, послѣ перваго весеняго дожда: зоря зораница, красная дѣвица! ты по лѣсу ходила, ключи потеряла; мѣсяць видѣль, солнце скралъ.

Въ Сербіи и Валахіи приносили жертвы богу Папалугу, чтобы онъ посылалъ дождь на хлѣбный посѣвъ. (*)

Венгерскіе Словаки, обращаясь къ солнцу, съ испрошеніемъ у него животворной силы на посѣвъ хлѣба, говорятъ причитаніе:

Дай Боже слнца,
До новаго грица.
Ветъ ти го ми даше,
Кѣдъ са найграше. (**)

Въ Галиціи, собравшись деревенскіе мальчики въ хорошую, лѣтнюю погоду, — поютъ въ честь солнца:

Świéć, swiéć słoneczko!
Dam ci jajeczko,
Jak kureczka zniesie,
Na dębowem lesie.
Weźmie jajo do raju,
Wszystkie dusze radują. —
Ino jedno nie radą,
Ojcu matce łajają :

(*) Gebhard. Fortsetz. der Allgem. Weltgeschicht. der neuen Zeit, ч. 33. с. 254., ed. 1789 г.

(**) Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. с. 274.

Złoty że się mocny Bole!
 Nie dąpiłé ja na Madejów tożé (*).

Первый
громъ.

Существуетъ повѣрье, что при первомъ громѣ надобно выбѣжать изъ избы и подпирать спиною плетень, домъ, дерево или другое что либо, въ томъ предубѣжденіи, что этотъ громъ даетъ тѣлу крѣпость и оживляетъ растѣнія, до того времени еще безжизненные. Въ послѣднемъ случаѣ предразсудокъ имѣетъ, въ своемъ основаніи, физическую справедливость.

Электрическая сила грома, дѣйствуя благотворно на природу, оживляетъ зелень полей и крѣпитъ все растущее; но съ тѣмъ вмѣстѣ она и опасна: дѣйствуя болѣею частью сокрушительно, она убиваетъ человѣка, и часто зажигаетъ зданія.

Когда падаетъ при громѣ дождь, тогда спѣшатъ умыться имъ, или собираютъ его въ чаши, моютъ больныхъ и даютъ его пить.

(*) Мадей славился страшнымъ разбойничествомъ. Когда его словили, тогда приготовили для него постель въ аду, изъ однихъ иглъ раскаленныхъ, посему эта постель прозвана мадевскою. Мадей успѣлъ однако ускользнуть изъ ада.—Постель мадевская обратилась въ пословицу:

Przyjdiesz na Madejowe łóże.

Gdzie są same brzytwy i noże.

Żeg. Paul. Piesn ludu polsk. w Galis. c. 31-32.

III.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Наступала весна, и съ него повсюду была радость. По ^{Красная} ^{гора.} поляне собираются на горку, и съ нея привѣтствуют наступающія весны забавы. Юная природа оживаетъ тогда еще болѣе молодость и веселья: дѣвушки, одушевленные новой жизнью, не доводятъ росываліемъ животворной весны: онѣ встрѣчаютъ ее съ жаркими играми, поздравляютъ съ непритворной радостію, какъ дорогую гость, возвращающуюся къ намъ съ вебеліаго зеленого холма, который по раму называется *красною горкою*. (Для обыкновеніе во всеобщемъ употребленіи. Она начинается съ еомнндова воскресенья, которое въ восточной церкви именовалось *красною*, а въ западной *блѣднѣю воскресеньемъ*. —

У Славянъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, однимъ словомъ у всѣхъ народовъ были священныя горы, горки и друтицы. Тамъ стояли истуканы, горѣли огни для жертвоприношеній и совершались разные священныя обряды и моленія. У кievскихъ, Славянъ были поклонныя и лисыя горы, у прочихъ, какъ то: польскихъ, богемскихъ, моравскихъ и сilesскихъ; священныя, красныя, русыя, черныя, червоныя и гремучія. — На красныя собирались духи мужескаго, а на лисыя женскаго пола.

Обрядное при-
ветствіе
красной
горки.

По всей Россіи встрѣчается большое множество названій красныхъ горъ и урочищъ, но для игръ избираются преимущественно красныя горки, по своему пріятному мѣстоположенію. Толпа поселянъ обоего пола, сдѣлавъ привѣтствіе весѣ, идетъ съ горы съ пѣніемъ и потомъ начинается хороводъ, или другого рода забавы и игры, но эти забавы не вездѣ сопровождаются единообразно. Въ слободахъ Переяславля-зальскаго (владимірской губер.) поселяне собирались въ еоміно воскресенье, послѣ обѣда, съ поздравленіями къ тѣмъ, у кого въ прошедшемъ году были совершены свадьбы, и приговаривали имъ: *выюнъ, выюница! отдай наши яйца.* Молодые ихъ дарили яйцами, кулінами, поили пивомъ и виномъ. — Въ костромской губер. подходятъ къ окну домохозяевъ, и поютъ: *выюнъ да выюница, дай свой яйцо; а не дай яйцо, придетъ втрица.* Если поздравленіе происходитъ подъ окнами новобрачныхъ; то они угощаютъ ихъ пирогами, яйцами и пивомъ. Такое поздравленіе извѣстно тамъ подъ именемъ: *выюннество.*

Что значить выюнъ, выюница и выюннество? Должно думать, что это испорченное въ простонародіи слово *ювид*, молодой; *выюнство* молодость, *выюннество* — значитъ поздравлять молодость, особенно молодыхъ супруговъ. Последнее заключеніе изводу изъ того, что въ Галичѣ (костромской губер.) во время *радожица* (еоміной недѣли), поселяне растѣвають пѣсни подъ окнами молодыхъ: *юница, молодица! подай яйцо въ переносу.* — Или поютъ:

Ой лелю, молодая, о лелю!
Ты выюная, о лелю!
Ты по горничѣ пройди, о лелю!
Покажи свое лице, о лелю!
Да въ окошечко, о лелю!

Понажи намъ молодца, о лелю!
 Своего-то выюнца, о лелю!
 Да пожалуй-ко яичко, о лелю!
 Еще красенькое, о лелю!
 Что на красномъ блюде, о лелю!
 И при добрыхъ людяхъ, о лелю.

Молодые угощаютъ ребятъ перепечью, калачами, канками, ладышками, пивомъ и виномъ, а дѣвицъ красивыми яйцами и пряниками. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рязанской губерніи, дѣвушки и женщины одѣваются въ черное и бѣлое платье, и послѣ обѣдни идутъ на кладбище, съ запасомъ разнаго кушанья и питья; плачутъ надъ могилами своихъ родныхъ и близкихъ къ ихъ сердечному воспоминанію, и поднимаютъ такой страшный вой, что мертвымъ не даютъ покою. Понаплакавшись вдоволь, садятся пить и ѣсть на могилахъ; остатки бросаютъ нечистымъ духамъ, чтобы они не тревожали усоншихъ, а оставшееся вино льютъ на могилы, изъ предубѣжденія, что оно предохраняетъ гробы отъ зловредныхъ духовъ. По окончаніи этого обряда, возвращаются домой: тамъ переодѣваются въ праздничныя одежды и выходятъ на красную горку. Здѣсь начинаютъ уже разныя хороводныя забавы. — Въ смоленской губер. празднество, которое совершается на красной горкѣ, называется *толпищемъ*, соответствующее древнему славянскому обряду *стадо*, сопровождается пѣніемъ пѣсней и играми.

Въ иныхъ мѣстахъ горка составляетъ гулянье на св. недѣль, въ другихъ въ еоминный понедѣльникъ, а въ иныхъ въ Юрьевъ день, въ который выгонъ скота въ поле, сопровождается служеніемъ молебней, для предохраненія его отъ всѣхъ недуговъ, а потомъ радостными пѣснями и ночнымъ хожденіемъ около стада,

въ томъ мѣстѣ, что этимъ дѣланиемъ пригоняется нечистая сила, которая въ то время обиваетъ самую злую, и чрезмѣрно погнѣть скотъ. Въ другихъ мѣстахъ время красной горки, почитается благоприятнѣйшимъ для свадебъ. Вообще красная горка есть первый весенній праздникъ, и она, смотря по мѣстности, начинается то дѣтскою игрою, то хороводами (*).

Нельзя опредѣлить, даже указать на игры и хороводы, какія именно совершаются въ это время. Все зависитъ отъ образа жизни и наклонности поселенъ къ забавамъ. —

Вотъ образецъ встрѣчи красной горки, въ пензенской губерніи. Въ этой встрѣчѣ перемѣшаны игры и забавы, принадлежащія или собственно одной игрѣ, или одному хороводу. —

Въ восьмой день праздника послѣ свѣтлаго воскресенья, называемаго Оумнымъ воскресеньемъ, начинается у дѣвушекъ первое весеннее гулянье, известное подъ именемъ красной горки: — Вечеромъ собираются дѣвицы и составляютъ хороводъ; къ нимъ присоединяются *молодайки* (молодая женщины). Раздѣляются на двѣ половины и становятся другъ противъ друга въ два ряда, на нѣсколько саженой въ длину. Первая половина, подходя къ другой, поетъ:

(*). Есть еще обыкновеніе, что съ окончаніемъ веселья одинъ изъ мужчинъ наряжается кобылою и лугаетъ ребятишекъ. Это дѣлается для того, чтобы они боялись своихъ отцевъ и матерей, и когда онѣ заплачутъ или не слушаются ихъ, тогда стращаютъ: *вотъ придетъ кобыла, вотъ идетъ кобыла, и ребенокъ смиряется.* — Пугаютъ еще для того, чтобы ребятишки не просили скоромнаго въ постные дни.

А мы съезу чистилин,
 " Чистилин;
 Ой диди—ладу, чистилин,
 Чистилин!

и дошедши до другой, она возвращается назадъ и становится на свое мѣсто.

Потомъ другая половина, танцъ же подходитъ къ первой, поеть:

А мы проса свяли,
 Свяли;
 Ой диди—ладу, свяли,
 Свяли!

И такимъ образомъ продолжаютъ пѣть попеременно, и потомъ отходить на свое мѣсто.

Перв. А мы просо полбли,
 " Полбли;
 Ой диди—ладу, полбли,
 Полбли!

Втор. А мы просо вытопчемъ,
 " Вытопчемъ;
 Ой диди—ладу, вытопчемъ! 2.

Перв. А мы коней выловили, 2.
 Ой диди—ладу, выловили! 2.

Втор. А мы коней выкупили, 2.
 Ой диди—ладу, выкупили! 2.

Перв. А чѣмъ же вы выкупите? 2.
 Ой диди—ладу, выкупите? 2.

Втор. А мы дадимъ сто рублей,
 Сто рублей.
 Ой диди—ладу, сто рублей! 2.

Перв. Не надо намъ тысячи,
 Тысячи;
 Ой диди—ладу, тысячи! 2.

- Втор. А мы дадимъ дѣвицу, 2.
 Ой диди—ладу, дѣвицу! 2.
- Перв. За дѣвицу слова нѣтъ,
 Слова нѣтъ,
 Ой диди—ладу, слова нѣтъ! 2.
- Втор. У насъ въ полку убыло, 2.
 Ой диди—ладу, убыло! 2.
- Перв. У насъ въ полку прибыло, 2.
 Ой диди—ладу, прибыло! 2.

Въ продолженіи этой пѣсни, дѣвицы приближаются радостно другъ къ другу и потомъ отступаютъ.

По окончаніи этой забавы, набираютъ нѣсколько дѣвочекъ и мальчиковъ, разсаживаютъ ихъ на небольшое, другъ отъ друга разстояніе; окружаютъ ихъ, сцепившись рука съ рукой, и ходя вокругъ ихъ, поютъ:

Маки, маки, маковочки,
 Золотыя головочки!
 На горь былъ макъ,
 Подъ горою такъ,
 Такъ, былъ макъ,
 Сякъ, былъ макъ.

Пропѣвши это, спрашиваютъ у сидящихъ: поспѣлъ ли макъ? — Тѣ отвѣчаютъ: еще только поспѣялъ. — Потомъ опять поютъ тоже, и послѣ опять спрашиваютъ: поспѣлъ ли макъ? Тѣ отвѣчаютъ: цвѣтеть. — Еще разъ слѣвши тоже самое, спрашиваютъ: поспѣлъ ли? И когда будетъ отвѣтъ: поспѣлъ, — тогда начинаютъ сидящихъ мять, коверкать и трясти. Если эта игра наскучитъ дѣвицамъ и имъ захочется поплясать; то всѣ онѣ становятся въ большой кругъ, а двѣ изъ нихъ побойчѣ, выходятъ на средину, начинаютъ первыя пѣть и плясать, а за ними поетъ и пляшетъ весь кругъ:

Во лужахъ, лужахъ,
Зеленыхъ лужахъ!

Выростала трава шелковая,
Разцвѣтали цвѣты лавровые, —
Понеслись духи малиновые.

Ужъ я въ той травѣ, выкормлю коня,
Выкормлю, ужъ я выкормлю, и выглажу е

Поведу я коня къ батюшкѣ:
Батюшка, ужъ ты батюшка, родимой мой!

Ты прійми слово ласковое,
Ты прійми слово привѣтливое. —

Не давай меня за стараго замужъ:

Старый мужъ не ровня мнѣ,
Со старымъ гулять я не пойду!

Пляшущія, притопывая ногами, приговариваютъ еще: гоць! гоць! гоць!

Уставъ отъ пляски и пѣсень, дѣвицы заводятъ другую игру, — дергать рѣдчку. Она совершается такъ: здоровая изъ дѣвушекъ садится на лугу; на ея колѣнахъ садится другая, которую она обхватываетъ и держитъ подъ руки; на колѣнахъ другой, третья, и такъ далѣе, пока изъ нихъ образуется довольно длинный рядъ. Одна подходитъ къ сидящей въ концѣ, и говоритъ: кума! продай рѣдечку. — Та отвѣчаетъ: поди, выдержи на томъ концѣ. — Покупательница идетъ на другой конецъ, берется выдергивать послѣднюю изъ сидящихъ, и начинаетъ тащить ее. Если вытащить, хорошо; а нѣтъ, такъ опять идетъ къ первой и жалуется ей, что рѣдка слишкомъ туга: не велить ли она выдержать изъ середки? Та отвѣчаетъ ей, что она не хочетъ портить грядки, а хочешь, такъ дергай съ конца. Послѣдняя опять подходитъ къ концу, и уже здѣсь непременно вытаскиваетъ одну, за ней другую, и такъ

дальше до последней, которая, будучи вонизъ свѣтъ, тащить всѣхъ за собою.

У крестьянскихъ молодущекъ есть положеніе: *проиграть первый вечеръ, до благо свѣта.* Надобно или поплясать, или пѣсенки попѣть. Одна поопытѣе изъ нихъ начинаетъ:

Занька, гдѣ ты былъ, побывалъ?
 Свиринькой, гдѣ ты былъ, побывалъ?
 Былъ я, былъ я, парень мой;
 Былъ я, былъ я, сердце мое;
 У трехъ дѣвушекъ въ гостяхъ.
 Занька, ты не знаешь, какъ зовутъ?
 Свиринькой, ты не знаешь, какъ зовутъ?
 Знаю, знаю, парень мой,
 Знаю, знаю, сердце мое.
 Какъ Катюха да Марюха,
 И третья Дуня удала.
 Занька, тамъ встрѣчали ли тебя?
 Свиринькой, тамъ встрѣчали ли тебя?
 Встрѣчали, парень мой,
 Встрѣчали, сердце мое:
 Какъ Катюха у дверей,
 А Марюха у свѣдъ;
 И третья Дуня удала,
 Во гореньку провела.
 Занька, тамъ сажали ли тебя?
 Свиринькой, тамъ сажали ли тебя?
 Сажали, парень мой,
 Сажали, сердце мое:
 Какъ Катюха на лавку,
 За столъ меня провела.
 Занька, тамъ кормили ли тебя?
 Свиринькой, тамъ кормили ли тебя?
 Кормили, парень мой,
 Кормили, сердце мое,

Какъ Катюха пологирь, .
 А Марюха калачомъ,
 И третья Дуня удаля,
 Каши съ маслицемъ дала.
 Занька, тамъ дарили ли тебя? .
 Свринькой, тамъ дарили ли тебя?
 Дарили, нареки мой,
 Дарили, сердце мое:
 Какъ Катюха пологирь,
 А Марюха платкомъ;
 И третья Дуня удаля,
 Съ рукъ перчаточки дала.
 Занька, провожали ли тебя? .
 Свринькой, провожали ли тебя?
 Провожали, нареки мой,
 Провожали, сердце мое:
 Какъ Катюха шаль днррей,
 А Марюха изъ снней;
 И третья Дуня удаля,
 Вдоль улицы провела. — .

Вообще думаютъ, что съ наступленіемъ красной горки, впервые начинаютъ горѣлки и заѣваютъ хороводную пѣснь *просо съяли*. —

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей составили особый Вьюнишникъ. праздникъ, подъ именемъ *вьюнишника*, потому только, что онъ совершается въ Семеновскомъ уѣздѣ (нижегородской губерніи), на святой недѣлѣ въ субботу, и тамъ поютъ пѣсни молодымъ супругамъ, бракосочетавшимся въ прошедшемъ году. Я не считаю это за отдѣльный праздникъ, ибо вьюнишникъ поется въ одно время съ красною горкою, и пѣсни его одного почти содержанія, напирим:

Ты вставай-ка молодець,
 Ты вставай-ка нашъ вьюнецъ!
 Ты расчесывай кудри,

Костянымъ гребешкомъ.
 Ужь ты взгляни въ окошко послѣднее!
 Тебѣ пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ.
 Награди-ка насъ подаркомъ,
 Сладкимъ прищипкомъ,
 Бѣлымъ сахарнымъ. —

Вьюнишникъ употребляется еще для молодыхъ, вмѣ-
 сто застольной пѣсни. —

Какъ въ деревнѣ во Ильинской,
 У Ефима молодца,
 Что стоялъ тутъ теремъ
 Со крутымъ верхомъ,
 Со косячатымъ окномъ. —
 Противъ краснаго крыльца,
 Выросло дерево трехугодливое.
 Что въ томъ ли терему,
 Дубовы столы стоятъ,
 Дубовы столы стоятъ,
 Бранныя скатерти лежатъ.
 На тѣхъ ли на столахъ,
 Медвяныя яствы стоятъ ;
 За тѣми ли столами,
 Князья, бояре сидятъ,
 Сахарныя пѣтя пьютъ.
 Катайтесь, бояре,
 Со высока терема;
 Не спшибите деревца ,
 Трехугодливаго.
 Еще первая угода ,
 Подъ корень деревца ;
 А другая угода,
 Посередь деревца ;
 А третья-то угода,
 Подъ вершину деревца. —

Подъ вершину дерева
 Соловей гвздо вьсть,
 Онъ и яйца несеть,
 Молодыхъ дѣтокъ ведеть.
 Посередь дерева,
 Пчелы ярыя шумять,
 Много меду наносятъ.
 Подъ корень дерева,
 Кровать нова тесова,
 Перинушка пухова.
 На той ли кроватушкѣ
 Ефимушка лежить,
 Съ молодой своей женой
 Съ Оксеньюшкой душой.
 А у нихъ въ головахъ,
 Звончаты гусли лежать.—
 И кому въ гусли играть?
 Кому твшитъся?
 Играть въ эти гусли,
 Ефиму молодцу :
 Ему твшитъ, утвшать,
 Молоду свою жену,
 Оксеньюшку душу.
 Чѣмъ вась молодцевъ,
 Стануть жаловати?
 Пивомъ, ендовой, или склянницей вина?
 Или золотой казной? —
 Ничего намъ не подашь,
 Мы со двора пойдемъ,
 Мы осердимся.
 Три бѣды мы сотворимъ :
 Первую бѣду,
 Ворота мы растворимъ,
 Коней пару уведемъ.
 А другую то бѣду :
 Иабы двери растворимъ,
 Мы гостей ознобимъ.

Третью то бяду :
 Во теремъ зайдемъ,
 Мы заслонъ унесемъ,
 Печи остудимъ.
 Гостей охолодимъ,
 И васъ молодыхъ,
 На стыдъ наведемъ.

Молодые подчуютъ ихъ виномъ, закусками или даять чѣмъ нибудь. Они благодарятъ :

Еще здравствуй молодой,
 Съ молодой своей женой,
 И спасибо тебѣ хозяйнѣ,
 На жалованьи,

Отходя отъ нихъ :

Выюнецъ, молодецъ, молодая, (4 рама).

Потомъ молодежь обходитъ прочихъ новобрачныхъ, съ выюшникомъ или поздравленіемъ. Къ вечеру собираются въ питейный домъ, пьютъ на собранныя деньги и закусываютъ полученнымъ отъ молодыхъ (*).

(*) Снег. Руск. простон. правди. вып. III. с. 211-214.; Сак. Сказ. русск. нар. т. I. с. 261., см. русск. обрядныя пѣсни, подъ статью: пѣсни радуницкія. — Онъ ошибочно причисляетъ къ радуницкимъ, слѣдующія три :

1. Ой деля, молодая, о деля!
2. Ты вставай-ка молодецъ.
3. Какъ у доремъ у Ильинской.

Всѣ оны собственно поздравительныя или ямаче-выюшныя.

IV.

РАДУНИЦА.

Въ разныхъ мѣстахъ называется радуница различно, Значеніе радуницы. какъ то: *радоницею, радуницею, радоницею и навій день*. Все это воспоминаніе за упокой, и во многомъ сходствуетъ съ тризною и стравою. — Радуница не вездѣ приходится въ одно время: большею частію бываетъ въ Оминѣ воскресенье, Оминѣ понедѣльникъ или въ десятый день отъ пасхи, во вторникъ, — послѣднее часто всего празднуется въ сѣверо-восточной Россіи. Въ Малороссіи она называется провдами, гробками и могилками, потому что тамъ, въ Оминѣ понедѣльникъ, совершаютъ поминованіе по умершимъ. Радуница превратилась въ послѣдствіи въ *родительскую субботу*. — Радуница происходитъ отъ слова *радоваться*, а *навій* отъ древняго славянскаго слова *навъ*, означющее покойника, мертвеца. Народъ, поминая въ это время родителей, думаетъ, что они радуются съ ними. Не безъ основанія исторіографъ Карамзинъ замѣтилъ, что радуницею назывался какой нибудь языческій праздникъ у Славянъ, и бывалъ въ началѣ апрѣля, потому что пасха приходилась въ то время марта 28. (*)

(*) Кар. Ш. Р. Р. т. 5. прим. 26.

Изъ поминальныхъ дней особенно замѣчательна родительская суббота. Поминовение родителей такъ важно, что считаютъ за грѣхъ заниматься работою во время поминокъ, и что тогда не должно поминать ихъ блинами. По этому приносятъ на могилы: пироги, калачи, кашу, кутью, яйца и разныя жареныя и вареныя кушавья. Суевѣріе заставляло часто священника снимать съ себя ризы, или эпитрахиль, и постилать на могилѣ при совершеніи литіи; по совершеніи литіи, священникъ съ причетомъ и поминавшіе съѣдали все принесенное. — Въ прежнія времена народъ поминалъ умершихъ съ языческими обрядами: совершавъ надъ могилами усопшихъ поминовение, оставлялъ сродниковъ плакать и рыдать. — Женщины и мужчины, вспоминая добрыя качества покойника, наполняли воздухъ плачевнымъ воемъ; потомъ садились на могилу, угощали другъ друга пивомъ, виномъ, пирогами, блинами, яйцами и проч.; остатки бросали злымъ духамъ. — При питіи вина, отливали часть на могилу, а послѣднее сами выпивали. —

Радуницкія поминки всегда сопровождались чрезмернымъ упоеніемъ, отъ того вошло въ поговорку: *выпили пиво объ масляницѣ, а съ похмелья домало послѣ радунины.*

Отправленіе радунинъ и ихъ поминовеній.

Въ Омиинъ вторникъ толпы народа съ узелками, идутъ по утру на могилы своихъ родителей, совершать по нихъ поминовение, и тамъ, оплакивая ихъ смерть, пируютъ цѣлый день. Тогда считается за великій грѣхъ, если кто не служитъ панахиды. Многіе думаютъ, что души умершихъ встаютъ во время поминовеній изъ *темницъ* (изъ гробовъ), радуются и слушаютъ поминальную обѣдню въ церквѣ, за олтаремъ. Тѣ же родители, коихъ дѣти не пришли поминать, плачутъ тогда весь день. — Самая поминальная пища,

которая должна состоять преимущественно изъ кутьи, пироговъ, сырниковъ и яицъ, раздѣляется будтобы мертвыми, выходящими невидимо изъ темницъ, и присутствующими съ живыми до солнечнаго захода.—Такое мифіе господствуетъ даже между простолюдинами въ Петербургѣ.—Тутъ одинаково совершаютъ обрядныя дѣйствія въ Фоминъ вторникъ, называющійся *радуницею*, а самое дѣйствіе поминовенія *христосованіемъ съ родными*; потому непременно берутъ окрашенныя яйца, и кладутъ ихъ на могилу. Нѣкоторые зарываютъ окрашенныя яйца, въ нарочно выкопанныя надъ могилой ямки. Вѣрятъ еще, что если въ радуницу случится представленіе свѣта, то вышедшіе изъ темницъ, предстанутъ прямо въ рай съ поминающими ихъ.

Въ пермской губерніи, во вторникъ на Фоминой недѣлѣ, ходятъ по утру на кладбище поминать усопшихъ, запасаясь крашенными яйцами, блинами и разными кушаньями; остатки раздаютъ нищимъ; весь день проводятъ въ гуляньи и прогулкахъ. —

Въ другихъ мѣстахъ послѣ пиршества оставляютъ на могилахъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, крашенныя яйца, которыя у нихъ изображали умиловительныя жертвы по умершимъ. Водится изстари обычай, что женихи и невѣсты ходятъ на могилы своихъ родителей: просить у нихъ благословенія на брачный союзъ, и въ знакъ ихъ согласія, оставляютъ яйца на могилахъ. —

Стоглавъ осуждалъ оклички на радуницы и въюницы, въ обычай удерживаетъ ихъ донынѣ.

Нигдѣ родительскія поминки не производились и не производятся, съ такою веселостію, какъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи. Въ Кіевѣ сходились, и теперь сходятся на гору Щековицу не только простой народъ, но

почетнѣйшіе граждане. Тамъ сначала отуриваются на-
 пухиды надъ умершими, а потомъ каждое семейство,
 сѣвъ въ кружокъ близъ родственной могилы, поминаетъ
 родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ и все,
 что дорого для ихъ сердца. Ъдятъ и пьютъ за упо-
 кой, желаютъ усопшимъ царствія небеснаго, за ихъ
 добрыя дѣла; прощаютъ нанесенныя имъ обиды, не
 желая препятствовать имъ идти прямо въ рай, — и
 просятъ ихъ не препятствовать имъ. Когда немножко
 поразгуляютъ, тогда заставляютъ семинаристовъ или
 учениковъ бурсы, пѣть духовнаго содержания стихи,
 но печальнымъ и погребальнымъ напѣвомъ. — Это такъ
 растрогиваетъ настроенную ихъ чувствительность, что
 они, для удержанія своихъ слезъ, записываютъ горѣ ви-
 номъ, произнеся: *о, якъ оце жалостливо! сховаєш ридного
 и ридненьку, хтожъ мене приголубе? Чи чуєте ви, мій
 батеньку и моя матусенька? Чи вамъ тамъ лучче, чи
 лажъ тутечки?* Послѣ многихъ возгласовъ, старшій или
 поминальщикъ обращается къ плачущимъ, и гово-
 ритъ: *давайте жъ скорій чарку горилки, — утолымъ го-
 ре!* Когда и это не помогаетъ, тогда обращаются къ
 скрипачамъ, и говорятъ: *музыка! нужежь заиграйте, да
 такъ, щобъ плакало усе на взрыдь.* Скрипачи
 заучивныя или похоронныя пѣсни, и всѣ плачутъ.
*Годи! чи перестанете жъ ираты? Не бачете, якъ вси
 взрыдали, мовъ съ циньва ридного хоронють.* Скрипачи
 начинаютъ играть веселыя, и всѣ, забывъ горе, броса-
 ются въ присядку. Поминки обращаются въ безотчет-
 ной разгулъ, который иногда продолжается во всю
 ночь. — На другой день говорятъ только: ой, болитъ
 моя головцыка. — Чтобы прогнать головную боль,
 похмѣляются; похмѣлье иногда длится нѣсколько дней
 сряду. — Почти тоже самое происходитъ въ полтаве-
 кой, черниговской и харьковской губерніяхъ.

Въ Бѣлоруссіи также собираются на кладбище. Тамъ, на могилахъ родныхъ, катаютъ красныя яйца, которыя отдаютъ потомъ нищимъ. — На могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанье, и привѣтствуютъ покойниковъ: *святые радзицили! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушаць*. Потомъ старые и малые разсаживаются по мѣстамъ. Кушанья должны быть нечетныя: пять, семь, девять и т. д., и безъ подливки (соуса). — Необходимо, чтобы тутъ находились: медъ, творогъ, блины, гречаники, колбаса и свинина. Кто бѣдный, тотъ проситъ у зажиточнаго, который всѣмъ надѣляетъ его. — Остатки отдаютъ нищимъ. По окончаніи угощенія, обращаются къ покойникамъ: *мои радзицили! выбачайць, недзивиць; чимъ хата богата, тимъ и рада*. Послѣ отправляются въ корчму, и тамъ поютъ и танцуютъ. — Радуницу отправляютъ здѣсь еще весною, когда растаеваеъ земля, и думаютъ, что тогда родителямъ тепло, потому разговоривая съ ними, желаютъ имъ: «дай вамъ Богъ, легко въ землѣ лежати, и Христа въ очи видати». (*) — Обычай, посѣщать могилы родительскія, есть языческій: онъ былъ извѣстенъ всѣмъ народамъ на востокѣ, оттуда перешелъ въ Европу. Поговорка у Римлянъ: *de mortuis aut bene aut nihil* т. е. объ умершемъ или хорошо, или ничего, конечно произошла изъ благовѣйнаго воспоминанія по умершемъ; но мѣста вѣчнаго жилища, постоянно напоминаютъ живымъ утрату сердечную, и потому служатъ предметомъ посѣщеній, слезъ и священныхъ поминовеній.

(*) Goleb. Lud polsk. jego zwyc. i zabob. ч. 2. с. 269.

V.

ЗАПАШКА.

При восвѣтѣ хлѣба и началѣ жатвы, поселяне соблюдаютъ особыя свои обряды. Не начинаютъ ни орать, ни сѣять, ни косить, ни жать, не помолившись сначала Богу, и не спросивъ у Него благословенія на свой трудъ. Земледѣлецъ обращается въ ту сторону, въ которой, по его примѣтамъ, благоприятны предзнаменованія: чистое небо и тихій вѣтерокъ. — Набожно онъ кланяется на всѣ четыре стороны. Потомъ, постоявъ нѣсколько времени на своей полосѣ, онъ осматриваетъ вокругъ себя, воднимаетъ глаза на небо и замѣчаетъ на немъ движеніе облакъ; наблюдаетъ полетъ и крикъ птицъ, слѣдитъ и первую поступь лошади и быка, когда впрягаетъ подъ плугъ, и потомъ, перекрестясь, говоритъ: *благослови Господи Иисусе Христе! и помилуй насъ*. Сколько предчувствій волнуютъ въ то время его душу! Предзнаменованія устрашаютъ его, онъ не вѣритъ и въ самыя счастливыя примѣты, которыя часто обманывали его. — Онъ беретъ плугъ, закидываетъ его на свою ниву, и съ словомъ: *помощи Боже!* начинаетъ пахать. — Запашка его пошла удачно и скоро.

Набожное со-
дѣйствіе
земле-
дѣльца.

Запаш-
ка.

дуются вдвойнѣ. Всѣ предвѣстія благоприятныя, уско-
ряютъ его трудъ, и наконецъ настаетъ послѣдній день
запашки, уборка. Онъ и се счастливо окончилъ, —
вотъ его радостный праздникъ. —

Помочи. Издавна существуетъ обычай помогать другъ дру-
гу въ вспахиваніи поля, и это называется *помочи*, отъ
слова помочь, пособить. Это обыкновеніе есть общее
между крестьянами и помѣщиками. Каждый житель
деревни, имѣя большія поля и не успѣвая убрать ихъ,
извѣщаетъ околдовокъ о поданіи ему помочи. Это дѣ-
лается въ праздничный день. — Нива покрывается по-
селками; трудъ ихъ облегчается пѣваніемъ, и въ одинъ
день оканчиваютъ то, что хозяину пришлось бы дѣ-
лать въ мѣсяцъ. Въ продолженіи помочей, хозяинъ уго-
щаетъ обѣдомъ и нѣсколькими ведрами пива; потомъ,
съ наступленіемъ вечера, всѣ таются гужемъ въ домъ
хозяина, который благодаритъ ихъ ужаномъ. Тутъ вы-
нимаютъ прощальный ковшъ пива домашняго, и расхо-
дятся по избамъ весело.

Опанки. Не вездѣ вспахиваніе полей извѣстно подъ однимъ
именемъ запашки. Мѣстами она называется *опанкою*. Но-
доскочные хлѣбопашцы вспахиваютъ поля по очере-
ди: одному мужику помогаютъ другіе, на одной надѣ-
лѣ, а тотъ имъ въ свое время, такъ что у трудяю-
щихся мучиться, полевая работа идетъ рука объ
руку. — Въ деревнѣ, варятъ тогда брагу и пиво, и по
окончаніи работъ, угощаютъ взаимно. При заставѣ
ярового хлѣба, женщины готовятъ ничнипу и пируш-
ку; по обычаю онѣ пируютъ сами. (*) Въ праздничный

(*) За то, съ окончаніемъ тканья, мужчины обливаютъ жен-
щинъ водою, а иногда кушаютъ ихъ въ рѣкѣ, чтобы согнать
съ нихъ дѣнь.

день сходата поселяне въ деревню; отслушати благодарственную молебень; другіе приносятъ въ церковь на освященіе: часть баранины или две пшуды или птицу, особенно жарнаго пѣтуха и хлѣбъ. Послѣ молебни берутъ съ собою мясное, оставивъ салбы священнику; варятъ и жарятъ, и приглашаютъ на общий пиръ овладѣнника, своихъ родственниковъ, а также своихъ соседей; чтобы отпраздновать опашку или запашку. Не повсюду въ употребленіи эти празднованія; часто совершаютъ запашку безъ угощенья.

Засѣвъ полей производится, болѣе или менѣе, съ священными обрядами. Въ юго-западной части Россіи, священники окрошаютъ водою поля, и благословляютъ земледѣльца на посѣвъ. Мужикъ, помѣсивъ на плѣю котомку, или торбу съ зерномъ, беретъ горстью зерно и сѣетъ въ одну сторону, сначала, преимущественно тѣмъ зерномъ, которое сохранилось отъ перваго года: при, когда дѣти ходили по домамъ; поздравляя хозяевъ съ новымъ годомъ и посыпая зерномъ. Малороссыящины говорятъ при посѣвѣ: *роды Божіи посевъ; люменъ и гречку, хоть осею по тришкинку; роды Возмелю; а коноплю; на всеъ христіянскій міръ.*

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи мужикъ засѣваетъ первоначально ржаной просвирою, той самой, которую онъ получалъ въ день Благовѣщенія.

Посѣвъ называется въ Литвѣ, Бѣларуссіи и Малороссіи, *засѣвками*; въ западно-сѣверной Россіи *засѣвками* и *посѣвками*; въ восточной части, *засѣвъ*. Послѣдній день сѣянія, называется *досѣвки*; въ Малороссіи *досѣвки*. Вездѣ окончаніе посѣва, есть радостный день для хлѣбопашца, и потому въ вныхъ мѣстахъ бывають угощенія. — Нарочно варятъ пиво и закалываютъ свинью, если это бываетъ яровой посѣвъ, или пекутъ калачи и пироги, если озимовый.

Во многих мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи, существуютъ посквочные предрассудки. По отслушеніи молебна подъ открытымъ небомъ, приходскій священникъ читаетъ заклинательныя молитвы, изгоняетъ лютыхъ духовъ и потомъ благословляетъ поселянъ. Между тѣмъ одна здоровая и крѣпкая баба, и непременно должна быть баба, поцѣловавъ вѣреть, схвативаетъ священника: поперегъ, во всеи его облаченіи, и перебрасываетъ черезъ себя три раза; потомъ а простодушны принимаютъ катать его по нивѣ, не смотря ни на грязь, ни на шечки. Если бы священникъ воспротивился такому обряду, то мужики замѣчаютъ ему съ неудовольствиемъ, говоря: ты батюшка, вѣрно не желаешь намъ добра; не хочешь, чтобы у насъ былъ хлѣбъ; а ты же, дашь отецъ, кормишься нашимъ хлѣбомъ. — Священникъ повольно долженъ покориться невѣжественному предрассудку. — Хорошо, если нива сухая. По совершеніи обряда, толпой отправляются домой, угощаютъ священника соевъ его причетомъ; и всѣхъ своихъ сосѣдей. Если ширъ проходитъ безъ всякихъ раздоровъ, то предзнаменованіе благоприятное. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершаютъ еще такъ: когда довольно взойдетъ хлѣбъ, тогда народъ проситъ священника отслужить молебенъ въ полѣ. Потомъ угощаютъ его обѣдомъ; послѣ обѣда женщины катаютъ священника съ причетомъ, по зеленому хлѣбу.

VI.

КУКУШКА.

Вѣрованіе въ таинственные голоса животныхъ, изъ Древнее
звона-
ніе въ
голоса
живот-
ныхъ. коихъ выводили предзнаменованія для жизни настоящей и будущей, существовало на востокѣ съ незапамятныхъ временъ, и нѣтъ сомнѣній, что отсюда оно распростра-
нилось по Греціи, особенно оно господствовало въ вы-
сшей степени у Римлянъ, среди ихъ жрецовъ и птице-
годателей, которые нерѣдко останавливали важныя го-
сударственныя дѣла, если священная птица, во время
гаданій, кричала голосомъ неблагопріятнымъ. Въ числѣ
таковыхъ известна была Римлянамъ *кукушка*. (*cuculus*). — Ея названіе сходно со многими иностранны-
ми словами: у Индѣйцевъ она называлась *кокила*, у
Грековъ *кукосъ*, у Англичанъ и Французовъ *куку*, у
Нѣмцовъ *кукукъ*, у Литовцевъ *кукулка* и *зогула*, у Поля-
ковъ *кукулка*, у Чеховъ *кукачка*, *жежулка*, у Мало-
россіянъ *зогула*, въ Россіи *кукушка*.

Въ древней части свѣта и во всѣхъ странахъ Евро-
пы, кукушкѣ приписывалось предвѣщательное свойст-
во. Если она прокричала куку надъ домомъ, то ду-
мали, и теперь думаютъ, что кукушка предсказываетъ
смерть кому либо изъ домашнихъ. Вѣщій голосъ ея

наводитъ страшное уныніе на весь домъ. (*) Если кто услышитъ ее въ первый разъ, имѣя при себѣ деньги, тому быть богатымъ. Услышитъ ли дѣвушка, имѣя при себѣ деньги, быть ей за мужемъ за богатымъ. Поселянинъ, начинающій въ первый разъ свою работу при кукушкѣ, увѣренъ, что его трудъ не останется безъ вознагражденія. — Донынѣ господствуетъ мнѣніе, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, что когда кукуетъ кукушка, надобно предлагать ей вопросы о долготѣи своей жизни, и сколько разъ она прокричитъ, столько лѣтъ жить на свѣтѣ. — Случалось слышать, что самые старики, стоящіе одной ногою во гробѣ, спрашивали у кукушки: кукушка, кукушка! скажи: сколько

(*) Къ числу зловащихъ птицъ принадлежатъ: ворона, грачъ, слячъ, ома, филинъ, пугачъ и сорока. Названіе зловащника: сорока получила за дикій и провандальный крикъ, напр. дугачъ, дльснѣй филинъ воютъ среди глухой ночи, голосомъ отчаяннаго человека, зовущаго къ себѣ на помощь или кричаго ребенкомъ, иногда же хохочутъ, стонутъ и ржутъ. Суевѣры носятъ при себѣ тохти филина, чтобы отгнать отъ себя зло. Если воронъ или другая птица набудетъ изъ зловащихъ птицъ, прокричитъ на кровлѣ, то быть въ домѣ покойнику...

Въ Москвѣ сохранилось повѣрье о сорокѣ, будтобы предавшей боярыня Кучку. Известно, что Москва основана на мѣстѣ убійенія Кучки, и когда онъ, желая избѣгнуть своихъ убійцъ, спрятался подъ бѣлинь кустомъ, тогда сорока своимъ свистаньемъ указала несчастнаго Кучку, который умирая проклялъ ее. Отсюда родилось вѣрованіе, что сороки изгнаны навсегда изъ Москвы. —

Разсказываютъ еще, что Марія Мишеницъ, жена самозванца Дмитрія, была вѣдьма, и когда убили ее мужа, тогда она перекинулась въ сороку и вылетѣла въ окно изъ своего терема. За это были прокляты всѣ сороки. — Охотники до варьваній утверждаютъ еще, что она проклята однимъ волшебнымъ старцемъ за то, что одна сорока унесла послѣдній кусокъ его сыра...

лѣтъ мнѣ жить на сѣнѣ? — Она бывало прокричитъ разъ сорокъ; старики радуются и разсказываютъ объ этомъ встрѣчному и поперечному. — И кто не хочетъ жить! Но оказывалось, и весьма часто, что пророчество кукушки было недѣльное, какъ ворожеевъ: старики не переживали болгода. Молодые дѣвушки, и все неопытное, любятъ спрашивать у кукушекъ. Случалось, что на вопросъ о ихъ долготѣи, кукушка прокричитъ разъ пять или два раза. Сколько тогда горестей отъ ея зловѣщаго голоса! — Но молодые, на перекоръ вѣщанію, жилали до глубокой старости. — Въ Мадоросеи дѣвушки, услышавъ кукушку, останавливаются съ трепетнымъ волненіемъ и спрашиваютъ: зозуля, зозуля! скажи: чи багацько осталось мени жыты? Зозуля молчитъ; онѣ вновь протѣряютьъ вопросъ; зозуля не отвѣчаетъ; онѣ сердятся, но спрашиваютъ, и вдругъ она какъ нарочно, прокукуетъ одинъ разъ; тогда разсерженные бросаютъ на нее землю, сгоняютъ съ дерева, говоря: бреше зозуля! — Когда льстятъ намъ, тогда мы вѣримъ и самой лжи. — Въ народѣ осталась пѣснь на кукушку:

Прилигла зозуленька,
 Зъ темнаго лисочку;
 Сила, пала, ваковала,
 У зеленымъ садочку.
 Ой, якъ выйшла Дунячка,
 Въ ней запытала:
 Скажи мени, зозуленько,
 Чи довго буду въ батька?
 Будешъ, мила Дунячко,
 Весь день до вечера,
 Бодай же ты, зозуленько,
 Сидишь литъ на ковада.

Що ты жести, молодешкой,
Правды не сказала. — (')

Во многихъ малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ, отразился пророческій голосъ кукушки; на примѣръ въ думѣ о гетьманѣ Наливайкѣ, по возстаніи его противу Польши (въ 1596 г.) (**).

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про межъ святыхъ чувала,
Що вона кувала, тому й бути стати.

Въ думѣ: походъ на Поляковъ, за смерть Палаюка,
(1639 г.);

Закриче воронъ, степомъ летиши;
Завлаче зозуля, лугомъ скачучи;
Закуркуютъ кречеты сназы,
Да все усе по своихъ братахъ;
Загадаются орлики сназы,
Да все усе по своихъ братахъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!

Мандри-
ки и за-
вивалия
вѣнковъ.

Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что если кричитъ кукушка, послѣ дней Петра и Павла, то это значитъ, что не будетъ изобилія въ хлѣбѣ. — Въ день св. Апост. Петра и Павла пекутъ изъ творогу, на масле и яйцахъ, круглые небольшіе сырники, которые называются мандриками, и ѣдятъ ихъ, въ томъ вѣро-

(*) Сахар. Скав. Русск. нар. изд. 1841 г. т. I см. малороссійскія пѣсни, подъ статью Троицкія с. 272, причислилъ ее къ троицкимъ пѣснямъ. — Ее поютъ во всякое время, и она сочинена на счетъ гадающихъ, особенно, когда дѣлаютъ загадки кукушкѣ.

(**) Максим. Украин нар. пѣсни с 24-28, изд. Моск. 1834 г.

ваніи, что кукушка не будетъ кричать болѣе. Если послѣ этого времени кукушка кричитъ, то она кукуетъ уже такъ, какъ будто бы чѣмъ нибудь подавилась, почему и говорятъ: зозуля подавилась мандрикою. У Нѣмцевъ такъ же есть повѣрье, что если кукушка перестала кричать, послѣ Иванова дня (іюня 24); то навѣрно будетъ голодъ въ томъ году. — (*)

Въ орловской губерніи на праздникъ Петра и Павла, дѣвицы и молодые мушныи ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки. Съ собою берутъ яйца варенныя, пироги и короваи: печеные на яйцахъ, маслѣ и молокѣ; угощаютъ другъ друга. При плетеніи вѣнковъ поютъ хороше водныя пѣсни. Боятся заходить далеко въ лѣсъ, вѣря, что русалки скрытно качаются на зеленыхъ вѣтвяхъ, нападаютъ на людей и зашекочиваютъ ихъ до смерти.

Во многихъ мѣстахъ совершается поселянами крещеніе кукушекъ, въ третье, иногда въ пятое, шестое или седьмое воскресенье по Пасхѣ, а болѣе въ день Крещеніе кукушекъ и кумовья. Женъ мирносецъ. — Женщины идутъ въ лѣсъ, выбираютъ тамъ двѣ молодыя кудрявыя березки, и вагнувъ ихъ, перешлетаютъ вѣтвями; потомъ связываютъ платками и полотенцами, образуя изъ нихъ вѣнокъ, къ которому привѣшиваютъ два креста. Двѣ женщины, желающія жить въ дружбѣ, или какъ онѣ говорятъ: покумиться, ходя вокругъ вѣнка въ разныхъ направленіяхъ, цѣлуются крестообразно, три раза сквозь вѣнокъ. Прочія женщины поютъ между тѣмъ:

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?

(*) Объ этомъ я слыхалъ, когда я былъ въ Вязь. Прогуливаясь по саду съ однимъ Нѣмцемъ, я услыхалъ кокушку. Нѣмецъ немедленно замѣтилъ мнѣ, что ея крикъ въ это время, предвѣщаетъ неурожай.

Покумимся кумушка,
Покумимся голубушка:
Чтобъ намъ съ тобою не бранится.

За тѣмъ онѣ мѣняются крестами, именуется съ того времени кумушками и живутъ между собою въ дружбѣ. — Послѣ готовятъ женщины яшницю, пируютъ и пляшутъ подъ плясовыя пѣсни. — Въ орловской губ. кумятся и мушны. Кумы, надѣвъ крестикъ на траву кукушку, кладутъ ее на разостланный платокъ, садятся вокругъ, мѣняются крестами и вступаютъ въ кумовство. Потомъ ѣдятъ яшницю. (*)

Въ Литвѣ, на третій день Свѣтлаго Воскресенія, собираются изъ деревни молодыя дѣвушки и мушны, въ одинъ домъ. Тамъ поютъ сначала разныя пѣсни, а потомъ пляшутъ танецъ *гагули*. Дѣвица особой красоты, управляетъ этимъ танцемъ и называется *зогулю* (*diegiely*). — Она садится на стулъ съ завязанными глазами, — прочія дѣлаютъ около ея коло и пляшутъ. Послѣ каждаго круга подходятъ мушны къ сидящей, и взявъ за руку, поютъ:

Царица кукушка, — куку, куку!

Она отвѣчаетъ:

Я твоя, братецъ, — куку, куку!

Царица, узнавъ голосъ, милый для ея сердца, развязываетъ свои глаза, взбираетъ трехъ молодцевъ, и

(*) Броневск. Путеш. отъ Триэсла до С. Петербур. 1810 г. ч. 1. и 2.

там, куда они ники; но преимущественно съ тѣмъ, что ей, близкой къ чувству. При разставаніи съ ними, она дарить каждому своей работы по построму кушанью; молодцы дарятъ ее съ своей стороны. Съ этихъ поръ дѣвушка называется ихъ братьями, а они ее сестрой. Эта *забава*, вѣроятно произошла изъ народнаго преданія о сестрѣ и трехъ братьяхъ, которые, подъ начальствомъ неустрашимаго литовскаго князя Кейстута, пали на полѣ битвы противу рыцарей меченосцевъ. Сестра не могла перенести горести; она оставила родительскій домъ, скиталась по лѣсу и рыдала. Верховный литовскій богъ, сжаившійся надъ нею, превратилъ ее въ кукушку. —

Въ Россіи вдова и сирота называются простолюдинами *горемычной кукушкою*, *горькою кукушкою*. Есть даже трава *кукушкины слезы*. (*orchis latifolia*) (*)

Въ народной сказкѣ *дѣвица красавица*, говорится, что она превращена чародѣикою въ *кукушку*, по собственному ея желанію, чтобы жить не разлучно съ тремя убитыми на войнѣ ея братьями, которые всякую ночь являлись къ ней, и просили не разставаться съ ними. (**) Въ какомъ видѣ они являлись къ ней? — объ этомъ

(*) Смѣть оуѣтъ 1836 г. №. 16.

(**) Въ вѣнцѣхъ народа сохранились преданія: о превращеніи, происхожденіи и значеніи некоторыхъ предметовъ, о которыхъ онъ толкуетъ по своему. Представляема здѣсь нѣсколько образцовъ:

• *Превращеніе Днѣпра, Волги и Двины (западной).*

Днѣпръ, Волга и Двина, были прежде людьми: Днѣпръ, — братъ, а Волга и Двина, — сестры. Еще въ дѣтствѣ остались они круглыми сиротами, и не дѣтя куска хлѣба, должны были скрывать пропитаніе дѣвдой работою, не по ихъ силамъ. — Когда это было? Очень давно, говорятъ старыя люди, и драгды наши

ничего не говоритъ сказка, которая безъ сомнѣннй породѣлана изъ литовскаго повѣрья. — Самогитскія дѣвицы донинѣ пѣютъ:

не помнятъ. — Выросли братья и сестры, а счастья имъ не дѣлать, какъ нать. — Каждый день, съ утра до вечера, все работа да работа и все изъ дневнаго пропитаннй. Одежда у нихъ была, какую Богъ послалъ! Найдуть доскутъ въ сору, и тамъ прикроютъ свое тѣло. Натерѣлись бѣдные холоду и голоду; надоело имъ житье, хуже горькой рѣдкнн. Одинъ разъ, после трудной работы въ поле, сѣли они подъ кустъ, дождать по-сладннй хлѣба кустъ; съвши его: доцлакали, потужили, думали и придумывали, какъ бы имъ прожить свой вѣкъ, и имѣть свой хлѣбъ; какъ бы имѣть одежду, и ничего не работая, кормить и поить другнхъ. Вотъ придумали: отправиться по бѣлу свѣту искать тадану, а отъ людей привѣту; искать и отыскивать лучшихъ мѣсть, гдѣ бы имъ можно течь большими рукави, — а это было тогда вещь возможная. Ходили они, ходили; во годъ, не два, а безъ малого три, и выбрали они мѣста и сговорилсъ: кому гдѣ начать свое теченн. Вся трое приоставовилсъ ночевать въ болотъ, но сестры были хитреѣ брата. Едва Днѣпръ уснулъ, онѣ встали потихоньку, заняли самыя лучшнй и отлогнй мѣста, и потекли. Проснулся по утра братъ, смотреть и сладъ цростылъ сестеръ! Разсердился онъ и побѣжалъ догонять ихъ; но на дорѣгѣ одумался, разсудивъ, что человекъ не можетъ бѣжать быстрее рѣки, ударился объ землю, и полился догонять рѣкою: по равнъ, по буеракамъ, и чѣмъ бѣжалъ дальше, тѣмъ злился больше. — Не добавивъ за нѣсколько верстъ до моря, гнѣвъ его утихъ, и потомъ скрылся въ море; а дѣв его сестры, бѣжавшнй отъ него во время его погони, разбѣжались по разнымъ странамъ, и ушли на дно моря. — Когда Днѣпръ бѣжалъ сердито, тогда онъ изрылъ крутые берега: отъ того онъ въ теченн быстрее, чѣмъ Волга и Двина; отъ того онъ имѣеть много рукавовъ и пороговъ.

Произхождение горы.

Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю: Онъ повелъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водянную, что-бы достать оттуда горсть земли и принесть Ему. Известно, что

Сестрица дорогая,
Кукушка пестрая,

11

Чортъ всегда идетъ противу Бога.—Ладно, думаетъ себя сатана, я сама сделаю такую же землю! Онъ нырнулъ, досталъ въ руку земли, и набилъ ею свой ротъ. Онъ принесъ Богу и отдасть, а самъ не произноситъ ни слова, потому что ротъ его былъ набитъ землею. Господь куда не броситъ землю, то она вдругъ ляжется,—такая ровная, ровная! что на одномъ концѣ становишь, то на другомъ все видно, что делается на землѣ. Сатана смотритъ и все смотритъ; хотѣлъ что то сказать и перхнулся. Богъ спросилъ его: чего онъ хотѣтъ?— Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу. Тогда громъ и молнія поражаютъ бѣгущаго сатану, и онъ, гдѣ приляжетъ, тамъ выдвинутся пригорки и горки; гдѣ кашленеть, тамъ выростеть гора; гдѣ прискачетъ, тамъ высунется поднебесная гора. И такъ, бѣгая по всей землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорокъ, горокъ, горъ и привысокихъ горъ.

Происхожденіе рака.

Ракъ, назъкомое гадкое и прегадное, вопервыхъ потому, что онъ есть созданіе чорта, а во вторыхъ, что онъ есть ягуба для земнодвнхъ и водяннхъ существъ. По созданіи животнхъ, чорту стало завидно, что онъ ничего не создалъ. Сталъ думать. Онъ долго думалъ и выдумалъ прекитрую вещь, пруродивую штуку: правда онъ сделалъ ее, да не свалъ назвать. Вотъ пошелъ онъ къ Богу и говорить: сделалъ я штуку да не свалю, какъ назвать.—Отдай мнѣ, сказалъ Господь, я скажу, какъ назвать эту штуку.— Чортъ сталъ думать: чтожъ назъ того, что я сделалъ? я сделалъ, да не умю назвать: вотъ штука—то! такъ все равно, эта штука будетъ скитаться по всему свѣду; тамъ люди узнають и скажутъ: эта штука, претнрая штука, вижего какъ чорта! Подумалъ сатана и отдалъ на волю Господа Всемогущаго.—Богъ сказалъ: пусть эта штука будетъ ракъ, и бросилъ его въ воду въ омутъ. Чортъ бросилъся туда и кричалъ отъ радости: ракъ! ракъ!— Отъ того говорятъ доселѣ, гдѣ раки вымуютъ, тамъ черти въ омутѣ, означая этимъ, что такой человекъ знаетъ все мѣста,

Ты кормишь
Братникъ коней;

что такой человекъ пройдоха, — Хитрецъ, хоть ничкомъ да ползкомъ, но доберется своего, — ракомъ.

Вся старообрядцы ни за что въ свѣтъ не станутъ есть ракомъ. почитаю ихъ созданиемъ дьявольскимъ,

Черемуха, дяглина и медяница, запрещенныя для пчелъ.

Когда Богъ создалъ свѣтъ и человекъ не грѣшилъ еще, тогда Господь удостоивалъ своего лицеизвѣнія и разговора, каждое твореніе рукъ своихъ. Изъ всѣхъ созданий. Онъ любилъ пчелу. Испытавъ ее неутомимое трудолюбіе, Онъ хотѣлъ испытать вѣрность ея, поэтому послалъ ее перечесть всѣ цвѣты, которые разсыпалъ Господь по землѣ, и хотѣлъ знать: которые изъ цвѣтовъ годны для меда, а которые для воска? — Пчела полетѣла по всей землѣ и перечела цвѣты, и очень обрадовалась, когда увидѣла въ первый разъ черемуху, дяглину и медяницу. — Коварная мысль скрыть ихъ отъ Бога, въ ту же минуту бросилась въ ея голову. Про эти три цвѣтка, думала она, я не скажу Богу, потому что если Онъ заочтетъ огнѣть у меня, всѣ другіе цвѣты, то будетъ довольно съ меня и моихъ товарищей, вѣтъ трехъ; у нихъ больше всѣхъ меду и воску. Вздумавъ и сдѣлавъ. Она возвратилась предъ Бога, стала пересчитывать все живое, а оба черемухъ, дяглины и медяницъ; не сказала ни слова. Но Богъ спросилъ: все ли ты пересчитала цвѣты? — Все, Господи, отвѣчала она — Если всѣ, то итаже имъ, и онабжанъ людей медомъ, но до тѣхъ, которые ты утаила, не смѣю догребивать ихъ. — Если возьмешь медъ съ черемухи, то просидишь 12 дней слѣпою; если возьмешь съ дяглины, то ни сама не выйдешь, ни въ улей не принесешь: ни меду, ни воску; если возьмешь съ медяницы, то сей же часъ умрешь. — Отъ этого пчелы не берутъ меду ни съ черемухи, ни съ дяглины, ни съ медяницы.

Смерть пчелы за ея властью, и

«Когда человекъ потревожилъ, еще въ первый разъ, жилище пчелъ, отвѣтивъ у нихъ меду и сотомъ; тогда пчелы такъ разсердились на человека, что повѣтали къ Богу, — Господи! ска:

Ты мотаешь,
Нити шелковыя.

одна ошъ, человекъ обижаетъ насъ: онъ отпихиваетъ у насъ въ одну часть все до, что мы собираемъ жалое льва съ великими трудомъ, Ты, Господи, дажь намъ жало, а мы до сихъ поръ не дадемъ: на что употребить его! Позволь намъ ужаливать людей — Господь повелѣвалъ имъ только защищаться отъ людей, своимъ жаломъ. — Въ наступившее лѣто, человекъ снова обабралъ пчелъ, не смотря на то, что онъ и кусалъ и жалилъ его, — Пчелы опять полетѣли къ Богу съ просьбою. Мы купили человека, говорили пчелы, но онъ весь вытащилъ динь медъ. Правда, тале его распухло отъ нашего ужаливанія, поэтому мы думаемъ, что жало наше стало быть ладонное: постволь намъ такъ ужаливать, чтобы человекъ умиралъ отъ жала данного. — Вы очень злыя, сказали имъ Господи, и въ наказание за вашу злобу, умирайте сами, когда ужалите человека или другое какое либо животное. — Съ тѣхъ поръ пчела, ужаливши человека, умираетъ сама. —

Птичка, сильно просящая пить.

Есть птичка, которая летая въ сухое время повсюду, жалко чарикаетъ и кричитъ: пиии, пить, и вымаливаетъ, чтобы дали ей пить. Люди рассказываютъ о ней съ соболъзованіемъ. Когда Богъ создалъ землю и вздуналъ наполнить ее морями, озерами и рѣками; тогда Онъ повелѣлъ вѣтти сильному дождю; послѣ дожда собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать Ему въ трудахъ: чтобы онъ носилъ воду, въ навѣченныя имъ мѣста. — Вся птицы повиновались Богу, а эта несчастная, — мать: она сказала Богу: мать не нужны ни озера, ни рѣки, я и ма камушки, паниюсь. — Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству, даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволяеть утолить жажду только той водою, которая послѣ дожда, остается на веровныхъ мѣстахъ и между камнями. — Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка безпрестанно надоедаетъ людямъ, жалобно проситъ пить, пить!

Скажи кукушка:
Скоро ль мнѣ за мужъ?

Колосъ прежній и тотъ, что нынѣшній.

Въ старину, а какъ давно, никто не помнитъ, рожь была не такая, какъ въ наши годы: съ корня одна солома, а на самой макушкѣ колосокъ, а тогда отъ корня до самаго верху, былъ колосъ, да наливаемый колосъ, что твое яблочко наливанное! Отъ чего рожь такъ наивѣвилась? — Отъ того, что у бабъ колосъ дологъ, да унзъ моротокъ; отъ того, что народъ сталъ грѣшить съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе. — Одинъ разъ бабы, собравшись толпою, пошли жать рожь после дожда, а она еще не просохла после Божьяго дожда: она была полна воды и зерекъ, частыхъ зеренъ, какъ часты звезды. Бабамъ тяжело показалось жать; онѣ, чтобы помочь своему горю, стали бранить рожь на перерывъ. Одна говорила: чтобъ ты пропажа, овальная! другая: чтобъ тебѣ ни исходу, ни умолоту! третья: чтобъ тебя прожлятую сдернуло съ янау до верху! — Последняя брань понравилась всѣмъ бабамъ, и онѣ въ одинъ голосъ закричали: чтобъ тебя прожлятую сдернуло снизу до верху! — А Господь Богъ всадъсушій, разгнѣванный ихъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять по одному. — Бабы стоять да смотреть. — Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ, нашъ колосъ сухощавый и щедушный; тогда собачи стали просить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю, скольконибудь колоса. Господь сжалился надъ ними, и оставилъ имъ колосъ, какой видимъ нынѣ.

Происхожденіе одежды.

До согрѣшенія Адама и Евы, они ходили нагими; не чувствовали ни зною, ни холоду и не знали стыда, потому что были праведные; тѣло ихъ, вмѣсто одежды, было покрыто бѣлою какъ эмаль, и мягкою какъ пухъ кожею, называемой чешуею. Но когда они согрѣшили, тогда Господь покрылъ ихъ стыдомъ, — обнажилъ ихъ, и въ воспоминаніе того, чѣмъ тѣло было покрыто, оставилъ на пальцахъ рукъ и ногъ, по маленькому значку, называемому нами ногтемъ, и съ тѣхъ поръ людямъ стала одежда необходимая.

Сколько прокукуетъ кукушка, чрезъ столько времени должно исполниться желаніе дѣвухи. (*)—Изъ всѣхъ этихъ преданій видно, что кукушка у иныхъ представлялась предвѣщательницею, у другихъ несчастною дѣвухой или горемычною сиротою.

Въ Норвегіи празднуется *кукушкинъ день*, но у насъ на Руси не было кукушкина праздника. Безъ сомнѣнія, вѣрованіе въ голосъ кукушки, господствовало у насъ съ весьма давняго времени; однако оно никогда не было предметомъ поклоненія.

Въ народѣ есть повѣрье, что у кукушки нѣтъ самца, но его замѣняетъ ястребъ; что она кладетъ яйца въ чужія гнѣзда.—Жалобный голосъ ея, возвѣщаетъ ея страданіе. Будтобы, во время Воскресенія Спасителя, когда всѣ птицы пробудились и прославляли возставшаго изъ мертвыхъ: одна кукушка опоздала, и теперь въ наказаніе, должна страдать и влечить жизнь одинокою. — Думаютъ, что кукушку можно словить безъ всякихъ хитростей: стоитъ только, когда она кукуетъ на деревѣ, опоясать его поясомъ, и тогда она никуда не улетитъ.

(*) Сынъ отеч. 1836 г. № 16.
Часть V.

VI.

КУПАЛО.

Поклоненіе огню и водѣ, очищеніе огнемъ и водою, возжиганіе огней и перескакиваніе черезъ нихъ, все это употреблялось въ глубокой древности на востокѣ у всѣхъ народовъ.

Индѣйцы поклонялись огню и водѣ, но Персы особенно чествовали огонь. Гевебы, доселѣ слѣдующіе ученію Зороастра, видятъ въ огнѣ бога или духа повсюднаго. Греки и Римляне, держали во храмахъ очистительные огни. Во храмѣ богини Весты, безпрестанно горѣлъ предъ ея истуканомъ неугасимый огонь, который былъ столь священъ, что если онъ нечаянно погасался; то Весталку погребали живою въ землю. На праздникахъ Цереры, Палесы или Весты, и Палиліи, скакали черезъ зажженные огни, для очищенія себя отъ грѣховъ. Овидій говоритъ, что не только поселяне, но и скотъ перепрыгивалъ черезъ огонь три раза, и кропался омоченою въ водѣ лавровой вѣтвію. Татары переводили свои стада черезъ огонь. Представлявшіеся хану обязаны были прежде пройти черезъ огонь, и потомъ поклониться кумирамъ. Подарки, какіе приносилась ему, очищались огнемъ. Князь черниговскій Мизаилъ, когда прибылъ въ станъ къ Моголамъ (1246 г.), не хотѣлъ вступить въ шатеръ

Батыевъ, чрезъ разложенные огни. Тогда волхвы и блюстители суевѣрныхъ обычаевъ, требовали, чтобы онъ шелъ чрезъ разложенный предъ ставкою огонь, и поклонился священному кусту, огню и кумирамъ. Онъ отринувъ ихъ требованіе, сказавъ: «христiанинцъ не служить ни огню, ни глухимъ идоламъ.» Ему объявилъ гнѣвъ Батыя, и что онъ долженъ повиноваться, или умереть. «Да будетъ такъ» отвѣчалъ князь. «Возьмите славу міра, хочю небесной.» Убийцы бросились на него по данному знаку и мучили; наконецъ одинъ изъ нихъ отсѣкъ ему голову. (*)

Общее
употреб-
леніе ог-
ня.

У Нѣмцевъ долгое время существовалъ древній обычай переходить чрезъ ивановскій огонь, и переводить чрезъ него свои стада. Оставшіеся угли, клали въ хлѣвъ и стойла, для предохраненія скота отъ всякой заразы; золу бросали на поля и огороды, для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ.

Ивановскіе огни въ употребленіи почти во всей Германіи, Россіи, Польши, Богеміи, Моравіи, Далмаціи и другихъ славянскихъ странахъ. Это остатокъ древняго языческаго обыкновенія, но навѣрное нельзя сказать, кто изъ нихъ отъ кого позаимствовалъ.

Скаканіе имѣеть свое особое знаменованіе. У иныхъ оно означаетъ освобожденіе отъ колдовства и болѣзней; у другихъ, когда высоко скачуть, предзнаменовываетъ изобиліе льна и долгую жизнь. Скакали еще чрезъ огонь на лошадей, или бросали въ пылавшій костеръ лошадиную голову, чтобы воспретить появленію колдуновъ. (**)

(*) Кар. В. Г. Р. т. IV. с. 33-35. прим. 41. изд. 1817 г.

(**) Ueber die alten Slawen, т. 1. с. 86.; Ant. Tkany; Mythol. II. с. 43.; Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. с. 426-427., ed. Buda. 1834 г.

Варроуъ, (*) пишетъ, что поселяне, натаскавъ кучу сѣна и соломы, зажигали и скакали для очищенія себя. Квинтилианъ Цицеронъ, въ письмахъ къ своему брату, знаменитому Марку Туллію Цицерону, говоритъ, что Бритты праздновали лѣтнее солнцестояніе, подъ именемъ *Гранія*, бога солнца. На конуахъ солнцестоянію, они раскладывали огни по горамъ и холмамъ. Женщины, дѣти и стада животныхъ, перепрыгивали черезъ огонь въ честь божеству. Толпа народа хранила таинственно-глубокое молчаніе, пока не показывалось солнце на небосклонѣ. И едва оно появлялось, тотчасъ привѣтствовали его радостными восклицаніями. (**)

Многіе идолопоклонническіе обряды, смѣшавшись въ Европѣ съ христіанскими, отражали долгое время суевѣрныя празднованія. Надобно было великихъ усилій, чтобы измѣнить ихъ, но это не могло послѣдовать прежде смягченія нравовъ. Но ранѣе XVI в., когда просвѣщеніе восторжествовало надъ грубостію нравовъ, начали примѣтно отставать отъ языческихъ праздниковъ, но все они остались въ воспоминаніи.

Почти во всей Европѣ празднуется Иванъ Купале, и онъ совпадаетъ съ лѣтнимъ солнцестояніемъ. Въ средней Германіи это время называется переходомъ солнца (*Sungihite*). Ивановымъ днемъ (*Janntag*), Ивановымъ огнемъ (*Zohantfeuer*), въ Саксоніи поворотомъ солнца (*Sonnen-wende*), въ Даніи и Англій пол-лѣтнею ночью (*midsummersnat*, *midsummerseve* и *midsummersniht*) и праздникъ св. Ивана (*Sanct Hans Aften*); въ Италіи Сабатина (*sabatina*). Въ Силезіи, Богеміи и Польши

(*) Opera Varronis., ed. Bipon. 1788 г. in 8

(**) Guthrie: Disserti Sur les antiquités de Russie, c. 75. ed. S.-Peterb. 1795 г.

собошты и *субутка*. Нѣкоторые производятъ это слово отъ *собица*, пособлять, а другіе отъ бога *Собити*. Въ Силезіи былъ идолъ *Собити*, который стоялъ на горѣ *Собити*. У венгерскихъ Словаковъ: *святотолский огонь*, *святко*, *свалло*, *свалнокъ* и *субатка*. *Валло*, *валло* у Словаковъ, значить умиръ большой огонь. Если Словаки видятъ большой огонь въ кухнѣ, то онъ обыкновенно говоритъ о *кладе* такъ *wajawno?* Изъ чему разводилъ такой большой огонь?—Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей выводили ивановскій огонь, отъ сожженія Іоанна Гусса, знаменитаго богемскаго обличителя вѣрскихъ злоупотребленій, и что будтобы Чехи и Моравы, вслѣдъ за ними всѣ прочіе Славяне, установили годичное торжественное поминованіе по его смерти. (*) У Сербовъ и Иллирійцевъ, *Иванъ*. У Сербовъ господствуетъ мнѣніе, что въ Ивановъ день солнце останавливается три раза на своемъ теченіи. Тутъ зажигаютъ еще факелы и бересту, и обходятъ съ ними хлѣва и пастбища; потомъ идутъ на горы, и сожигаютъ при пляскахъ факелы и бересту. Истрийскіе Славяне кормятъ чурбанъ хлѣбомъ, потомъ бросаютъ его въ огонь. Сербы, въ Ивановъ день, вѣшаютъ еще вѣтки на кровляхъ, дѣлахъ и хлѣвахъ, для удаленія злыхъ духовъ. У Кرواتовъ и Краинцевъ называется Ивановъ огонь *кресъ*,—отъ слова *кресать* (доставать огонь чрезъ кремень); въ Усмокѣ у Далматовъ *колѣда*. (**).

(*) Іоаннъ Гуссъ сожженъ на Констанскомъ полѣ, 1415 г. іюля 6., между тѣмъ богемскій ученый, Гаекъ, говоритъ въ своемъ сочиненіи 1383 г. объ ивановскомъ огнѣ за нѣсколько лѣтъ до смерти Гусса. Онъ замѣчаетъ еще, что въ его время жгли въ Прагѣ *святотолскіе* огни.

(**) *Kollar Narod. Zpiew.* ч. I. с. 425-429.; *Pauli* : — *Pieśn. ludu polsk. w Galicyi*, с. 19-25, *Lw.* 1838 г.; *Goleb: Lud. polsk.*

У наших предков совершалось большое празднество въ честь Ивана Купала, какъ бывъ въ воспомина-ніе неугасимаго огня. Остатки этого древняго обряда, до нынѣ соблюдаются у простаго народа на всей Россіи, особенно въ Малороссіи; и всегда приходится іюня 23 предъ Рождествомъ Іоанна Предвѣчи: (24 іюня). Въ западно-южной Россіи онъ называется Иваномъ, а въ сѣверо-восточной, предъ именемъ мученицы Аграфены (23 іюня), Аграфены купальницы.

Откуда же перешелъ Купало въ Россію? На это нельзя отвѣчать утвердительно, но можно сказать, что это восточныхъ народовъ празднованіе, измѣненное въ-ками въ разные названія и обряды. Намъ извѣстно, что еще съ VII в. по Р. X, строго воспрещалось раскладывать огни, скакать чрезъ нихъ и отправлять разные забавы, которыя совершались всякій разъ при рожденіи новаго мѣсяца. (*) Но въ Россіи никогда не было бога Купала, какъ нѣкоторые считаютъ его богомъ земныхъ плодовъ. (**) Въ мѣсяцѣ XVII в. мы

(*) Maciejow. Pamiętn. o dziejach plem. i prawod. Słow. ed. 1890. ч II. л. 83 — Нѣкоторые изъ индусовъ видятъ въ Купалѣ индійское божество. — Dubois. Moeurs constitutions et ceremonies des peuples de l'Inde, t. I. n 2. Par. ed. 1815 г.

(**) Такое ошибочное мнѣніе имѣлъ Гизель въ сочин. Синодическ., ему послѣдовалъ св. Дмитрій Ростовскій, см. его четьи мнѣнію, и другихъ писателей славянской мисіологій. — Въ наше время появилось странное мнѣніе о происхожденіи Купала, а именно г. Сабинина, см. журн. мѣс. нар. пров. на 1861 г. ч. XXXI. с. 21. Онъ говоритъ, что религія въ древней Россіи была скандинавская, а не славянская; что Купало есть скандинавскій Вальдюръ, основываясь на томъ, сами перемодютъ, что Вальдюръ, бывъ сожженъ на кораблѣ, упалъ въ воду, а волны чрезъ нѣсколько времени вышлеъ Купаломъ изъ моря. — Вся статья Сабинина преполнена невѣроятными выводами,

встрѣчамъ имя Кувала. У Карпато-Россозъ и Литовцевъ, поютъ въ Ивановъ день пѣсни въ честь Ладо; украшаютъ свои ручки цвѣтами и древесными вѣтвями; собираютъ травы, почитаемыя предохранительными отъ всякихъ болѣзней. Старо-Пруссы или Борусы и Старо-Литовцы, зажигали предъ Ивановымъ днемъ огни: водъ янами, въ честь Ладо, бога весны и посемья. Во всю ночь шлы и плясали, съ пригвонъ: лаго, лаго! (*)

которые отчетливо разобраны Н. В. Савельевымъ-Ростиславичемъ, см. Славян. сборн. с. СХХIV—СХХII.

(*) Снегиръ Русск. прост. празд. и пр., выпускъ IV, стр. 27.; v. Rhesa: Preußische Volkslieder, ed. Königsb. 1809 г. Во многихъ русскихъ простонародныхъ пѣсняхъ, сохранились прищывы: *Ой дядь-ладо, леги и люги*. Некоторые польскіе писатели, считая Ладо за славянское божество, произвели на свѣтъ близнецовъ *Лели и Полели*. Нѣтъ никакихъ историческихъ памятниковъ, которые бы свидѣтельствовали дѣйствительность этихъ боговъ-близнецовъ. Прищывы: *леги, полели, лелуя, лельо и лело*, употребляемыя до нынѣ въ пѣсняхъ галиційскихъ, польскихъ и венгерскихъ Славянъ, Сербовъ и проч., не доказываютъ еще существованія боговъ: *Ладо, Лели и Полели*. Они, какъ русскіе прищывы: *ой дядь-ладо, ой люги, люги*, суть ничто иное, какъ общепринятая для обрядныхъ и хороводныхъ пѣсней окончанія. Въ Польшѣ съ давнихъ временъ употребляли въ пѣсняхъ, сходственное съ *люги, леломе, полеломе*.—Польскіе летописцы: Кромеръ, Стрыйковскій и Гвашицъ, говорятъ, что въ ихъ время, подгулявшіе на веселой бесѣдѣ Поляки, пѣли съ причитаніемъ въ каждомъ стиху: *леломе, полеломе*.—въ вослѣдствіи появилось это на *лелуя, ой лелуя*. Въ Бѣлорусіи этотъ звѣгласъ обратился, въ концѣ XVI в., въ *галале, леле*, и употреблялся даже при оплакиваніи умерлаго. *Галале, леле! и прочь тѣй леле умарле, И за тѣй мамале, что ести, алыбо пити? и прочь ти умарле! Галале, леле! И за тѣй мамале красе и молодыца? И прочь тѣй умарле! Ой леле, леле!*

Иупало всего кажется правильнѣе производить жеинне отъ глагола купаться, потому что въ это время повсюду купаются въ рѣкахъ, и самыя пѣсни, напримѣръ малороссійская: купався Иванъ, та въ воду упавъ, или венгерскія Славяне:

Яна, Яна, въ сватеа Яна,
Купала се свате Яна и пр.

Эти выраженія подтверждаютъ значеніе Купалы. Нѣкоторые противопоставляютъ этому слову: *купа* (*), *копани*, отъ *копанія* корнейвъ и кладовъ, а наконецъ нѣкоторые ищутъ сходства купъ въ индѣйскомъ *купала*. (**)

Огонь, чрезъ который перескакиваютъ, знаменуетъ Очища-
тельный
огонь. очищающій-Очищающіе или священные огни, назывались у Англо-Саксовъ *podtug*, у Датчанъ *midsemmerstaal*, у древнихъ Нѣмцевъ *anzfug*, *podfener* и *podfeuer*, кои, по ихъ мнѣнію, предохраняли отъ заразы и болѣзней, и возжигались для умилоствленія усопшихъ гѣней. У Финновъ называли *коко*, т. е. костеръ, зажигаемый ночью среди лѣса, по большой части на горѣ. Въ Эстляндіи и Лифляндіи сохранилось имя вавонскаго огня. Тамъ поселяне поютъ пѣсни хоромъ, при-

Ой леле, леле!—Для чего ты померъ? не доставало ли тебя чего ѣсть и пить?—Для чего же ты померъ? Ой леле, леле! Не ималъ ли ты прекрасную жену? И ты померъ! Ой леле, леле; ой леле, леле! — Paul Piesn. lud. polsk. с. 3.; de Russor. et tartar. religione, ritu, etc. съ статья: Meletii: de relig. et sacrificiis veter. Borussiae, с. 262. ed. 1582 г.

(*) *Купа* польское и малороссійское значать лучу. Поэтому производятъ Купалу отъ лучи хворосту, зажигаемаго въ то время.

(**) Сметир. Руск. прост. правд. и пр., вып. I. с. 59 и вып. IV. с. 19.

бавляя къ каждой строгѣ: насине, кашке. Въ VIII ст. господствовалъ, между турингскими Славянами, Яновъ огонь. На островѣ Мальтѣ рыцари мальтійскаго ордена Іоанниты, ходили вокругъ зажженнаго огня: (*)

Образъ
праздо-
ванія Ку-
палы, об-
щій нем-
цу Сла-
вьянамъ.

Съ древнихъ еще времени многія юго-западные славянскія племена, празднуютъ день Купалы, какъ нынѣ. Дѣвицы плели вѣнки изъ дѣтвовъ, возлагали ихъ на головы, и вавшись за руки, кружили около огня. У Сербовъ ведется донинѣ ежегодное празднество, Иванье. Тамъ пастухи, на камушѣ Иванова дня, жгутъ около хлѣвовъ березовыя и черешневые дымки. Въ сумерки зажигаютъ уже огни и веселятся. Сербскія дѣвушки плетутъ вѣнки изъ ивановской травы, кладутъ ихъ на крыши домовъ и въ стойла, чтобы предохранить скотъ отъ злыхъ духовъ и всякаго чародѣйства.—Нѣкогда купали истукана въ водѣ и обливали его водою. — При плетеніи вѣнковъ поютъ:

Иванено вѣсть,
Иванъ я бере, те бере,
Майцы я бере у крыло,
А майка скрила на землю (**).

Въ Польшѣ съ давнихъ временъ употреблялись собутки. Польскій ботаникъ Мартинъ, который описываетъ собутки въ концѣ XVI в., говоритъ, что дѣвушки въ его время не оставляли этотъ языческій обычай: приносили травы въ жертву, дѣлали вѣнки и ими украшали себя. Въ этотъ дьявольскій день, какъ

(*) Снегир. Рус. прост. гражд. и пр. выш. IV. с. 26 и 27.

(**) Ралчъ: Ист. разн. слав. нар., кн. I. гл. XXI мал. Вѣнское; Pauli: Pieśn. lud. polsk. w Galic, с. 24. ed. Lw. 1837 г.

онъ выражается, разводили огонь, который доставали чрезъ треніе досокъ, чтобы празднество было точно дьявольское, въ коемъ принимали участіе самыя демоны. Пѣли сатанинскія пѣсни, скакали, и съ ними снакалъ отъ радости дьяволъ, которому онѣ молились в его восхвалли, а Бога забывали. Въ день св. Іоанна никого не бывало въ церквѣ, потому что все проводило собутни съ бѣсами со всякимъ безчинствомъ. Женскій полъ, до разведенія огня, ходилъ въ поле искать разныхъ травъ, и собранныя, въ этотъ день травы, имѣли чудесную силу. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ были: Ивановъ, цвѣтъ, лопухъ, богородицкая трава и медвѣжье ушко. Дѣвушки вили изъ нихъ вѣнки, пускали ихъ на воду и гадали по ихъ плаванію. Чей тонуть, той не выйтти за мужа. Другія, свивъ вѣнки изъ богородицкой травы, святили ихъ въ церквѣ и хранили у себя круглый годъ. Во время людскихъ болѣзней и скотскаго падежа, повли наестоючь нѣчь тѣкъ же вѣнковъ. Такой обычай господствовалъ и въ червонной Россіи.

Въ XVI ст. мушницы и женщины, холостыя и женатыя, выходили изъ селенія съ радостными пѣснями; разводили огонь на горѣ или въ рощѣ при рѣкѣ, плясали вокругъ и скакали черезъ него. Дѣвушки часто пѣли гадательныя пѣсни, и замѣчали по разнымъ примѣтамъ: исполнятся ли ихъ сердечныя желанія?

Dwanascie dzlewek,
 Jednako ubranych,
 Bylyca opasanych,
 Spiewac nauczone,
 W tańcu nie zganione.

Ogień napalono na dworze,
 Ciekano rannej zorze.
 Od malek moly,

Ze na dzień ś. Jana,
Sobotka palana. (*)

Нынѣшніе поселяне удержали въ Польшѣ и Галиціи, почти тѣже самыя обыкновенія: тамъ донынѣ еще вѣрятъ, что тотъ, у кого болитъ голова и находится при огнѣ *собутки*,—пройдетъ немедленно головная боль. Богородицкою травой запасаются для того, чтобы во время жатвы не болѣлъ спинной хребетъ. Въ другихъ мѣстахъ въ день св. Іоанна крестителя, выходятъ поселянки до солнечнаго восхода, на лугъ, и растидаютъ по росной травѣ полотняные передники. Принесши ихъ домой, намоченыя свято-ивановскою росой, выжимаютъ ее и хранятъ для употребленія. Думаютъ, что умытое лицо этою росой, придаетъ свѣжесть, красоту и прелесть. Ищутъ еще рано по утру двухъ сросшихся во ржѣ колосьевъ.— При танцахъ и другихъ забавахъ поютъ:

Ianie! Ianie! Święty Ianie!
Cóżeś nam przyniósł nowego?
Cóżeś nam przyniósł nowego?
Ianie! Ianie! Święty Ianie!
Przyniosłem ja rosę,
Dzieweckom dla krasy;
Także macierzanki,
Panienkam na wianki.—
Ianie! Ianie! Święty Ianie!

—
Ku Dunajowi, ku głębokiemu;
Oj ku lasowi, ku zieloniemu!
Oj palą, palą sobótkę,
I piją piwo i wódkę.—

(*) Golebow. Gry i zab. c. 295.

Kto na robótce nie będzie, —
Glowka go boleć wciąż będzie

Чехи раскладывали ивановскіе огни въ собутки, которые называются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *купадомъ* (купаломъ). Они раскладывали не только по полямъ, но и въ городѣ, и нерѣдко приносили въ жертву дѣтей. Дѣвицы собираются теперь, на канунъ дня Іоанна крестителя, на Богушову гору; раскладываютъ тамъ солому, зажигаютъ ее лучинами и потомъ бѣгаютъ по горѣ: рѣзвятся, скачутъ, поютъ и ѣдятъ свои лакомства. — Приношеніе дѣтей купалѣ у Богемцевъ, подтверждается еще старинной пѣсней:

Палиць суды къ тому свнице,
Около огня танцуйце,
Панны младенцужъ купадла давай,
А соседе добро вули мавай. —

Такой же обычай скаканія и въ славянской Венгріи. Пѣсни употребляемыя тамъ при этомъ случаѣ, сходствуютъ во многомъ съ прочими славянскими. Въ Шарискѣ (Saariske stolici) поютъ:

Яна, Яна, на сватого Яна,
Купала се свата Анна! —
Якъ она се выкупала,
Тамъ на Яна заводала:
Яне, Яне, дай ми ручку,
Небъ загинемъ при поточку.

—
Яне, Яне, сваты Яне,
Осветнигъ ты висецко зеле:
И майрамъ и фялку,
Лйралтовску красну дивку.

Кто на тоту соботку не придзе,
 До рочка го глава болецъ будзе.
 Я на тоту соботечку пришла,
 До рочка я бубу фришна (здоровая).—

—

Кладземе мы соботечку,
 За розмарію щопочку.
 Кто на нашу соботку не прійдзе,
 До рока го глава болецъ будзе.
 Наша соботечка ясна,
 При ней челадочка красна:
 А Генцовска такá тмава́,
 А при ней челадь плува.

Иногда дѣвушки и парни поютъ попеременно:

Дѣвушки:

Червенны по гарь гори,
 Съ червенными ягодами:
 А кто же го гасиць будзе,
 Кедь тамъ парубки не будзе?

Парни:

Красна дѣвочка го гасна,
 У вѣночкахъ воду ноша;
 Кело въ тымъ вѣночку воды,
 Тело въ дѣвочцѣ цноты. —

Дѣвушки:

Червенны по гарь гори,
 Съ червенными ягодами:
 А кто же го гасиць будзе,
 Кедь тамъ дѣвочекъ не будзе?

Пѣсни :

Красны парубци го гасна,
У покреткахъ воду ноша;
Кело въ теѣ покретце воды,
Тело въ паробкахъ свободы.

—

Яне, Яне, святы Яне!
Машь ты гыру на колень,
Кебы се ти розпучила,
Соботку би загасила. —

—

На разтапе, на потоце,
Два голубки воду пію,
Такъ се они догвараю:
Кого они случиць (соединить) маю?
Есть у суседа красна дивна,
Треба бы то въ едно случиць.
Буде то се вериць лубиць,
Вериць, вериць, потасиць,
О рокъ, о два, недарениць. —

При собираніи ивановской росы:

Тварь (лице) моя, тварь моя квини ми ружиц-
кой (розами).
Будемъ ты нивыць ту житной росичкой:
Ту житной росичкой, сбраной зарана,
Кымъ сляце не выде на святого Ивана
(Пока не взоидеть солнце на святого Ивана).

—

При рѣзаніи травы въ день св. Ивана:

Жала сомъ травичку, на Яна мачичку,
Порезала сомъ са на мою ручинну:
Порезала сомъ са на малички прытокъ (палець).
Хцела сомъ одрезать на шумпаве врштокъ.

Въ Зволенскѣ, горней Леготѣ, поють:

Свѣта Яна паля,
Черти мнѣховъ хвала. —

Тамъ думаютъ, что когда жгутъ огонь, тогда черти воскаляютъ своихъ доброжелателей-монаховъ. У многихъ южныхъ славянскихъ племенъ владычествуетъ повѣрье, что никто столько не дружится изъ людей съ чертями, какъ монахи. Это повѣрье родилось во время насильственнаго крещенія Славянъ, католическимъ монашествомъ.—Доминиканцы и Іезуиты, вездѣ нетерпимые за низкія ихъ дѣйствія, въ великомъ презрѣніи у Славянъ. — Въ той же странѣ поють еще;

- О Яна, Яна ваяна!
Па прѣстредь зволена
Есть лѣшка зелена!
- О Яна, Яна ваяна!
Дай добры часъ почать,
А лепше докончатъ.
- О Яна, Яна ваяна!
О Яно, Янечко,
Зобудь ма ранечко.
- О Яна, Яна ваяна!
Рано врьдъ зорани,
Трома годинами.
- О Яна, Яна ваяна!
Кравы подонти;
На пасу выгнати.
- О Яна, Яна ваяна!
На пасу зелену,
На росу студену.
- О Яна, Яна ваяна!
Свѣтго Яна паля,
Пѣна дечковъ ама

О Яна, Яна ваяна!
 Акы е текъ мѣсяць
 Пекны огродны. —
 О Яна, Яна ваяна!
 Пекныша вдовами.
 Крайшима паннами.

Въ славянской Турціи и Липтовѣ:

Яно, Яно, ваяну!
 Прилетѣла голубка въ часъ рано;
 Прилетѣла другая, ѣ
 Зъ червепего круга;
 Прилетѣла третья,
 Зо заграды зъ квѣта
 Яно, Яно, ваяну!

—

Ваяну, ваяну!
 Или: Яно, миль Яно!
 Зобудзай въ часъ рано,
 Въ часъ рано ранничко,
 Кедъ выйде слѣзъчко.

—

Въ одномъ Липтовѣ:

Эй, Яне нашъ, Яне!
 Кде ты палить маме?
 На бобровекой странъ,
 Та ты палить маме.
 Кого ожениме?
 Дура Штѣвоиновъ.
 Кого же му даме?
 Мару Калиновъ.

Въ Новоградскѣ :

Кабы я видѣла, кебы буде Яна,
 Вербы сомы накладла, на три страцы огна;
 Ъдонъ бы накладла одъ солнца восходу,
 Другы бы накладла моему милему,
 Моему милему, шугайку шварнему,
 (Пригожему молодцу).

—
 На сватега Яна,
 Кажди ѣ пѣяна :
 Кедь ми такъ будеме,
 Ай ми пѣтъ будеме.

—
 А я мою жену,
 Зажевъмъ на войну,
 На Святега Яна,
 Кедь буде ожрана (пѣяна).

—
 Тень тыдень, тень тыдень, по сватемъ Янѣ,
 Лежими, лежими, ма мила въ ямѣ :
 Смылуй са, смылуй са, надъ ей душецкой,
 Ако са смылуе, коцуръ надъ мышкой.

Ивановскій день въ Ускокахъ (въ Далмаціи), начинается за десять дней до праздника Іоанна крестителя. Въ это время толпа поселянъ складываетъ можевельникъ въ кучу, которая называется коледо, и зажигаетъ его, сопровождая танцами и пѣснями. Дѣти смотрять за огнемъ, чтобы онъ не погасъ, и чтобы дымился можевельный запахъ. — Это продолжается постоянно до Иванова дня.—На канунъ этого праздника, который особенно отличается множествомъ огней, дѣвушки и молодыя женщины отправляются въ сады собирать цвѣты и травы, изъ коихъ плетутъ вѣнки и

украшаютъ ими свои головы, въ томъ мнѣніи, что во весь годъ не будетъ болѣть у нихъ голова, и самыя опасныя болѣзни не пристанутъ къ нимъ.

Въ Силезіи въ день *soboty* или *sobotki* празднуютъ ивановскій огонь, который называютъ еще *огненнымъ поворотомъ солнца*. Предъ днемъ св. Іоанна женщины жгутъ огни, танцуютъ, поютъ и совершаютъ молитвы и почести дьяволу. Приносимая ему въ жертву богородицкая трава, развѣшивается въ домахъ и хранится, какъ предотвратительное средство отъ несчастій. — Огонь добываютъ трѣніемъ досокъ. Сохранилась старая пѣснь, которую пѣли въ ивановскій праздникъ въ черномъ лѣсѣ (сендомірской губ.)

Gdy słońce raka zajrzewa,
A słowik więcy nie spiewa,
Sobótke jako czas niesie,
Zapalono w czarniem lesie,
Iako matki nam podały.
Same także z drugich miały,
Ze na dzień Świętego Iana.
Zawždy sobótka palona.

Поэтъ Кохановскій такъ описываетъ соботку:

Dwanascie dziewek jednako obronych,
Bylicą opasanych,
Spiewaé nauczzone,
W tańcu nie zganione,
Ogien napalano na dworze.
Czekano rannéj zorze.
Od matek miały, że na dzień S. Iana,
Sobótka palana.
Niemy ogień do switania,
Nie bez pieszni, nie bez grania,
Skokiem tanice najswudniejszy.
Kędy w bęben przybijają,

Wyjdar ty, coś ciągnął kota,
A na chwilę puść się plota (*).

Обычай жженія огня, перешелъ сюда отъ другихъ Славянъ. Люнебургскіе Венды совершали языческія жертвоприношенія, долгое время по принятіи христіанской вѣры. При священномъ деревѣ они закалывали пѣтуха, съ обряднымъ возліаніемъ и окропленіемъ, потомъ предавались пляскамъ и пѣснямъ.

У дравскихъ Вендовъ (между Луковымъ, Доннебергомъ и Вельценомъ), въ высокомъ почитаніи дерева: *вѣнечное* (березовое) и *пѣтушиное* (*Schuhbaum*). Вѣнечное употребляется женщинами въ Ивановъ день. Онѣ однѣ только могутъ его рубить, возить и ставить въ землю. Всякая женщина, какъ бы она ни была дряхлая, едва могущая ходить на костылѣхъ, отправляется смотрѣть, гдѣ будутъ ставить дерево. Его рубятъ на кануи праздника, снимаютъ съ него всѣ вѣтви, оставивъ одну только верхушку, на подобіе вѣнка. — Въ Ивановъ день берутъ женщины тѣлегу, сами въ нее впрягаются вмѣсто лошадей или воловъ, и отправляются въ рошу. Ни непогода, ни дурная дорога, не препятствуетъ имъ: онѣ идутъ черезъ болота, и въ воду по уши. Молодые и здоровыя женщины идутъ возлѣ тѣлеги: поютъ и веселятся, а ихъ матери везутъ. Какъ скоро появятся съ деревомъ въ селѣ, тамъ поднимаютъ радостный крикъ и сѣшпать къ тому мѣсту, гдѣ стояло еще прошлогоднее дерево и срубливаютъ его. Хозяинъ, передъ домомъ котораго оно стояло, покупаетъ у нихъ, и даетъ имъ нѣсколь-

(*) Jan. Kochanowsk., над. Mostowskiego, т. I с. 122—143; Goleb. Gry i zab. ч. 3. с. 295.

ко денегъ на водку. Новое дерево становится при торжественномъ восклицаніи: оно увѣнчивается вѣнками и цвѣтами; потомъ выкачиваютъ нѣсколько бочекъ пива и освящаютъ празднество. Обычай ставить дерево, совершается ежегодно съ особымъ почитаніемъ.—Люблибургскіе Венды праздновали Ивановъ день, въ ознаменованіе наступленія жатвы. Въ огонь бросали пѣтуха и лили пиво; потомъ плясали вокругъ дерева и окропляли скотъ жертвенной водою. (*)

Въ Россіи, по введеніи христіанской вѣры, упорствовали многія племена въ уничтоженіи старыхъ обычаевъ. Въ пятиѣ вѣтской: въ Ижорѣ, около Ивангорода, Яма, Копорья, Ладоги; Невы до Кааптіи и Ланландіи, на пространствѣ болѣе тысячи верстъ, еще были въ XVI в. обожатели солнца, луны, звѣздъ, озеръ, водъ, камней и горъ. Исповѣдая христіанскую вѣру, они имѣли своихъ жрецовъ, *ардуовъ*, и не хотѣли отстать отъ кумировъ. Митрополитъ Макарій послалъ сюда (1534 г.) умнаго монаха Илію, съ настоятельною грамотою. Жители, увѣряя его въ своей ревности къ христіанству, говорили, что не смѣютъ коснуться идоловъ, оберегаемыхъ ужасными духами. Илія зажегъ священные ихъ лѣса, бросилъ въ воду кумировъ, удивилъ народъ, и проповѣдію довершилъ торжество Вѣры. Пятилѣтніе мальчики помогали ему сокрушать молельни.—Самые Русскіе усердно слѣдовали, въ XVI в., многимъ языческимъ обрядамъ. Жители псковской области праздновали день Куналы

Полковники
вѣки не-
бесимъ
свѣтъ
и огня.

(*) Kollar: Národn. Zpiew. ч. I с. 16-18. изд. Bud. 1834 г.; Paul. Pieśń lud. polsk. с. 19-21.; Jan Kochanowsk. см. dzieła jego; Gebhard. Fortsetz. der Allgem. Weltgeschicht. der neuen Zeit, ч. 33. с. 254., ed. 1789 г.

(іюня 24), съ не меньшимъ заблужденіемъ: они собирали травы въ пустыняхъ и дубровахъ, съ суевѣрными обрядами; ночью веселились, били въ бубны, играли на сопеляхъ и гудкахъ; молодыя жены и дѣвщцы плясали и обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе. Памфилъ, игумень алазаровской обители, съ укоризною писалъ къ намѣстнику и сановникамъ Пскова (1505 г.) «Егда приходитъ день Рождества Предоточева, и прежде того, искадять *омалицы*, мужіе и жены чаровницы, по лугамъ и по болотамъ, и въ пустыни и въ дубровы, ищущи смертныя травы и *привѣточрева*, отъ травнаго зелія, на пагубу челоуѣкомъ и скотомъ; ту же и дѣлаи кореніи копають, на потворенія мужимъ своимъ. — Сіа всѣ творять дѣйствомъ дьяволимъ, въ день Предоточева, съ приговоры сатанинскими. Егда бо прійдетъ праздникъ во святую ночь, мало не весь градъ возматется и въ селѣхъ возбесятся: въ бубни и въ сопелы и гуденіемъ, струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ; женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ неприязненъ кликъ, вся скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ выдланія, и ногамъ ихъ скаканіе и топаніе; ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе; ту же и женское и дѣвичье шептаніе, блудное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніа.» (*) Въ Стоглавѣ находится извѣстіе (1551 г.), что мужчины, женщины и дѣти, предъ праздникомъ и на самой праздникъ Іоанна крестителя, ходили ночью по домамъ, улицамъ и водамъ; забавлялись безстыдными играми, пѣли сатанинскія пѣсни и плясали подъ

(*) Кар. И. Г. Р. т. VII прим. 372.

гусли. По прошествіи ночи, шли въ рошу съ великимъ крикомъ и омывались въ рѣкѣ, какъ бѣшеные. (*)

Донынѣ близъ Антоніево-дымскаго монастыря, недалеко отъ Тихвина (новгород. губ.) простой народъ купается въ дымскомъ озерѣ, и въ немъ купаютъ большыя лошадей, почитая эту воду цѣлебною. Препод. Антоній, основавшій этотъ монастырь въ XIII ст., совершилъ на этомъ озерѣ чудеса, почему бываетъ ежегодно іюн. 24 крестный ходъ. Въ томъ монастырѣ хранится желѣзная шляпа этого угодника, найденная въ дымскомъ озерѣ. — Около старой Ладоги производится купанье при огнѣ, раскладываемомъ на горѣ Побѣдницѣ. Въ новгородской губер. этотъ огонь называется: *женимыжъ, лельмыжъ, царь-огонь и лмкарственнымыжъ*. Въ озерѣ клешинскомъ (владим. губер. уѣз. Переславля-зальскаго), донынѣ купаются и водятъ по его берегамъ хороводные круги съ пѣснями.

Купанье
и хороводные
круги.

Карпатскіе Славяне моются росою до восхожденія солнца, и потомъ скачутъ чрезъ разложенные огни. — Нѣкоторыя же карпатскія и судетскія дѣвушки, опоясываются цвѣтными перевязями, головы убираютъ вѣнками, сшитыми изъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ, и потомъ поютъ около огня хороводныя пѣсни. — Въ Литвѣ ходятъ за городъ мыться *росою*, а праздникъ Купалы, называемый тамъ *роса*, сопровождается зажиганіемъ огня. (**)

(*) Стоглавъ, гл. 41—44.: О Иванъ днз и въ навечеріи Р. Х. и Крещенія, сходятся мужи, жены и дѣвицы, на ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растланіе... и егда ночь мимо ходить, отходятъ къ рѣдѣ съ великимъ кричаніемъ и умываются водою, и егда начнѹтъ заутреню звонити, тогда отходить въ домы своя и падаютъ аки мертвы, отъ великого влкотанія.

(**) Narb. Dzieie nar. Litewsk. т. I.

Аграфена
ку-
пальни-
ца.

Въ сѣверо-восточныхъ мѣстахъ Россіи праздновали, вмѣсто Купалы, *Агрипину купальницу*.—Предъ собираніемъ хлѣба приносили ей жертвы и съ того же времени начинали купаться въ рѣкахъ, потому она прозвана купальницею. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, пласали и вѣли въ честь купальницы. Въ архангельской губ. топятъ бани въ день св. Агриппины, настилаютъ полъ травою купальницею (лютикъ), а потомъ купаются въ рѣкѣ. Въ окрестностяхъ Москвы дѣвушки парятся въ баняхъ свѣжими вѣнками, связанными изъ цѣлебныхъ травъ, и готовятъ кашу. — Въ Петербургѣ встрѣчалось мнѣ видѣть, что старые люди, на канунѣ Агриппины купальницы, парятся свѣжими березовыми вѣнками, съ смѣсью разныхъ жгучихъ и цѣлебныхъ травъ: крапивы, лютика, попоротника, богородицкой травы, Иванъ да Марья, ромашки, мяты и полыни. (*)

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ новгород. губ. (около старой и новой Ладоги и Тихвина) топятъ на Ивановъ день бани и парятся травою Иванъ да Марья. — Въ Нерехотскомъ уѣздѣ (костромской губ.) дѣвушки собираются, на канунѣ Аграфены купальницы, къ одной изъ своихъ подругъ: *толокчи въ ступъ ячмень*, и это толченіе сопровождается веселыми пѣснями. На другой день варятъ изъ него кашу, которая называется кутьею, и ѣдятъ ее вечеромъ съ коровьимъ масломъ; потомъ берутъ переднія колеса тѣлеги, съ осью и оглоблями, возятъ сидящихъ на оси по селенію и по-

(*) Когда я спросилъ у одного старика: для чего это дѣлаютъ?—Э, баринъ, ты вишь и не знаешь, отвѣчалъ онъ, эти травы изгоняютъ всю тѣлесную нечистоту, а Аграфена купальница заповѣдала то намъ.

лямъ, распѣвая до утренней росы, и въ заключеніе, умываются росою, думая что она приноситъ здоровье. (°)

Въ другихъ мѣстахъ Россіи, производили иначе празднество купальницы и купалы. Въ день св. Агриппины собирали крапиву, шиповникъ и другія колючія растѣнія, клали въ кучу и скакали чрезъ нихъ, не только люди, но и рогатый скотъ, чтобы воспретить русалкамъ, лѣшымъ, вѣдьмамъ и злымъ духамъ, донть молоко, которое, по мнѣнію народа, засыхаетъ у коровъ послѣ ихъ доенія. — Ночью возобновляли зажженные огни, чтобы предохранить свои стада отъ порчи лѣшихъ. (**)

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, какъ Ижоряне праздновали въ окрестностяхъ Петербурга, ивановскій огонь съ особымъ отличіемъ отъ другихъ. — По рижской дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Петербурга, находилась липа, которой вѣтви сплетались съ вѣтвями другихъ деревьевъ, такъ что онѣ образовывали природную бесѣдку. — Петръ В. не разъ отдыхалъ въ ней. — Тутъ собирались Ижорки въ Аграфенинъ день, и проводили всю ночь при разложенномъ огнѣ, съ пѣніемъ и воплемъ. Навослѣдокъ сожигали бѣлаго пѣтуха, сопровождая жертвоприношеніе скачками и плясками.

Въ другихъ мѣстахъ приносили Славяне жертву съ 24 по 29 іюни, *Купаль*, котораго боготворили подъ видомъ бога земныхъ плодовъ. Юноши, дѣвицы, мужчины и женщины, украшенные вѣнками и опоясанные травяными и цвѣтными поясами, раскладывали огонь, плясали около него, взявшись за руки, и пѣли

(°) Кар. Ш. Г. Р. т. 7. с. 187-189. прим. 371 и 372, т. I. с. 90-91 изд. 1817 г.

(**) Guthrie : Dissert. Sur les antiq. de Russie, с. 77,

пѣсни при перепрыгиваніи. Въ день Петра и Павла, становили качели, съ тѣми же обрядами; качались. пѣли, плясали и скакали на доскахъ. (*) Въ Москвѣ издревле празднуется на *трехъ горахъ* Ивановъ день. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разводили здѣсь огни и пировали.

Мѣстное
совер-
шеніе
купаль-
скихъ о-
гней.

Купальскіе огни разводятся по всей Россіи, съ вѣ-
которыми мѣстными измѣненіями.—На Подолѣ и Во-
лынѣ, дѣвицы сходятся въ то мѣсто, гдѣ поставлена
убранная вѣнками и цвѣтами верба, называемая *Ку-
найло*, и ходя вокругъ ея, поютъ печальныя пѣсни.—
Мушны и женщывы стекаются на это зрѣлище, въ
праздничныхъ одеждахъ; молодые парни бросаютъ
полевые цвѣты на то мѣсто, гдѣ ходятъ дѣвушки, и
потомъ бросаются на вербу, отнимаютъ ее у дѣву-
шекъ и обрываютъ вѣнки и цвѣты.

Простой народъ въ Литвѣ вѣритъ, что въ ночь
предъ Ивановымъ днемъ, вѣдьмы высасываютъ мо-
локо у коровъ; но чтобы воспрепятствовать имъ, вы-
каютъ по угламъ хлѣбовъ вѣтви ласточьего зелья; надъ
дверями вѣшаютъ убитую сороку и приколачиваютъ
крестъ на крестъ, кусочки срътенской восковой свѣчи.—
Другіе ходятъ въ полночь искать въ лѣсу папоротника.
Желающій достать папоротникъ, отправляется одинъ
въ глубину лѣса, чтобы не было слышно пѣнія пѣту-
ха, и пришедши на то мѣсто, гдѣ онъ растетъ, очерчи-
ваютъ около себя кругъ рябиновой палкою и садится въ
немъ. Едва покажется цвѣтъ, онъ долженъ немедленно
сорвать его, но тотъ часъ вылетятъ изъ ада черти, бу-
дутъ его упрашивать, чтобы онъ отдалъ; если это не

(*) Чулковъ Абевега Русск. суев. см. *Аграфенинъ* с. 1. и Ку-
пало с. 228 изд. 1786 Москв.

склонить его, то начнут пугать, грозить, скрежетать зубами, выть пронзительно и страшно. Но онъ не дѣлаетъ выходовъ изъ своей черты и спокойно ожидать зари. Если онъ выйдетъ за черту круга, то у него вырвутъ паспортникъ, производящій чудесное дѣйствіе: владѣющій имъ дѣлается колдуномъ, знаетъ прошедшее и будущее. — Въ Ивановъ день солнце, по мнѣнію людей, выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ: серебряномъ, золотомъ и бриллиантовомъ, къ своему супругу мѣсяцу; въ проѣздъ свой пляшетъ солнце и разсыпаетъ по небу огненные искры, которыя могутъ видѣть только при его восходѣ.

На канунъ субботки или Ивана Купалы, не выпускаютъ земледѣльцы въ поле своихъ коней, въ томъ мнѣніи, чтобы вѣдьмы не ѣздили на нихъ въ Кіевъ, на лысую гору, гдѣ въ то время бываетъ ихъ сборище.

Въ день Купалы складываютъ костеръ изъ поношенныхъ лаптей, онучъ и лубянныхъ вещей, и зажигаютъ ихъ; потомъ скачутъ и поютъ, пока весь не сгоритъ костеръ. Когда сгоритъ болѣе половины, тогда перескакиваютъ черезъ него парни, дѣвицы вдовы и женатыя. — Женщины приносятъ съ собою вареники и водку, и угощаютъ веселящихся. — Вареники готовятъ изъ грешневой муки, и начиняютъ ихъ толченымъ коноплянымъ сѣмьянемъ и лукомъ. Послѣ начинаютъ танцовать около костра, бросая въ него березу и конопель. (*)

Въ Бѣлоруссіи вбиваютъ на канунъ Ивана, по солнечномъ заходѣ, колъ въ землю; обкладываютъ его соломою и коноплемъ, а на самый верхъ кладутъ

(*) Golębow. Gry i zabaw. ч. 3 с. 299.

пукъ соломы, называемый Купало. Когда смеркнетъ, зажигаютъ его а вокругъ бѣгаютъ поселяне и поселанки, бросая въ него березовыя сучья, и приговаривая:

Кобъ мой ленъ
Такъ великій бувъ,
Якъ эта фарасина!

т. е. еслибъ мой ленъ былъ такъ великъ, какъ эта хворостина. Дѣвушки, парни и молодья женщины, поютъ потомъ:

Купала на Ивана!
Гдѣ купала, начавала?
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Начевала у Ивана.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Шо у Ивана уживала.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана
Уживала варенице у алейце.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Рыбку зъ перцемъ,
Чеснокъ съ клейцемъ. —
Купала на Ивана!
Купала на Ивана.

Въ другихъ мѣстахъ собираютъ ночью, дѣвушки и молодья женщины, лѣчебныя травы: лопань, былицу, яскеръ, полынъ, руту и разходникъ. Не участвовавшая въ забавахъ, по домашнимъ занятіямъ, предается грусти, и это очень хорошо выражено въ пѣсни:

Молодая, молодница,
 Выйди до насъ на улицу,
 Разложи купальницу.
 Николы мени выходишь,
 Бо дитя малое,
 Свекоръ лежить, не колыше,
 А свекруха сидыть, не дремае.

Малая ночка,
 Купальничка!
 Не выпалася Гануся, —
 Змочила хустовьку,
 Слезы утираючи;
 Шукала шнуры едwabны,
 Путала кони вороны.

Малая ночка,
 Купальничка!
 Не выпалася Парася, —
 Погнала волны хлипаючи,
 Змочила огонь котячи,
 Слезы утираючи;
 Шукала шнуры валовы,
 Путала щуры половы. (*)

Въ мѣстечкѣ Гомелѣ (**), близъ города Бѣлицѣ (мо-
 гилевской губ.) поютъ:

У пана Ивана посередь двора,
 Стояла верба,
 На верби горнли свичи.
 Съ той вербы капля упала,
 Озеро стало.

(*) Goleb. Gry i zabaw. ч. 3. с. 298—301.

(**) Принадлежащемъ нынѣ фельдмаршалу графу Паскевичу-эриванскому, князю варшавскому.

Въ озерѣ самъ Богъ купався
Съ дѣтками, судитками. (*)

Въ витебской губер. на канунѣ Иванова дня, называемаго *Яни день*, собираются по домамъ поселянки до солнечнаго восхода, и убираются въ самыя нарядныя платья. Молодыя дѣвушки надѣваютъ на голову *вайникъ* (родъ повойника изъ голубой матеріи, унизанный бисеромъ и вышитый узорами), поверхъ вайника вѣнокъ изъ травъ и цвѣтовъ. Въ косу, развѣвающуюся позади, вплетаютъ ленты, а шею повязываютъ цвѣтнымъ платкомъ, и все такъ прекрасно, что каждая изъ нихъ красавица. Нѣсколько десятковъ паръ сходится на лугъ и забавляются танцами, или отправляются попарно, при пѣніи пѣсней, къ дому помѣщика. Въ честь его и семейства поютъ поздравительныя пѣсни. Помѣщикъ со всѣмъ своимъ домою, дожженъ встрѣтить ихъ и угостить. Отъ него онѣ идутъ съ поздравленіями къ другимъ, и весь вечеръ проводятъ въ пѣніи и играхъ, въ коихъ принимаютъ участіе и парни. — Иногда замужнія и молодыя обоего пола, ожидаютъ солнечнаго восхода близъ зажженныхъ смоляныхъ бочекъ и пылающихъ костровъ, распѣвая:

Иванъ да Марья,
На горѣ купалыся.
Гдѣ Иванъ купався,
Берегъ колыхався;
Гдѣ Марья купалась,
Трава расцвѣталась.

Пѣсни раздаются до толѣ, пока *солнце не заиграетъ на небѣ*. Часто при разгулѣ поютъ подъ дудку:

(*) Paul. Piesń lud. polsk. с. 24.

Калижъ тая серида ирашла,
 Якъ илїевши на пригонъ пашла,
 Весь день жала, нялянилася,
 Злому войту накланилася.
 А цяпержа ни а чемъ тужиць,
 А войтъ пьяный у карчмѣ ляжиць.

Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣкъ бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою. — Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папортникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія; можетъ видѣть, какъ расходятся дубы и составляютъ свою бесѣду; можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои подвиги. — Кто сорветъ въ эту ночь *перелетъ траву*, тотъ будетъ во всемъ счастливъ.

Въ Малороссіи: полтавской, черниговской, харьковской, кїевской и въ смежныхъ съ ними губерніяхъ, гдѣ употребляется малороссійское нарѣчіе и малороссійскіе обычаи, собираются на канунъ Ивана Купалы, молодыя дѣвушки въ праздничномъ нарядѣ, къ дереву маренѣ, черноклему или другому какому либо срубленному; головы дѣвушекъ тогда увиты вѣнками изъ травъ: кануферу, любистку, зирокъ, божьяго дерева, сѣкирокъ, бирвинчекъ, васильку, мяты, руты, резеды и другихъ душистыхъ травъ; шапки молодцовъ, надѣтыя на бекрень, украшаются ими любимую душистой травою. Когда сойдутся для празднованія, въ коемъ принимаютъ иногда участіе и молодыя женщины, тогда дѣвушки, послѣ взаимныхъ привѣтствій, берутся за руки, ходятъ вокругъ дерева и поютъ:

Ой мала пичка, Нетривочка,
 Не выспалась наша дивочка!
 Не выспалась, не наигралась,
 Съ козаченькомъ не настоялась.
 Къ чреди шла, задремала,
 На пеньки ноги позабывала,
 На шпички очи повыймала.

Авже коровы у дубровы,
 Авже телята пасуть хлопьята,
 Авже вивцы на крутій гирцы.

За этимъ расходятся въ разныя стороны, и одна изъ дѣвушекъ беретъ соломенную, одѣтую въ женское пестрое платье, куклу, ставитъ ее подъ дерево; другія дѣвушки убираютъ ее голову лентами, очипкомъ и украшаютъ шею намистомъ.—Это чучело называется *Купалою*. Въ другихъ мѣстахъ ставятъ просто соломенное чучело съ деревянными руками, на кои вѣшаютъ вѣнки и женскія украшенія. — *Купалу* обкладываютъ кучей соломы съ крапивою, и зажигаютъ; потомъ, другъ послѣ другаго, перескакиваютъ чрезъ огонь и поютъ:

Ходыли дивочки, около мареночки,
 Коло мое водыла Купала;
 Гратыми сонечко на Ивана.
 Накупався Иванъ, та въ воду вправъ.
 Купала пидъ Ивана!

Въ махновскомъ уѣздѣ (киевской губер.) ставятъ дѣвушки вечеромъ дерево въ землю, которое украшаютъ цвѣточными вѣнками и при пѣннн зажигаютъ вокругъ него огонь. — Въ полтавской губ. дѣлаютъ вечеромъ подъ Ивановъ день, чучело изъ соломы, называемое *мара* (призракъ), носимое и при началѣ весны. Его несутъ къ водѣ при пѣннн, или,

наложивъ груды жгучей крапивы, перескакиваютъ черезъ нее босыми ногами, а послѣ раскладываютъ огонь и прыгаютъ черезъ него. Гдѣ есть поближе рѣка, туда бросаютъ чучело вмѣстѣ съ вѣнками, или развѣшиваютъ вѣнки на деревь. — Иныя несутъ до-мой свои вѣнки, вѣшаютъ ихъ въ комнатахъ и хлѣ-вахъ, для предохраненія себя и домашнихъ живот-ныхъ отъ нечистой силы. — При перескакиваніи черезъ огонь поютъ :

Купала на Ивана!
Купаетъ Иванъ,
Та въ воду упавъ. —
Купала на Ивана!

Иныя скачутъ черезъ огонь въ вѣнкахъ. Домохо-зяевы, съ ночи на Ивана Купала, оставляютъ телен-ковъ ночевать вмѣстѣ съ коровами, чтобы вѣдьмы не портили дойныхъ коровъ, а въ хатахъ кладутъ на окошкахъ жгучую крапиву, которая будтобы не пу-скаетъ нечистый духъ въ избы. — Когда несутъ или убираютъ Купала, тогда поютъ :

Та йшли дивочки и тояго дочки,
Съ тѣмъ вода чорна хмара на долини пала.
На улицѣ Купала на Ивана!
А въ перивидочки нижки на велички,
Й на гору не зойде, на долини не стане,
Купала на Ивана!
Сего дня Купала, а завтра Ивана,
Чи жъ мени, мой мати, торговаты?

Повезу я свенорка продавати,
Ридного батынька куповати.
Здешевыла свекорка, здшевыла,
Ридного батынька не куньма!

Сего дня Купала, а завтра Ивана, —

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я свекруху пролаваты,

Рядну матыньку куповаты.

Здешевыла свекруха, здешевыла,

Рядней матыньки не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я диверка пролавати,

Ряднего братынька куповаты!

Здешевыла диверка, здешевыла.

Ряднего братынька не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я зовыню (зодонку) пролаваты,

Рядную сестричку куповаты.

Здешевыла зовыня, здешевыла,

Рядной сестрицы не купыла!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сажаютъ подъ срубленнымъ деревомъ марены, вмѣсто чучелы, дитя, которое убираютъ цвѣтами и вѣнками. Дѣвушки, убравъ его, развѣшиваютъ свои вѣнки на деревѣ, и потомъ взявшись за руки, ходятъ хороводомъ и поютъ.

Стояла ту поля, въ край чистаго поля,

Стій ту подянько, стій, не розвивайся!

Войцому витроцьку не поддавайся,

На нашея ту поли, чотыре сокола:

Первый соколко, молодой Иванко,

А другій соколко, молодой Ниволко,

А третій соколко, молодой Михайло,

Четвертый соколко, молодой Васильца.

Ой! купалочка купалася,
 Та на березку сушилася,
 Тамъ тому люди дивовались.
 Ой не дивуйтесь сему люди,
 Бо я бачила давнійше:
 Щука-рыба красно ткала,
 А ракъ на буйракъ цивки сучить,
 А муха—горюха джму шить,
 Комаръ пищать, водичу несеть.

Пропѣвъ купалочныя пѣсни, бросаютъ марену въ воду. Когда же сами купаются, тогда топятъ марену въ рѣкѣ. Послѣ купанья угощаютъ другъ друга приготовленными закусками, и наконецъ возвращаются домой съ веселыми пѣснями.—Въ иныхъ мѣстахъ молодые обоюга, купаются въ рѣкахъ предъ закатомъ солнца. Вечеромъ раскладываютъ огонь на поляхъ и на горахъ.—Дѣвушки и мужчины, побравшись за руки, прыгаютъ попарно чрезъ огонь. — Если при скаканіи не разойдется пара, то это явная примѣта, что она соединится бракомъ.—Веселыя рукоплесканія сопровождаютъ скачущихъ, и непременно до послѣдней пары.—Потомъ поливаютъ огонь водою, и послѣ идутъ домой толковать о своихъ вѣнкахъ, не забывая пѣть дорогою:

Ой не стій вербо надъ водою,
 Та не пускай зилье по Дунаю.
 Ой Дунай, море розливае,
 И день и ночь прибувае,
 Въ вербо корень подмывае,
 А сверхи вершокъ усынае,
 Коло верби листьа опадае,
 Стань собі вербо на рыночку,
 У крищатому барвиночку
 У запашномъ васильку.

Наши 'подоляне церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ мамалевали.
 Та мамалевали три місяцы яснихъ :
 Ой первый місяць, молодой Иваню,
 А другій місяць, молодой Василью,
 А третій місяць, молодой Михайло.
 Наме доляне церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ мамалевали —
 Та мамалевали три зирочки яснихъ,
 Три дивочки красныхъ —
 О перра зирочка, млада Маричка,
 А другая зирочка, млада Ганочка,
 А третья зирочка, млада Варичка.

Сонце сходє, играє,
 Иваню коника сидлає,
 На стрименочки ступає
 На сиделечко злегає.
 Тяжннко, важннкѣ вздыхає,
 А его батинько пытає :
 Що ты се, сыночекъ, гадаєшь?
 На що ты, коника, сидлаєшь?
 Що тобі батинько до сего,
 Сидлаю коника не твоего, —
 Пойду до тестя до своего.
 Пуцу я коника по двору,
 Своему тестиви на хвору.
 Ой у моего тестя новый двирь,
 И барвиночкомъ спили двирь,
 И василечкомъ мели двирь,
 Щобъ мене тещника хвалила,
 Щобъ мене дивчина любила. —

Ой, чіє жито подъ горой стояло?
 Иванкове жито подъ горой стояло,
 Пидъ горой зелененько, по місяцу виднєнько,
 Молода Маричка ходы жыто жаты.

Якъ я тебе возьму, жыто жаты научу.
 Пидь горой зелененько, по мисяму видненько,
 серденько.

—
 Ой вербо, вербо, вербица!
 Чась тоби, вербица, розивитця.
 Ой, ище ни часъ, ни пора.
 Чась тоби, Иванку, женицца.
 Ой, ище ни часъ, ни пора,
 Еще жъ моя дивчина молода.
 Та не хай до лита, до Ивана,
 Щобъ моя дивчина погулила;
 Та не хай до лита, до Петра,
 Щобъ моя дивчина подрохла. (*)

—
 Иване, Ивашеньку,
 Не переходь дороженьку.
 Иване, Ивашеньку!
 Якъ перейдешъ, виноватъ будешъ:
 Иване, Ивашеньку!
 Зроблю тоби у трехъ зильяхъ,
 Иване, Ивашеньку!
 Прийшлось дивкамъ за Дунай плысти.
 Иване, Ивашеньку!
 Вся дивочки переплыли.
 Иване, Ивашеньку!
 А сироточка утонула,
 Иване, Ивашеньку!
 Дошли слухи до мачихи,
 Иване, Ивашеньку!
 Та не жаль же мени дочки,
 Иване, Ивашеньку!

(*) Снегир. Русск. простонар. правд., вып. IV. с. 47-50. Эти пьсни были сообщены ему профес. харьков. универ. г. Артемовскимъ-Гулакомъ, которому достоверно извѣстны, что оны поются на Ивана Купала.

Та не дочки надчершцы,
 Иване, Иваненьку!
 Жаль плахотки крещаточки,
 Иване, Иваненьку!
 И запасочки синяточки.

—

Торохъ, торохъ, по дорози!
 Що за гомонъ по дуброви?
 Ой братъ сестру вбивать хоче!—
 Сестра въ брата прохалалася:
 Мій братечку, голубчику,
 Не вбивай мене въ лисочку;
 Убий мене въ чистомъ полі.
 Ой, якъ убьєшь, поховай мене;
 Обсады мене тремя зильями:
 Першимъ зильємъ гвоздичками,
 Другимъ зильємъ васильками,
 Третьимъ зильємъ, стрилочками.
 Дивочки идуть, гвоздички рвуть,
 И мене зпомянуть;
 Молодицы идуть, василечки рвуть,—
 И мене зпомянуть;
 Наробочки идуть, стрилочку рвуть,
 И мене зпомянуть. —

—

А въ борку на клинку,
 Чій же то лєнь, да не полотый?
 То Марусинъ лєнь та не полотый.
 Чомужъ вона та не вынолола?
 То за симъ, то за тымъ,
 То за сномя товстымъ.
 Ой, чія жъ то синожать та не кошаная?
 То Грыцькова синожать та не кошаная.

То за снѣмъ, то за тымъ
То за сномъ товстымъ (*).

Ивановская ночь почитается въ Малороссіи страшною ночью. Тамъ думаютъ, что въ это время хаты и скотныя загоны посѣщаются вѣдьмами и вукулами (оборотнями). Для отвращенія ихъ посѣщенія раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ, жгучую крапиву или папоротникъ. — Одиѣ яги-бабы (*), колдуны и кіевскія вѣдьмы, которыя собираются тогда во множествѣ, лѣтаютъ на помелѣ на лысую гору или чортово *березище*, находящееся подъ Кіевомъ, гдѣ онѣ совѣтуются на пагубу людей и домашнихъ животныхъ. — Въ Ивановъ день не выпускаютъ коня въ поле, думая, что чародѣйка заѣздитъ его.

Съ совершеніемъ купальскихъ обрядовъ не разлучены нѣкоторыя травы, какъ предохранительныя средства отъ болѣзней и злыхъ духовъ, или какъ имѣющія особую силу заколдовывать и открывать тайну; къ таковымъ принадлежатъ: *колюка*, *папортникъ* или *кочедыжникъ*, *тирличъ*, *плакунъ*, *дурманъ*, *адамова голова*, *болотный голубецъ*, *ревенька*, *одоленъ*, *земляника*, *переносъ*, *на-сонъ*, *разрывъ*, *перелетъ*, *Иванъ да Марья*, *будягъ-чертополохъ*, *подорожникъ*, *лонушекъ*, *купаленка*, *медвѣжье ушко*, *богатенька*, *чернобыльникъ*, *лютикъ*, *архилинъ*, *муравьиное масло*, *медяница* или *курачѣль сльпота* и *петровъ крестъ*.

(*) Максимов. Малор. пѣсн., с. 164-167 изд. 1827 г.

(**) У венгерскихъ Славянъ находится поговорка о яги-бабѣ:

Види баба
Стара баба!
Ты машь зубъ ноотѣны,
Дай ми за нь пелесы.

Kollar: Národ. Zpiew, ч. I. с. 12.

Колоха собирается въ Петровъ постъ, въ продолженіи вечерней росы, съ великимъ раченіемъ не одними поселянами, но и чародѣями. Она засушивается и хранится въ коровьихъ пузыряхъ. Дается за великую тайну стрѣльцамъ, которые думаютъ, что окуренное колохою ружье, стрѣляетъ всегда впопадъ и самая чародѣйская сила не можетъ заговорить его. —

Папортникъ или *кочедыжникъ*. Его срываютъ на канунъ Иванова дня, ночью, съ особенными обрядами и заговорами. Думаютъ, что онъ въ это только время цвѣтетъ, однажды въ годъ, и огненнымъ цвѣтомъ. — Я не слыхалъ, чтобы кто похвалился, что ему удалось отыскать этотъ чудесный, всемогущій цвѣтокъ, потому что онъ охраняется адскою силой. Это повѣрье основано на томъ, что папортникъ образуетъ невидимое цвѣтеніе. Кто отыщетъ разцвѣтшійся кочедыжникъ, тотъ величайшій счастливецъ. Онъ можетъ повелѣвать всѣмъ безъ исключенія: предъ нимъ бессильны цари и могущіе правители, и самыя нечистые духи въ его распоряженіи. Онъ можетъ знать, гдѣ скрываются клады, входитъ безпрепятственно въ сокровищницы, лишь стоитъ ему приложить цвѣтокъ къ желѣзнымъ запорамъ и замкамъ, — все разсыпется предъ нимъ! Онъ можетъ открыть себѣ свободный входъ ко всѣмъ красавицамъ, принимая на себя образъ невидимки, или какой захочетъ, словомъ: нѣтъ ничего для него, чтобы не было ему недоступнымъ или невозможнымъ. — Какъ цвѣтетъ папортникъ и какія принимаются средства для подученія его, то объ этомъ такъ рассказываютъ знахари. Изъ широколистяннаго папортника является цвѣточная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается, и вдругъ запатается, перевернется и запрыгаетъ, какъ живое. Иные даже слышатъ голосъ и щебетанье, и все это дѣлаетъ адская власть,

чтобы, пугая людей, не допустить ихъ до цвѣточка. — Когда сорветъ почка, тогда наступаетъ ровно 12 часовъ ночи: она разрывается съ трескомъ, вся покрывается огненнымъ цвѣтомъ, что глаза не могутъ вынести — такъ пынеть отъ него жаромъ! — Вокругъ и вдали разливается ярнй свѣтъ, и только невидимая рука срываетъ его. Ищущій цвѣтокъ очерчиваетъ около пашпортника кругъ, становится въ немъ, и произнося заговоръ, ожидаетъ полночи. Надобно, чтобы рѣшившійся на такую преступекъ, былъ неустрашимый и переносимъ безъ боязненно всѣ привидѣнйя. Если онъ отзовется на голосъ или повернется къ призраку, то лишится жизни. Злой духъ сорветъ съ него голову, вышесто пашортника, и пошлетъ его душу въ адъ на мученіе, за то что дернулъ похитить цвѣтокъ, составляющій украшеніе ада.

Тирличъ срывается однимъ вѣдьмами и чародѣями на лесной горѣ (подъ Кіевомъ), только на камушъ Иванова дня. Изъ тирлича вѣдьмы выжимаютъ сокъ и употребляютъ его для своихъ чаръ, особенно противу гнѣва властей. (*)

Длакунъ достается въ Ивановъ день при утренней заре. — Тотъ можетъ наводить страхъ на всѣхъ, кто владѣеть имъ. Его обыкновенно имѣютъ только чародѣи. Особенная сила его состоитъ въ корнѣ, который гонитъ не-

(*) Некоторые солдаты, чтобы отклонить отъ себя гнѣвъ своего отца-командировъ, прибѣгаютъ въ слѣдующему предразсудку. Кладутъ въ сапогъ пучекъ соломы и носятъ его сутки, потомъ перевертываютъ пучекъ и носятъ еще сутки, наконецъ на третій день, вынувъ пучекъ изъ сапога, кладутъ солому на перекресткѣ, приговаривая: «какъ расходятся эти дороги на четыре стороны, такъ разойдитесь гнѣвные мысли противу меня, моего отца-командира.»

честныхъ душоу и смиряеть ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суевѣріе къ плакуну доходитъ до сумасбродства. Чародѣй, войдя въ церковь съ корнемъ, и ставъ у алтаря лицомъ къ востоку, произнеситъ заговорныя слова: «плакунъ! плакунъ! плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь такъ страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кievскимъ. А не дадутъ тебѣ векорнища, утонути ихъ въ слезяхъ; а убѣгутъ отъ твоего позорнища, закини въ ямы преисподнія. — Будь мое слово при тебѣ твердо и твердо вѣкъ вѣкомъ — Почитай корень за чудесную силу, суевѣры носятъ его при себѣ на крестѣ. Тогда человекъ, по ихъ мнѣнію, не попадетъ ни въ какое искушеніе дьявола и не въ какіе недуги. Повѣсивъ же сдѣланный изъ плакуна крестъ, на бѣсноватого, вѣрять, что этимъ способомъ можно изгнать поселившагося бѣса. Утверждаютъ еще, что бѣснующіеся, увидѣвъ корень, вскрикиваютъ, мечутся во всѣ стороны и страшно ревутъ, когда надѣваютъ на нихъ крестъ изъ плакуна.

Дурманъ. Если кто срываетъ дурманъ, сдѣлаетъ какое нибудь странное движеніе, напримѣръ: перекувырнется, и потомъ броситъ его на наметку въ баню, то всѣ находящіеся въ ней станутъ перекувырливаться.

Адамова голова. — Растетъ кустомъ около болотъ, вышиною въ $\frac{1}{2}$ арш. Цвѣтъ этой травы синій, багровый и темножелтый; листья въ ладонь и шершавые. При срываніи крестятся и читаютъ молитвы: *Отче нашъ, помилуй мя Боже и Господи Исусе Христе, сице Боже, помилуй меня.* — Все это читается, пока не сорвется трава, которая по мнѣнію суевѣровъ, испорченныхъ и разрѣшаетъ роды. — По освященіи корня адамовой головы, надобно носить его съ собою, и тогда будутъ видимы дьяволы и колдуны. Кто бу-

детъ его носить на головѣ, тотъ будетъ получать подарки. — Для разрѣшенія отъ неплодія, варить корень въ козьемъ молокѣ и даютъ пить.

Болотный голубецъ. Онъ похожъ на крапиву, имѣетъ пушистый бѣлый цвѣтъ. Кто хочетъ ходить на медвѣдей, тотъ пей заваръ изъ голубца на топчакъ: съ уксусомъ и медомъ, тогда ни одинъ медвѣдь не избѣгнетъ охотника, а самъ охотникъ не будетъ бояться звѣря.

Ревенька. Она стонетъ и реветъ по ворьямъ, отъ чего получила свое названіе. Растетъ подлѣ воды и часто въ самой водѣ, вышиною отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ арш. — Цвѣтъ ревеньки красноватый. Кто хочетъ хорошо плавать, и никогда не утонуть, тотъ держи при себѣ корень ревеньки.

Одоленъ. Онъ растетъ по каменнымъ мѣстамъ, близъ воды и рѣкъ; вышина его въ $\frac{3}{4}$ арш., цвѣтокъ темно-желтый съ бѣлыми листочками. Отваръ одолена даютъ пить отравленнымъ и отъ зубной боли. Съ корнемъ одолена пастухи обходятъ свое стадо три раза, и тогда стадо не разбѣгается. Даютъ еще пить отваръ тѣмъ, кого хотятъ заставить полюбить или привлечь кого либо къ себѣ.

Земляника. Кто хочетъ занимать деньги въ долгъ, тотъ положи въ карманъ травы земляники, и иди смѣло къ первому ростовщику, или къ кому хочъ — отказа не будетъ. Чтобы сдѣлаться отличнымъ охотникомъ и стрѣлкомъ, то надобно носить при себѣ эту траву.

Переносъ. Чтобы быть честнымъ, то носи съ собою эту траву. — Переносъ растетъ близъ рѣкъ, болотъ и парю. — Вѣка протекли, и никто не зналъ чудесной травы, могущей дѣлать людей честными! —

На-сонъ. Корень травы, называемый на-сонъ, нужно сварить въ водѣ и пить съ медомъ: отъ дурного

глаза, сонной гресы и всякой скорби. — Трава на-сонъ имѣеть листки узенькіе, вверху стручка, корень бѣлый; растеть на ровныхъ мѣстахъ.

Разрывъ, извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ корня прыгуна (*Springwurz*), называется у насъ: прыгунъ, спрыгъ и екакунъ. Его отыскивають въ Ивановъ день одни черноокнижники, и всякій можетъ достать его, у кого есть плакунъ и папортникъ. Свойство разрыва: разрывать желѣзные запоры, ломать сталь, серебро, золото и мѣдь на мѣлкіе куски, однимъ прикосновеніемъ къ нимъ. Искатели кладовъ покунають разрывъ у черноокнижниковъ за великіи деньги, чтобы открыть сокровища, но проданный разрывъ не помогаетъ покушникамъ, и они никакъ не хотятъ думать, чтобы ихъ обманывали, и приписываютъ безсиліе внимательству дьяволовъ. — Повсюду носятся рассказы, что въ ямахъ зарыты великія сокровища, хранимыя подъ желѣзными запорами, и что нечистая сила закрываетъ къ нимъ входъ своей спиною, усаженной иголками. — Для уничтоженія этихъ преградъ не достаточно человѣческой силы: надобно прибѣгнуть къ разрыву. — Рассказываютъ еще, что воры особенно употребляютъ эту траву: они подрѣзываютъ тѣло подъ ногтемъ пальца и кладутъ туда разрывъ, и думаютъ, когда прикоснутся пальцемъ до запоровъ или замковъ, тогда непременно спадутъ запоры и отомкнутся замки. — Сохранилось повѣрье объ нахожденіи разрыва. Отыскавъ гнѣздо дятла, слѣдуетъ лѣтомъ вколотить гвоздь подъ деревомъ, потомъ разослать внизу дерева полотно. Понутру будетъ принесенъ сюда разрывъ самымъ дятломъ, и положенъ на полотно. Но бываетъ, что мужики подкашиваютъ разрывъ. Это узнается тѣмъ, что коса, попавъ на траву, переламывается. Чтобы распознать чудесную траву, они собираютъ все скошенное и бро-

сплывъ въ воду: какая трава выльветъ на верхъ, то разрыть.

Перелетъ тpаса или летающая трава, имѣеть силу переноситься съ мѣста на мѣсто, и кто усѣдетъ сорвать цвѣтокъ, тотъ будетъ счастливъ во всю жизнь. — Цвѣтъ перелета состоитъ изъ радужныхъ красокъ, и ночью перою блеститъ какъ звѣздочка.

Иванъ да Марья. Кто хочетъ ускокать отъ погони или летѣть молодецки на клячѣ, тотъ носи при себѣ цвѣтокъ Ивана да Марья. — Иные даютъ пить сокъ, выжатый изъ этого цвѣтка, чтобы возвратить слухъ или потерянный умъ. —

Будиль-чертополохъ. Изъ стебля какой нибудь травы дѣлають видочки, и пришиваютъ имъ чертополохъ къ землѣ, говоря: если стонишь червей съ моею скотиной, то отпущу тебя. —

Подорожникъ (*plantago latifolia*, Linn.) Натри ноги подорожникомъ и никогда не устанешь, ходя пѣшкомъ.

Лапушокъ. Кто хочетъ воровать ночью, чтобы даже и собаки не лаяли, то надобно носить лапушекъ съ собою. —

Купаленку (*trollius europaeus*), *медвѣжье ушко* (*verbascum*) и *богатенку* (*ergigon aere*), ищутъ новгородскіе поселяне въ лѣсу, и ими украшаютъ внутренность своихъ избъ: стѣны и образа, и загадываютъ: кому какъ долго жить на свѣтѣ? Чей цвѣтокъ въ избѣ завянетъ прежде, тому умереть въ тотъ годъ или быть хворымъ.

Чернобыльникъ отрываютъ простодюдины съ особыми заговорами. — Корень его стараются найти подъ землянымъ угольемъ. Корень и уголье, по мнѣнію народа, исцѣляютъ падучія болѣзни и черную немочь. —

Лютикъ, въ простонародіи купальница, собираемая

предъ днемъ Аграфены и употребляемая въ баняхъ для изгнанія нечистотъ, извѣстна еще подъ именемъ *лютаго корня* и *лютой травы*; ихъ собирають на канунѣ купалы и слыжутъ цѣлебными.

Архиликъ растетъ при большой рѣкѣ и былъ извѣстенъ только нашимъ предкамъ. Объ немъ они оставили слѣдующее извѣстiе: кто рветъ его въ день Юанна крестителя, чрезъ золотую или серебрянную гривну и носить при себѣ, тотъ не будетъ бояться ни злѣго человѣка, ни еретика, ни дьявола. —

Муравьиное масло. Оно вынимается изъ муравьевъ и сливается въ стеклянную посуду; употребляется какъ цѣлебное средство отъ многихъ недуговъ. — Муравейники и его сокъ предписываются самыми врачами, какъ лучшее средство отъ ревматическихъ болѣзней. —

Медяница или курячья слѣкота. — По мнѣнiю народа она срывается невидимой рукою и знахарями; наводятъ мертвый сонъ на того, кто держитъ ее при себѣ, потому метительные суевѣры даютъ пить съ него отваръ. Думаютъ еще, что она лишаетъ зрѣнiя, кто ее положить себѣ подъ голову. Нѣкоторые утверждаютъ, что медяница вырастаетъ изъ гнѣвiя зловредныхъ гадовъ; что она растетъ слѣпою, получаетъ зрѣнiе только въ Ивановъ день, и когда увидитъ человѣка или другое животное, тогда бросается на него стрѣлою и пробиваетъ его насквозь. (*)

Въ одной сербской пѣснѣ объяснены семь чародѣйскихъ травъ, которыя производятъ чудесное дѣйствiе, но примѣчательнѣйшiя изъ нихъ это суть: трава колоперъ (канушеръ) и любистокъ (зара).

(*) Устные рассказы.

первая исподтываетъ вѣрность женщины, а вторая внушаетъ имъ постоянную любовь. Вотъ перечисленіе свойства травъ:

Милотвица да ее иштуемо,
 Колоноро, да ме не атера;
 Любшине, да не свагда любя;
 Каранова, да се не паралию;
 Чубра цвѣтя, да ме добро чува;
 Босцока, да м'не смете ока;
 А певна, да му срце вене.
 Самдокаса и околочена. ()

Петровъ крестъ, который такъ названъ потому, что корень его имѣетъ видъ креста и собираютъ его подъ Петровъ день. Онъ употребляется для отыскиванія кладовъ, и тотъ человекъ, который носитъ его при себѣ, бываетъ счастливъ во всю жизнь.

Растетъ еще какая то безименная трава, которую знаютъ одни только чародѣи и вѣдьмы, но они скрываютъ ее отъ людей. Свойство этой травы: кто носитъ ее при себѣ, тотъ знаетъ мысли каждаго, гдѣ бы онъ не находился, даже предугадываетъ, кто что замышляетъ.

Изъ собранныхъ свѣдѣній о купалѣ, видно, что празднество его сооровождалось зажиганіемъ огня, перескакиваніемъ чрезъ огонь, купаніемъ и собираніемъ цѣлебныхъ и предохранительныхъ травъ. —

Когда В. К. Владиміръ I. хотѣлъ окрестить въ одинъ день Славяно-русскій міръ, тогда предки наши не могли покинуть вдругъ своихъ повѣрствъ, и къ понятіямъ

(-) Сривше пјесме, изд. Карадж. ч. I с. 349.

христианскимъ. присоединили свои суевѣрныя, еще сильно тогда господствовавшія. Это есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему во всей Европѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ силой вводили Евангельское слово, противопоставляли силѣ силу, и охотно оставались при старыхъ вѣрованіяхъ, какъ бы они ни были ложны, потому единственно, что такъ чтили ихъ отцы и праотцы.— Не уже ли наши дѣды были столько глупы, говорили проповѣдникамъ, упорствовавшіе въ идолопоклонствѣ, что они не знали во что вѣрили? Не хотимъ нововведеній, не хотимъ новой вѣры! Наши боги хранили насъ отъ всѣхъ бѣдствій, а вашего Бога мы еще не знаемъ.— Природа таинственная увеличивала ихъ рвеніе къ поклоненію небеснымъ свѣтиламъ и обыкновеннымъ физическимъ явленіямъ, для нихъ непостижимыхъ. Сильный жаръ солнца въ теченіи іюня и іюля, переходъ его чрезъ черту лѣтняго равноденствія, созрѣваніе плодовъ, цвѣтовъ и травъ, особенно тѣхъ, которыя собирались для врачеванія; рѣчныя и здоровыя воды, въ коихъ купались разслабленные; утрення и вечерняя росы, кою умывались для приданія свѣжести лицу и облегченія головныхъ болей, все это приходилось въ такое время, когда природа дѣйствовала цѣлбно на все живущее. Посему немудрено, что наши предки невольно изобрѣли особый праздникъ Купалѣ, который въ послѣдствіи измѣнился значительно. —

Въ нѣкихъ мѣстахъ Купало выходитъ изъ употребленія, а въ другихъ едва уже извѣстенъ, какъ темная память по усоншемъ. Въ Малороссіи, Бѣлороссіи, Литвѣ доселѣ въ употребленіи зажиганіе и скаканіе чрезъ огни, съ свойственнымъ имъ цѣніемъ. Въ прежнія времена самая ивановская ночь была страшная и таинст-

венная; съ нею соединялись гаданія вѣнками, рѣшавшими судьбу дѣвиць, а теперь онѣ служатъ для одной забавы; прежде оказывали Купалѣ чествованіе, а теперь сожигаютъ его какъ чучело. —

VIII.

Я Р И Л О.

Остатки языческихъ празднествъ такъ затемнены мѣстными измѣненіями, что трудно добраться до ихъ начала — къ числу таковыхъ принадлежитъ Ярило. Въ какое время онъ появился у насъ? Какія оказывались ему почести? — на это нельзя отвѣчать положительно. Известно только, что онъ сопровождался буйными веселостями въ костромской, тверской, нижегородской, рязанской, тамбовской и воронежской губ., быть можетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ всевятское заговѣнье или въ всевятское воскресенье, составляли его увеселеніе: кулачныя забавы, игры и ярмочныя сходбища (*)

Слово Ярило созвучно по окончанію со многими иноземными словами: съ санскритскимъ *ари*, греческимъ *арисъ*, означающія враждебный. Въ пѣснѣ *о полку Игоря*, встрѣчается названіе *яръ туръ*.—Между иллирійскими и венецианскими божествами, находятся *яръ* и *Яровидъ*. (**)
Туръ у Грековъ, Скандинавовъ, Финновъ и Славянъ, былъ идеалъ крѣпости и ярости. Если Ярило или Ерило производить отъ собственнаго его слова, то онъ

(*) Труд. общ. любит. рос. слов. ч. XX.

(**) Кар. И. Г. Р. т. 1. с: 87 и 88.

выражаетъ ярого, буйнаго. Нѣкоторые думаютъ, что Ярило греческій Эросъ, богъ любви и страсти (*). Ярило, выражающій время ярости животныхъ, извѣстенъ былъ у Словаковъ, Чеховъ и Поляковъ, подъ именемъ *ярь*, который означаетъ такъ же зеленый и ранніе посѣвы хлѣбовъ: *яровой* и *ярина*, и соотвѣтствуетъ животворной веснѣ. Когда все растущее приходитъ въ ярь, т: е: покроется зеленью, тогда животныя *ярятсѣ*. По сему неудивительно, что *Ярило* праздновался въ иныхъ мѣстахъ, какъ животворная сила природы: въ Славоніи, Богеміи и Польши, а въ другихъ какъ предметъ неукротимой страсти. — Изъ всего этого заключить можно, что онъ соединялъ въ себѣ свойства плодотворной силы. Откуда же онъ перешелъ въ Россію и въ какое время? Этому во все неизвѣстно. Нѣкоторые думаютъ, что Ярило есть идолъ *Ярунъ*. (*) Но изъ всѣхъ указаній на славянскія божества, мы не находимъ въ ихъ числѣ Яруна.

Чествованіе Ярилы.

Одно только мѣстное чествованіе могло считать его своимъ божествомъ, и это подтверждается тѣмъ, что доселѣ въ Костромѣ всесвятское заговѣнье и гулянье, называютъ *яриловымъ*. Изъ мѣстныхъ воспоминаній объ немъ, удерживались тамъ нѣкоторыя суевѣрныя и язычскія забавы, совершавшіяся въ честь Ярилы. Въ Костромѣ отправляли еще погребеніе въ честь *Ярилы*, на всесвятское заговѣнье. Тамъ старикъ, одѣтый въ изорванное платье, несъ во гробѣ куклу Ярилы, которая изображала мужчину со всѣми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями, и потомъ зарывали въ землю.

Я видѣлъ въ Малороссіи обрядъ, еще въ юношес-

(*) Снегиръ: Русск. прост. празд. вып. IV. с. 52.

(*) Макаровъ: Русск. праздн., изд. 1818 г.

кіе мои годы, который обращалъ на меня особое вниманіе. Послѣ всесвятскаго заговѣнья сходились по полудни женщины и казаки, чтобы погулять у шивка. Тамъ они вѣли и плясали до вечерней поры; потомъ, по заходѣніи солнца, выносили на улицу мужское соломенное чучело, со всѣми его естественными частями и клали во гробъ. Развеселившіеся отъ спиртуозныхъ паровъ женщины, подходили къ нему и рыдали: померъ онъ! померъ! Мужчины сходились на этотъ вопль, поднимали чучело, трясли и провозносили: *эй, баба не брешет! Она на знае, що їй солодче меду.* — Женщины продолжали вопить: *якій же вінъ бувъ хорощій, да якій услужливий.* Смотрѣли на него любоострастно и говорили: *не встане вінъ більше! О якъ же намъ раставатися съ тобою! и що за жизнь, коли нема тебе.* — *Приподклись хоть на часочекъ! но вінъ не встает и не встане.* Послѣ продолжительныхъ и многообразныхъ поговорокъ, уносили чучело и хоронили. Погребеніе заключалось закускою и попойкою.

Въ Галичѣ и Кинешмѣ, костромской губ., молодѣи дѣвушки и парни забавлялись нѣкогда надъ упоенныхъ старикомъ, представлявшимъ Ярилу, и въ то время хороводныя игры сопровождали ихъ забавы; но каждая дѣвушка, не прежде вступала въ хороводный кругъ, пока не отвѣсила пояснаго поклона старикъ Ярилѣ. (*) Въ рязанской и тамбовской губ., правленіе Ярилы приходилось тоже въ день всѣхъ святыхъ, или на другой день Петра дня; въ Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Тройцынъ день; въ нижегородской губ. іюня 24, въ день ярмарки. (**) Въ Твери она начиналась

(*) Снегир. Руск. прост. правд. в. IV, с. 55. и 56.

(**) Труд. общ. люб. русск. слов. ч. I.

въ первомъ воскресеньи послѣ Петрова дня, въ Троицкостромъ саду, на рѣчкѣ Дазурѣ. Молодые женщины, дѣвушки и парни собирались сюда плясать *блажму*, подь балалайку или торбанъ. *Блажма* особый танецъ, похожій на кадрили, и тутъ было раздолье влюбленнымъ. Матери охотно отпускали своихъ дочерей на ярилино гулянье, какъ они говорили: *помесячитисься*. (*) Женки высматривали невѣсты, а невѣсты жениховъ, но однако происходили дурныя послѣдствія отъ понавѣстванія. Во время ярилиного рагула дозволялись обниманія, цѣлованія, совершавшіяся подь вѣтвистыми деревьями, которыя прикрывали таинственныя опущенія. Претиву этого сильно возставали архіепископы: Мессодій и Амвросій, и ихъ только ревностію прекращены ярилины веселости. — Въ Вероцежѣ существовало долгое время народное играше, Ярило, (до 1763 г.). Оно совершалось предь загорѣшемъ Петрова поста.

Тамъ на кануцѣ ярилина играша готовились закуски и праздничныя одежды, и потомъ, съ рассвѣтомъ дня, двигались толпы за городъ на большую площадь, разсноподожанную видъ московской заставы. — Молодые дѣвушки наряжались, одна другой лучше: красные чоботы (сапоги), разноцвѣтная записка съ широкими рукавами, бѣлая рубашка и пукъ разноцвѣтныхъ лентъ, вдетенныхъ въ косу, воявѣшали годовое и торжественное празднество. Молодцы также не упускали случая, чтобы выказать свои шегольскія одежды. — Пожилые и старые, равномерно принимали участіе въ предстоящемъ веселіи. Торговцы даблаговременно разбивали на выгонѣ палатки, и раскладывали на столахъ лакомства, игрушки и мелочныя товары. Это веселіе составляло смѣсь яр-

(*) Литерат. приб. къ Русск. изв. 1838 г. № 35.

молчаніе, съ шумными праздничными гуляньями. Пѣсни, пляска и музыка, сопровождали общее разгуланіе. Среди этихъ забавъ наряжали одного мушкетера въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и навѣшивая на него ленты и бубенчики; на голову его наматывали высоній бумажный, съ пѣтушьямъ скутаномъ колпакъ, который раскрашивался фантастическими изображеніями; лице его чернили или наводили румянами; въ руки давали побрякушки и молотушку. — Дѣти съ барабаннымъ боемъ, возвѣщали Ярилово шествіе. Толпа гулявшихъ стекалась къ этому зрѣлищу. Онъ переважно расхаживалъ на площадѣ и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его пряниками, маковиками, пирогами, однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ, что приносили для своего разгула. Когда все увлекалось веселіемъ, тогда составляли произвольныя игры; отъ нихъ переходили къ молодецкимъ, — къ кулачнымъ боямъ, которые весьма часто оканчивались смертоубійствомъ. Епископъ Тихонъ, называя эти забавы бѣсовскими, говоритъ, что былъ нѣкогда древній истуканъ Ярило; что праздникъ, въ его еще время, назывался игрищемъ, которое велось издавна, и что люди ожидали этого праздника, какъ годового торжества. — Оно начиналось въ среду или въ пятницу по сошествіи св. Духа, и оканчивалось въ первый понедѣльникъ. — Тихонъ, епископъ воронежскій, искоренилъ этотъ обычай. (*)

Во многихъ мѣстахъ Россіи совершаются понынѣ,

(*) Извѣстныя извѣстія. — Митрополитъ Евгеній : Опис. жизни и подв. Тихова, еписк. воронежскаго и елецкаго. — Описаніе игрища, см. еписк. Тихона проповѣди, говоренныя имъ въ воронежской епархіи. — С. П. Б. 1784 г. и 1794 г.

въ день всесвятскаго заговѣнья, нѣкоторые суевѣрные обряды и увеселенія, и это подало многимъ поводъ думать, что эти игры вѣроятно суть остатки Ярилова игрища, называвшагося бѣсовскимъ. Въ Стоглавѣ суевѣрныя игры названы *бѣсовскими потѣхами*, но изъ нихъ нельзя заключить, чтобы они относились къ Ярилу. Церковь называла все то *бѣсовскимъ, беззаконнымъ, сквернымъ*, что было противно христіанскимъ постановленіямъ и чистотѣ нравственной.

IX.

О Б Ж И Н К И.

Обыкновеніе совершать празднество при созрѣніи <sup>Прино-
шеніе
первыхъ
плодовъ
похвалъ</sup> хлѣба, было во всѣхъ странахъ свѣта, древняго и новаго. Наши предки Славяне, когда сдѣлались земледѣльческимъ народомъ, соблюдали долгое время жатвенные обряды, и даже отправляли ихъ съ торжественными угощеніями, особенно во время уборки хлѣба. Доселѣ остались слѣды отъ этихъ обычаевъ, и это доказывается тѣмъ, что понынѣ во многихъ мѣстахъ, во время и послѣ жатвы, приносятъ въ церковь для освященія: первые снопы и печеный хлѣбъ отъ перваго умолата; первые соты меда и первые созрѣлые плоды. (*) Въ Мадороссіи дѣлаютъ, при этомъ случаѣ, кутю изъ риса, которую украшаютъ цвѣтами и благоухающими травами, и приносятъ ее въ церковь для освященія съ плодами и медомъ. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются разведеніемъ пчелъ, вѣнчается обычаемъ въ обязанность, чтобы каждому хозяину приносить въ церковь первые медовые соты."

(*) Мойсей поставилъ Евреямъ въ священную обязанность, чтобы они приносили первые плоды. Кн. 3. Мойсея, Левитъ гл. 23 с. 10-41.

То время, въ которое собираютъ тамъ медъ, называется *пасычнымъ* и *пасиковымъ*. (*)

Арконскіе Славяне, по уборкѣ хлѣба, приносили жертвы въ честь Святovidу. Въ день его праздника, народъ толпился у воротъ и вокругъ ограды храма Святovidа. Верховный жрецъ закалалъ одного изъ домашнихъ животныхъ, и преподавалъ наставленіе народу. — На другой день отворялись двери храма и народу показывали рогъ Святovidовъ. Если меда убыло въ немъ, въ теченіи года; то предсказывали будущій неурожай, и собирали запасы на слѣдующій годъ. За тѣмъ жрецъ выливалъ остатокъ меда къ ногамъ истукана, и снова наполнялъ рогъ. Послѣ приносили испеченный пирогъ, въ ростъ человеческій. Жрецъ, ставъ за пирогъ, спрашивалъ у народа: видитъ ли его? Если народъ отвѣчалъ, что его не видитъ, то жрецъ изъявлялъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году онъ могъ укрыться за пирогомъ, — это значило желаніе лучшаго урожая. — Жрецъ снова поучалъ народъ; потомъ наступало пиршество и всякаго рода забавы, въ конхъ умѣренность и вощержаніе, почитались стыдомъ. (**)

(*) Пасика, южно славянское слово, означаетъ мѣсто, въ которомъ пчелы производятъ медъ. На русскомъ языкѣ такое мѣсто именуется пчельникомъ, а время собиранія, пчельнымъ. Пора созрѣванія верховнаго хлѣба и плодовъ, называется въ простонародіи жнивкою, т. е. жатвеннымъ временемъ.

(**) Булгар: Россія, ч. 2. с. 138-139., Кар. И. Г. Р. т. 1. — У древнихъ Болгаровъ пекли хлѣбы такой величины, что одного было довольно для накормленія десяти человекъ. — Епископъ болгарскій Теофилактъ, рассказываетъ, что одинъ человекъ былъ одержимъ такою прожорливостію, что десяти хлѣбомъ болгарскихъ не насыщали его. — См. Новый источникъ для бол-

Въ Бѣлоруссіи освящались, послѣ жнива; ^{Земли въ Бѣлоруссіи.} хлѣбы, гумно и поля. Еще въ концѣ ХVІ. в. (1581 г.), совершались тамъ многіе языческіе обряды. — Одинъ со-временный писатель, бывшій свидѣтелемъ заживныхъ обыкновений, передалъ намъ извѣстіе. Въ день Георгія осенняго (ноября 26), обитатели въ Поруссіи (ны-нѣшней Пруссіи), Самогиціи, Литвѣ, Бѣлоруссіи и Лифляндіи, приносили жертвы богу Пергрубію (Pergrubium), коего считали покровителемъ цвѣтовъ, рас-тѣній и хлѣбородія. Жрецъ, называемый Вуршайтенъ (Vurschayten), держа въ правой рукѣ чашу, напол-ненную виномъ, обращался къ божеству отъ имени благодѣтельныхъ духовъ; возносилъ его похвалами и говорилъ: «ты изгоняешь зиму и возвращаешь намъ радостную весну. Поля и сады, роши и лѣса, зеленѣ-ютъ по твоей волѣ.» По окончаніи хвалебнаго пѣнія, бралъ зубами чашу, выпивалъ изъ нея вино и бросалъ сосудъ чрезъ свою голову на землю. Потомъ, онъ поднималъ его съ земли, наполнялъ вновь виномъ, да-валъ всѣмъ присутствующимъ пить по порядку, и то-гда всѣ пѣли хвалебныя пѣсни въ честь Пергрубія. Въ заключеніе пировали пѣлый день и забавлялись хороводами. По созрѣніи на поляхъ хлѣба, земледѣль-цы собирались приносить жертву тому же Пергрубію, и это время называлось у Бѣлоруссцевъ *зажинками*, т. е. начало жатвы. По совершеніи жертвоприношенія, всякій осматривалъ жатву и приглашалъ къ себѣ на помощь сосѣдей или кого либо другихъ. Съ окончаніемъ,

гарской исторіи IX в., помещ. въ Славянск. сборн. г. Савелье-ва-Ростиславича с. 40-41 и 55. Въ новомъ источникѣ для болгар-ской исторіи, указано на открытіе, доселѣ вовсе неизвѣстнаго со-чиненія, епископа болгарскаго Теофилакта, но только не рѣшенъ споръ: къ какому вѣку приписать должно? къ IX или XI вѣку?

жаты, отправляли торжественное благодареніе въ честь оживнокъ, состоявшее въ жертвоприношеніи хлѣбныхъ колосевъ. У Поруссовъ приносили козла и жгли еще на жертвенникахъ янтарь. — Тамъ народъ, привесть въ житницу козла, убивалъ его. Вуршайтенъ возлагалъ обѣ руки на жертву и зывалъ къ покровительствующимъ богамъ. (*), какъ бы присутствующимъ въ житницѣ. По возваніи поднимали козла вверхъ, и въ такомъ положеніи держали его въ продолженіи нѣвня; потомъ опускали его на землю. Тогда жрецъ произносилъ народу поученіе, и совѣтовалъ старшинамъ соблюдать этотъ обычай впредь, съ должнымъ благочестіемъ, и потомъ, кровью убитой жертвы, окроплялъ собраніе. Мясо отдавалось женщинамъ, которыя варили въ той же житницѣ. Въ это время мушины приготавливали, изъ крупчатой муки, лепешки, которыя не сажали въ печь, но ставъ вокругъ очага, перебрасывали ихъ черезъ огонь, пока онѣ не засушивались. Къ приготовленному пиру собирались все; день и ночь проводили въ забавахъ и пѣвнн. На другой день рано утромъ выходили за городъ, на то мѣсто, гдѣ пировали, и остатки загребали осторожно, чтобы ни птицы, ни звѣри не пожирали ихъ. По возвращеніи домой, каждый снова повторялъ свой празденнн. (**)

(*) А именно: Оккопирву, богу неба и земли; Антрипнню, богу морей; Гардстену, богу мореплавателей; Потримпнню, богу рѣкъ и источнику; Пильту, богу богатствъ; Пергтрубію (Pérgtubium), богу весвы; Паргну (Pargnum), богу громовъ и погодъ; Киклію, богу ада и мрака; Покколію, богу воздушныхъ перемѣнъ; Путскету, богу священныхъ рощей; Авскету, богу вредности и печали; Маркопннлію, богу вельможъ и дворянъ; Барстунку, богу подземному.

(**) Melletii: De relig. et sacrificiis veterum Borussiae. epistol. c. 258—259. ed. Spirae. an. 1582. in 4., помѣщ. въ соч. de Russor.

И въ наше время, когда поспѣваетъ жатва, заки- Жатвен- ное уго- щеніе въ русскихъ и лѣтов- скихъ за- жинкахъ точный хозяинъ даетъ пиръ своимъ сосѣдямъ: угощаетъ водкою и пирогами, и проситъ ихъ помочь ему въ соби- раниіи хлѣба. Многіе служатъ молебни, и потомъ окро- пляютъ поля и жнецовъ святою водою. Хозяинъ или священникъ, беретъ серпъ и дѣлаетъ начатокъ; пер- вые снятые колосья, называются зажинками. Ихъ хра- нятъ до будущаго года.

Поселяне, до начатія еще жатвы, дѣлаютъ свои за- мѣчанія о дороговизнѣ и дешевизнѣ хлѣба, по нали- вающимся колосьямъ. Если рожъ цвѣтетъ снизу ко- лоса, то утверждаютъ, что будетъ низкая цѣна на хлѣбъ; если съ середины, то средняя; сверху колоса, высокая или дорогая.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обыкновеніи, что све- кровь зажинаетъ молодую сноху, поступившую въ ея се- мейство только въ первый годъ жатвы. Свекровь на- крываетъ снохъ полотенцемъ и даетъ своей снохѣ вязать его, — тогда сноха будето *работящая*. — Если лягся во ржѣ заломы, т: е: заломленные колосья на нивѣ, то они производятъ большой страхъ между жнецами, кото- рые далеко обходятъ ихъ и боятся прикоснуться къ нимъ. Залому этому виной колдунъ, который, не зная какъ отвязаться отъ нечистой силы, вѣчно просящей у него работы, даетъ ей заламывать колосья ржи; по- томъ усаживаетъ каждого чорта въ заломанный или перегнутый имъ колосъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы всякій изъ нихъ взошелъ въ душу человѣ-

Moscovit. et Tartaror. ritu. — Bergius, въ сочиненіи de statu ecclesiae et religione Moscovitor., ed. Lub. an. 1709. in 12, приписы- ваетъ сочиненіе de Russor. Moscov. et Tartar. ritu, Одерборнию, извѣстному жизнеописанию Царя Іоанна IV грознаго, коего онъ былъ современникомъ.

ка, какъ скоро кто дотронется до него. Эти валомы, по мнѣнію народа, страшны еще потому, что они заводятъ бѣснованіе на всѣхъ, особенно на женщинъ, которыя безъ валомовъ подвержены бѣснованію. Кричатъ въ церквѣ, коверкаются, сумашедствуютъ и ругаются надъ святынею. — Чтобы изгнать злой духъ изъ перегнутыхъ колосьевъ, приглашаютъ на ниву священника, который, окруживъ ее народомъ, служить молебень и потомъ зажигаютъ ниву. — Колдунъ никакъ не можетъ вынести этого: онъ подходитъ къ валомамъ и вынимаетъ оттуда чертей, иначе они замучатъ его.

Литовскіе зажинки (parišene) были извѣстны тамъ съ самаго древняго времени. Хозяинъ, нажавъ сновъ ржи, приносилъ его домой и ставилъ въ уголъ; на другой день начиналась жатва. Нынѣ вѣдѣлось тамъ: одна изъ жницъ, захвативъ серпомъ пучекъ ржи, связываетъ и откладываетъ въ сторону; за нею начинаютъ потомъ жать всѣ прочія. По окончаніи работы, первая жница украшается полевыми цвѣтами и она впереди всѣ несетъ снопы съ торжествомъ, на хозяйскій или господскій дворъ. Тамъ ихъ угощаютъ всѣхъ. Въ послѣдній день жатвы, называемый дожники (parišene), плетутъ изъ послѣдняго сжатого хлѣба вѣнокъ, перевиваютъ его травами и цвѣтами. Изъ среди жницъ выбираютъ молодую и на ея голову кладутъ вѣнокъ: толпа поетъ вѣсни и всѣ, при громкомъ вѣніи, отправляются на хозяйскій дворъ. Хозяинъ встрѣчаетъ ихъ съ радостнымъ привѣтствіемъ. Жницу съ вѣнкомъ принимаютъ въ избѣ съ хлѣбомъ и стаканомъ пива на блюдѣ. Послѣ снимаютъ съ ея головы вѣнокъ и подаютъ хозяину, который хранитъ его въ своей избѣ до слѣдующей жатвы, какъ Божее благословеніе. — (*)

(*) Narb.: Dzeje staroż. narod. litew. т. 1. с. 307-311.

Жатва сопровождается обыкновенно пѣніемъ радостныхъ пѣсней и дружной работою. У дунайскихъ Славянъ находится великое множество причитаній: на созрѣніе, жатву и уборку хлѣба. Въ то время тамъ угощаютъ жнецовъ пирогами и пивомъ. Словаки и венгерскіе Славяне, такое же соблюдаютъ обыкновеніе. Въ ихъ устахъ еще сохранились причитанія на засѣваніе поля, работу жнецовъ и снятіе хлѣба. Богатое и обширное поле жатвы, требуетъ многихъ жнецовъ, потому у нихъ говорится, при этомъ случаѣ:

Причитанія Словаковъ на жатву, созрѣніе хлѣба съ полей.

Машъ Патерь са дива, чи са дожде нива ?
 Дожде, акъ да женцомъ пироговъ и пива ;
 Дожде, ай повяже, ай сноси до крижовъ.
 Акъ слѣби вязачомъ, винечка а слижовъ.
 Винецко са уроби, кѣмъ не падне роса,
 Акъ да работникомъ днесъ вечеръ ядома.

На широкую и засѣянную хлѣбомъ полосу :

Ланы мой, ланы, вы широкѣ ланы :
 Пре чо ты шугайко кажды чловекъ гани ?
 Требасъ теба гани цѣлы широки светъ,
 И ты рада, видождъ, шукай го бѣлы квѣтъ.
 Машъ : Требасъ ты машъ дѣвчта пышне цѣлы ланъ,
 А я ланъ ту за градечку яко ланъ :
 Не будешъ жа,
 Нени можна,
 Тысь дѣвечка, тысь дѣвечка фалесна !

Пѣснь влюбленнаго, при жатвѣ хлѣба :

Эй лѣка, лѣка, зеленѣ лѣка !
 Радбыхъ са женить, не мажъ клѣбука.

Эй лавы, лавы, зелене лавы,
 Радбыхъ са жєнитъ, немахъ пенязи.
 Эй житко, житко, зелене житко !
 Подъ ме милá, зожнеме вшетко.
 Эй граштекъ, граштекъ, зелены граштекъ.
 Подъме ма милá, тамъ на тєнь врштекъ.
 Эй вика, вика, пекна ярина,
 Залобу сомъ тя шварна дѣвчина.
 Эй ячень, ячень, зелены ячень!
 За тобой милá шелиться зачнемъ.
 Эй овесь, овесь, зелены овесь !
 Вєрь милы недбамъ, требась са обєсь.

Другая пѣснь влюбленнаго, проникнутая чувствомъ простосердечія и любви:

Кєдь моя миленька въ поли житко жала,
 Я самъ шпєль около ней, на мня заволала.
 Пыталъ сомъ са милєй: чо хцє сє мной жати?
 Повєдала жє хцє въ ласцє сталеє сє мной жити.
 Саднулъ чомъ си съ милой подла на ходничекъ,
 Слїбовалъ сємъ жє тѣ будємъ верны миловницекъ.
 Кєдь смє находничку, сє дѣти застали,
 Дали смє си паръ губичекъ, ай руки подали.
 Якъ живъ сємъ я не былъ въ такємъ потѣшенї,
 Мислєлъ сємъ си жє вє свєтѣ вєтши радость нєни.
 Кдыжъ сємъ адъ милєнки ужъ домовъ носнихалъ,
 Такъ то сємъ си цєлау чєсто къ мєму Богу здыхалъ:
 Поможъ Божє, поможъ зъ милой сє сєбрати,
 Абы смє мы могли въ ласцє вєчнѣ сєтрвати.
 Чо сємъ си виншовалъ, чо сємъ собє жáдалъ,
 Досталъ сємъ то шварнѣ дѣвчє, ктерѣ самъ миловалъ.

Воспоминаніє влюбленной дѣвушки:

Влакомъ слуняцко, влакомъ,
 Пойдемo домо мракoмъ.
 Я сє мракoмъ не боимъ,
 Лєнъ си сѣ милымъ, постoимъ.

Мраку сонъ: се небеса,
Ленъ сонъ съ милымъ пожеда!

При захожденіи солнца :

За горъ слунечке, за горъ,
За тенъ зелены яворъ
За тенъ найзеленѣйши,
Кде въ муѣ наймигѣйши.

Воспомяваніе дѣвушки объ отсутствіи своего милаго:

Кобы я мала милаго дома ;
Та домо, та домо!
Але я не мамъ милаго дома ;
Не домо, не домо !
Але си пошлемъ коня врандо,
Оседляного, пре мойго милаго.

Грусть о иломъ :

Соколе бвыи птакъ! ты високо лѣтаешъ,
Чи мойго милого тамъ дадѣ не видашъ?
«Видамъ го я, видамъ въ томъ широкомъ полу,
Тамъ смутны седѣва при чърномъ тополу!»

Пѣснь жатвенная :

Чіе же то яриѣ житко,
Подъ горами,
Подъ горами,
Подъ горами?
Выбили го вранне коне,
Подковами,
Подковами.

Зелена е поганочка (Гречиха)

Зелена е,

Зелена е,

Зелена е.

Трайже ю душа моя,

Вонява е, (пахучая).

Вонява е.

Скочила сомъ до заградки (въ садъ)

Скочила сомъ,

Скочила сомъ,

Скочила сомъ.

Отерла сомъ три ружички (ровы),

Воняла сомъ, (была получая)

Воняла сомъ.

Около мня шуганчко.

Около мня,

Около мня,

Около мня.

Ако птачникъ арабачикъ.

Около пня,

Около пня.

При созрѣніи гречихи и проса:

Една жала татаречку, друга жала просо,

Една бола въ жлтыхъ чижмахъ, другá бола босо.

Една мала годбавъ одѣвъ, другá мала платно.

Една боло цифрано, друга дѣвча шварно.

Гречиха :

Въ зеленой паганце седемъ паровъ воловъ :

Оставай на мила, съ милымъ паномъ Богомъ.

Просо :

Вылетела препенчца въ проса,
 А я за ней била сома боса.
 Идемъ са я моой машки рывтатъ,
 Чи я макъ ту препенчцу хытати.
 «Хытай же ю дівка моя, хытай ;
 Ленъ же са ты хвостика не тыкай.»

Макъ :

А коже то, ако сею макъ !
 А то такъ,
 Сею макъ. —

Когда цвѣтетъ рожъ :

Зелено житко до колена,
 Возми ма млы на колена.
 Зелено житко заквитавъ,
 Ужъ ма муѣ млы занехавъ.

Тоже :

Нася сома житко, не будешъ го житъ ;
 Милова сома дивча, не будешъ го братъ.
 «Ленъ са ты шугай житко возны,
 Ленъ си ты шугай дивча возни :
 Ленъ си ты шугай житко вымлатъ ,
 Ленъ же маѣ шугай сарца на враты.»

Рожъ и обѣтъ :

Поведай си же ма возмешъ,
 Кедъ на поли житко доумешъ ?
 Ужъ си возмешъ и повязашъ,
 Еще си ма предна не вяла. —

Готуй, пане таньаре,
 Иду домо вазаре,
 Еденъ вазаръ нанъ зостаъ,
 Главкы болешъ достаъ: —

По оконаніи жатвы:

Будь похвалень, пане Богъ нашъ!
 Же помогай въ тепло часъ!
 Житко возать, повязать,
 До стодола повязать. —

По уборки хлѣба жнецы возвращаются домой торжественнымъ шествіемъ. Мальчикъ несеть впереди ихъ изъ шелковой матеріи знамя; верхушка его украшается разными доскутками, пуками полевыхъ цвѣтцовъ и хлѣбными колосьями. Подаетъ него или за нимъ, идетъ дѣвушка съ вѣнкомъ на головѣ; который обыкновенно плетется изъ стебельевъ и колосьевъ, на подобіе короны; за нею идутъ поющіе жнецы. Они приходятъ или прямо домой или на хозяйскій дворъ. Вѣнецъ вѣшаютъ по срединѣ гумна или предъ его воротами, и остаются тамъ до новой жатвы. Потомъ поютъ на двѣ половины:

Кторей же днесь, кторой, увісше нещивъ?
 Той, ктору выдѣ найкращи младенець.
 Кому же днесь, кому даше несть заставу?
 Тому, чо зѣ пода свою ручку праву.
 Тешъ Ондришъ Славине, та Анна Благее:
 Тобы боу нещны перъ, кобы имъ нанъ Богъ давъ!
 Пани наши, пани, отворяйте браны,
 Нестьме вамъ дарикъ, женцовъ нещны парнишъ.
 Иду женщины зъ роли, прествройте столы,
 Столы яворѣ, обрусы кшещове.

Другая пѣснь:

Нашего пана живо,
 Скоро се допичила,
 А суседово живо,
 На полы въ полу сгидло.
 Нашего пана живо,
 Теразъ се допичило,
 А суседово стои,
 Бо се го челады бон.
 Живо сме доконали,
 Пальце сме порезали.
 Треба бы намъ ренечкы,
 Позавиць палечкы.
 Наша пани не пышна,
 На врата ку намъ вышла,
 Богу се помодала,
 Же живо допичила.
 Несеме нану вѣнокъ,
 А пани подарунокъ. —
 Панови до столомы,
 А пани до коморы (*)

Жатвен-
 ния пѣ-
 сни у Сер-
 бовъ.

У Сербовъ такъ же имѣются жатвенныя пѣсни, вотъ нѣкоторыя:

Надежнѣва се момак и девојка:
 Момак наже двадест и три снома,
 А девојка двадест и четири.
 Кад у вече оветери било,
 Момак пије двадест и три чаше,
 А девојка двадест и четири.

(*) Kollar: Národ. Zpiew. ч. I. с. 303-310.

Кад у јутру бео дан освашу,
 Мошик Јазы, ни глаше не джа,
 А девојка читал всак пеза.

По окончаніи жатвы, жнецъ беретъ пукъ колодець, перехватываетъ его по срединѣ, и становится въ хороводный кружокъ. Дѣвушки ходятъ вокругъ него съ пѣніемъ, и въ то время каждая старается выдернуть соломенку. Кто выдергнетъ, той быть за мужемъ.

Да сватано танке сламке, танке, танане,
 Да гледамо, ко ће с кыме да се любимо.
 Ватајте се танке сламке, танке, танане,
 Да гледемо, ко ће кому у среби пасти.
 Коде старо, коме младо ком' што срећа да.
 Било старо, било младо любнѣу га ја,
 Косе не ће полюбити, убио га Бог!
 Убила га света Петка Параскевја!
 Пуштајте ее, беле руке не држите се,
 Косе с кыме уватко, да се любимо (*)

Задунайскіе Славяне, весьма богатые въ изліяніи простосердечныхъ чувствъ, обнаруживаютъ ихъ во всей своей жизни, своихъ занятіяхъ и работахъ. У нихъ существуютъ поговорки, причитанія и пѣсни, даже на самое кушанье. — Въ Россіи равно существуютъ свои причитанія и пѣсни, но онѣ извѣстны одному народу. Мнѣ случалось много разъ слышать причитанія на многія вещи, но время изгладило изъ моей памяти, а обстоятельства не дозволили собирать ихъ. — Въ Малороссіи

(*) Караджичъ : Народно српске пјеме, Лиц. 1824 года кн. I. с. 42-47.

зажививья причитаѣмъ въ большаѣ употребленіи, и онѣ во многомъ сходствуютъ съ славянскими.

Зажививья
и обряды
ихъ въ Ма-
лорос-
сіи.

Малороссійскій хозяинъ отправляется прежде осмотрѣть свое поле: не пора ли жать? Если хлѣбъ созрѣлъ, то онъ, нарвавъ пучокъ колосовъ, принесетъ ихъ домой, закладываетъ на образа и тамъ оставляетъ ихъ до сѣдующаго урожая. При принесеніи ихъ колосовъ, происходитъ въ домѣ общее веселіе: всѣ радуются и ждуть съ нетерпѣніемъ началія жатвы. Хозяинъ, если самъ не можетъ управиться, то онъ отправляется къ сосѣдамъ и ихъ проситъ помочь ему. Когда онъ появится съ жнецами въ полѣ, тогда онъ прежде всего дѣлаетъ крестное знаменіе, обратясь къ востоку лицомъ, и говоритъ: *помози Боже созрѣти житю, пшелицю и всяку пашницю*, и первый захватываетъ серпомъ рожъ; за нимъ начинаютъ жать и всѣ прочіе. Начало жатвы называется зажививьями. Иногда, вмѣсто хозяина, зачинаетъ жница, извѣстная своимъ благочестіемъ.

Собираніе хлѣба сопровождается пѣніемъ, исполненнымъ душевной радости. По полямъ раздаются беззачетно игривыя пѣсни; сама природа, кажется, веселится съ жнецами: все имъ благоухаетъ и все жить упительной веселостію. — Смотря на нихъ, сердце невольно завидуетъ ихъ счастью. Душа свободы, довѣрчивая откровенность и простосердечное самодовольствіе, ставятъ ихъ выше всѣхъ счастливыхъ въ мірѣ. — Ряды жнецовъ работаютъ дружно. Малые и большіе: съ серпами въ рукахъ, съ граблями на спинѣ, всѣ трудятся и всѣ поютъ. — Пѣсни зажививья поются безъ разбора, но чаще всего шуточные и веселыя:

Казала намъ пивка,
Що є у папа горилка,
Въ комори, на полиці,

Ой паноньку нашъ! полудноваты часъ!
 У чожого господаря шешелудновалы,
 А у нашего богатаго ще я не думалы.
 Ой паноньку нашъ! полудноваты часъ!

Закатылось сонечко
 За виноградный садъ.
 Цилуйтеса, милуйтеса,
 Кто кому радъ.

Ой Маруся зъ Иванькомъ
 Цювалалась, милувалась,
 И рученьку дала:
 Отъ се тоби, Иваньку,
 Рученька моя!
 Ой якъ пождемъ до осени,
 Буду я твоя.

Выйди паноньку до насъ,
 Выкупъ винецъ у насъ.
 Положи червоного,
 Видъ винца пологого.
 Бо якъ не выйдешъ до насъ,
 Не выкупишь винца у насъ.

До корчмы понесемо,
 Отъ до того жнда;
 Горилки напымось,
 И не будымъ до обиды. —

Эту пѣснь поютъ еще, когда жнецы, возвращаясь на господскій дворъ, встрѣтятъ дочь хозяйки, и требуютъ, чтобы она выкупила у нихъ вѣнокъ. Дѣвушка выкупаеть, платя одною шль по чарки водки.

Ой чѣ жъ те поле,
 Зажохла ты стѣя?

Иванове поле,
 Замостало стол.
 Женцы молоды,
 Серпы золоты!
 Ой чіе жъ то поле,
 Задремало стол?
 Гришкове поле,
 Задремало стол.
 Женцы все стары,
 Серпы все изломыны.
 А мы своему пану,
 Изробыли славу:
 Житечко пожаля,
 Въ снопы повязалы,
 У коцы склали.
 А мы своему пану,
 Изробыли славу.
 Ой паноньку нашъ,
 Обжиночки часъ!
 Благослови жъ Боже!
 Обжиночки часъ.

Ой упала нивка въ кинцы матырынка,
 Тамъ дивчына жито жала, сама чернобрылка.
 Идетъ козакъ дорогою : помогай Вигъ жинцы!
 Вока стала, отгада, сердынькомъ назвала.
 Сія жъ слава на все село пала,
 Що дивчына козаченыя сердынькомъ назвала.
 А щожъ, моя маты, неженатыя хожу,
 Калыночку домлю?
 Оженыся сынку, оженыся Максимку:
 Возьми соби панянку, у шинкарки дочку.
 Шинкарчина дочка мени ни ривная.
 Ходить вона до рыночку, джъ королева.

Мени зъ нею не стати, тай же говорыты,
Только стати, шанку ашаты.

Ой за гаємъ, гаємъ, гаємъ зеленецькинь,
Тамъ орала дывчицецька
Волыкомъ чернецькинь —

Орала, орала, ни дидла гукаты,
Тай наняла москаликъ (*) у скрышку граты.
Мос каликъ играе, брованы моргае.

Чорты батька его знае, чегр виниъ моргае!

Чи на мои вры, чи на мои коровы?

Чи на мое биле личко, чи на мои черны бровы?

Волы и коровы уся позыдхартъ,

Биле личко зъ румянцемъ ни злине.

Ой покинувъ сизый голубъ на поли живицца,

Ой похавъ москаликъ у Польшу женицца!

Шумытъ, шумытъ дубровынька, шумытъ зеленецька,

Плаче, плаче дывчицецька, плаче молоденька.

Ой ждала я, ждала, нема мого пана.

Ой пйду я до домочку, та зайду въ комору.

Въ мой комори тай всего довольно,

Только того не довольно, що я одна въ комори.

Стану билу постель слаты:

Била постель мени не мила, ни съ кимъ размовляты.

Ой прилянувъ сизый голубъ зъ поля, ни навищесъ.

Ой прихавъ москаликъ зъ Польщи, ни женищисъ.

Ой не шуми дубровынька, та ты зеленецька;

Не плачь, не плачь дывчицецька, та ты молоденька.

Кому я та кошу, досередь нососу,

А такую налячку николи не брошу.

Пйду я на ричку, та пймаю шуду.

Возьму я цаканочку за билую ручку.

(*) *Москал*, уменьшительное отъ *негритоскал*, авачаты Русской. — Иные поють еще: *тай наняла козаченька*, и т. д.

Ой горе, горе, несчастная дядя!
 Назрала Марусенька бровесеньками пале,
 Карыни очима тай заплочыла,
 Дрибненькими слезоньками все цоло смочила.

Ой по горахъ, горахъ, пишищезали яры,
 А по долинонькамъ шелковыи травы.

Ой на тій же на травони, козаки столды.

Марусю пытали:

Марусенька, пашь, якъ пашь твій дома?

Нема мого пана, доржавъ на лавы.

Колы нема пана, вийды до насъ сажа.

Марусенька вийшла, въ черештнякъ вийшла,

Середь двора стала, козацъ ащивала:

Ой ни есть же вы козацоньки,

Вы бурлаки-разбойники!

Мого пана убили я козацъ забрады.

Не правду говоришь я насъ козацкиживъ,

Въ беславопську вводышь.

Бо сія кони въ степи покуныды,

На зелений отавиди за гроши полуцали.

Булы жъ у насъ сваты, — зеленія дубки,

Була у насъ шникарочка, — была березочка.

Могорычы запырады, — водичей въ кривни.

Послала мене маты,

Зеленого жыта жаты.

Ой нуте косары,

Що не рано почалы!

Хоть не рано почалы,

Да богацько утали.

А я жыта не нажала

Въ борозденьки продежала.

Ой нуте косары, я т. д.

Напхали чужезиды,

Нашла мене въ борозденьки.

Ой нуте косары, я пр.

Осердылася Марыша,

Що не кошачий даламъ,
Ой нуте косары, и пр.

Отозвался чернобрывый:
Не сердись моя Марыно!

Ой нуте косары, и пр.
Мы покосимъ, погребемъ,
И въ копешыи складемъ.

Ой нуте косары, и пр.
Черезъ твои били ручки,
Нена еще жита въ кучки.

Ой нуте косары, и пр.
За твои черны брови,
Мы нанесимъ перелогы.

Ой нуте косары и пр.
За твою ласку,
Готовъ выдать коня кублачку

Ой нуте косары, и пр.
Пийшла маты до Жыева,
Мене въ дома покинула.

Ой нуте косары, и пр.
Мени маты наказала,
Робыты жоша приказала.

Ой нуте косары, и пр.
Робы, донько моя, робы,
За всемъ сама ходы.

Ой нуте косары, и пр.
Хто робыты полниница.
Тому лихо приключицца.

Ой нуте косары, и пр.
Пришла маты, засвистыла,
Мене дома не зустріла.

Ой нуте косары, и пр.
Продай маты дви коровы,
Купы мени черны брови.

Ой нуте косары, и пр.
Продай маты дви телницъ,

Купи мені дві сподвижці.

Ой нуте косарь, и пр.
 Продай моты музи марку,
 Сведи мене зъ тому мовнирку.
 Ой нуте косарь,
 Ще не рано почалы!
 Хоть не рано почалы,
 Да богацько утали.

Звеліла мені маты,
 Ячмивю жаты.

Жми, жми, моя дошенько!
 Жми, жми, мое серденько!
 Ячмишко не жала,
 На межы лежала,
 Лежи, лежи, моя дошенько!
 Лежи, лежи, мое серденько!
 Снопочикъ нажала,
 Къ сердечку прижала.
 Жми, жми, моя дошенько!
 Жми, жми, мое серденько!
 Ячмивее зернячко,
 Укололо сердячко.

Терпи, терпи, моя дошенько!
 Терпи, терпи, мое серденько!
 Ой жми таргала,
 Да вже возмала.

Млія, млія, моя дошенько!
 Млія, млія, мое серденько!
 Шобъ сердце аличити, —
 Треба козака любити.

Люби, люби, моя дошенько!
 Люби, люби, мое серденько!
 Шобъ моя маты,
 Зъ козакомъ мені гулати.

Гуляй, гуляй, моя дошенько!
 Гуляй, гуляй, мое серденько!

Еще жъ моя мама,

И волю ему давати.

Давай, давай, моя доченька!

Давай, давай, мое сердечко!

По окончаніи работы дѣвушки плетутъ ржаный вѣнокъ, который перевиваютъ цвѣтами и травами. Мушны связываютъ особый снопъ и перевиваютъ его рожью, а иногда цвѣтами. Вѣнокъ надѣваютъ на голову одной изъ красавицъ, предъ кою малячка ѣдетъ снопъ. Прочія дѣвушки окружаютъ свою подругу, такъ же съ вѣнками на головѣ, но плетенными изъ васильковъ, незабудочекъ, колежальничковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ. Всѣ идутъ къ хозяину на дворъ: чимъ онѣ дарятъ его снопомъ и вѣнкомъ, и желаютъ ему дожждаться еще изобильнѣйшей жатвы. Хозяинъ выслушиваетъ ихъ съ трогательною признательностію, благодаритъ и всѣхъ проситъ *отвечеряти* (отужинать); вѣнокъ и снопъ вносить въ избу и хранить за образами до будущей жатвы. — На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, угощаются всѣ ужиномъ хлѣбосольнымъ и радужнымъ.

Въ послѣдній день жатвы, называемой обжинками, жнецы идутъ съ равнымъ торжествомъ на господскій или хозяйскій дворъ. Тамъ давно стоятъ для нихъ столы накрытые. — Грешивые голушки съ саломъ (кѣлчки) ставятъ на столъ, и тутъ уже подносятъ по чаркѣ водки. Хозяйка находится безоучно при сельскомъ, но гостепріимномъ ужинѣ, и проситъ всѣхъ *вечеряти* какъ у себя дома. — Въ другихъ мѣстахъ, по уборки хлѣба съ полей, угощаютъ жнецовъ въ одинъ изъ дней свободныхъ отъ работъ, или въ праздникъ, особымъ обѣдомъ, при чемъ подаютъ горячіе пироги изъ мяса, творога и паляницы со сметаной; потомъ борщъ, молочную кашу или дашу, жаркое изъ говядины или баранины. Въ продолженіи обѣда жарка съ водкой

постоянно ходить по рукамъ. Самъ хозяинъ съ хозяйскою раздѣляютъ общий столъ, и они строго смотрятъ, чтобы всѣ были сыты и довольны. Въ заключеніе подаютъ варенуху, и день непременно обращается въ праздникъ *обжинокъ*. Послѣ стола гостеприимные хозяева надѣляютъ жнецовъ пирогами и палашками, или чѣмъ другимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ въ церковь *первинки* для освященія, которые состоятъ изъ новопеченнаго хлѣба, и если въ то время созрѣли плоды, то яблоки и груши (*). На особой деревянной тарелкѣ ставятъ медовые соты, а на прочихъ первинки. Священникъ, отслуживъ благодарственный молебенъ, окропляетъ первинки священной водою и потомъ они съ благовѣніемъ раздаются домашнимъ; нѣкоторую часть изъ нихъ оставляютъ и хранятъ дома, какъ предохранительныя средства отъ многихъ болѣзней. —

Здѣсь, по окончаніи жатвы, выбираютъ женщины изъ Обжинокъ въ Черной Россіи. дѣвушекъ одну прелестнѣйшую и украшаютъ ее голубу плетенымъ вѣнкомъ: изъ ржи и васильковъ. Хоръ дѣвушекъ, окруживъ ее, отправляется съ нею къ господскому дому, при пѣніи радостныхъ пѣсней. Помѣщикъ встрѣчаетъ ихъ на крыльцѣ, и потомъ подходитъ въ увѣчанной: снимаетъ съ нея вѣнокъ и благодаритъ жнецовъ за успешное и благополучное окон-

(*) Повсюду въ обыкновеніи, что при кушаніи въ первый разъ первинокъ, или при видѣ на комъ либо обнору, дерутъ за уши, какъ бы въ наказаніе, за вкушеніе плодъ, напоминая этимъ, что за вкушеніе запрещенныхъ плодовъ, были изгнаны изъ райа первые два человека. — Въ послѣдствіи это обстоятельство примѣнено къ обнору, при чемъ уже люди, не привыкшіе драть за уши, поздравляютъ съ обнору. — Этотъ обычай господствовалъ по всему востоку.

чаніе работы. За тѣмъ онъ угощаетъ ихъ водкою и ужиномъ, или даетъ имъ на водку. Между тѣмъ въ его комнаты появляются на стѣнѣ вѣлки, съ пукомъ колосаевъ.

Въ Подлясін (червоноі Россіи) *постадниця* (старшая изъ жнецовъ) начинаетъ всякій разъ жатву, обряднымъ дѣйствіемъ. Связавъ снопы хлѣба, она поднимаетъ его въ гору, и проианоситъ громко:

Ото наша веселка,
 Одъ полудня до вечерка :
 Щобъ жалось веселенко,
 И здоровенько,
 И Богу миленько,
 И людямъ и намъ,
 И нашимъ панамъ.

А жните, пожинайте,
 Колось побирайте.
 Не стоить панъ о колось
 Оно' о соломѣ,
 Поживаты етодолѣ и оборѣ.
 Мій снопъ восвода,
 Ходить коло города ;
 Мій снопъ остаець,
 Поведе постадницѣ въ танецъ.
 Що поведе, поцилуе,
 Медомъ, винцомъ почастуе.

Съ окончаніемъ причитанія, она бросаетъ изъ за своей головы снопы, въ ознаменованіе тяжелыхъ работъ жнецовъ (*).

Пожни-
 цѣ и на-
 вѣлки.

Въ другихъ мѣстахъ (пензенской и симбирской губерніяхъ), существуютъ пожинки. Тамъ, по окончаніи жатвы,

(*) Golęb. Gry i zabaw. ч. 12. с. 84-155.

собирается народъ въ поле дожидать послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопъ, называемый *имляничикъ*; тогда наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несутъ его на господскій домъ, гдѣ жнецовъ угощаютъ пивомъ и виномъ. (*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, послѣдній снопъ такъ же называется *имяничникомъ*. Ему придѣлываютъ руки, убираютъ въ пестрое женское платье и несутъ его на хозяйскій дворъ, гдѣ ожидаетъ ихъ богатое угощеніе. Хозяинъ печетъ тогда коровай изъ новаго хлѣба и раздѣляетъ его между своими гостями. Въ сѣверо-восточной Россіи такъ же пекутъ коровай, но его водносятъ жнецы хозяину въ подарокъ. Въ смолевской губерніи придѣлываютъ къ снопу руки, надѣваютъ на него бѣлую насовку, а на вершину снопа кичку, или наматываютъ женскій уборъ, называемый *ванидка*, и двѣ жевичины несутъ на господскій дворъ. Хозяинъ выходитъ имъ навстрѣчь, жнецы поздравляютъ его съ счастливымъ окончаніемъ жатвы и бьютъ снопъ вѣникомъ березовымъ, съ особыми приговорками, въ томъ предубѣжденіи, что животныя, истребляющія поля, истребятся послѣ этого таинственнаго обряда. Потомъ угощаютъ всѣхъ; пѣсни и пляски заключаютъ всеобщее веселіе.

Въ вологодской губерніи снятый послѣдній снопъ съ поля, называется *кумушка*. Тамъ собираются овесъ поелъ всѣхъ хлѣбовъ. Остатокъ его срѣзывается дружно съ корня, всѣми жнецами; верхъ этого снопа повязывается платкомъ. *Головная жнея* — первая, начинающая жать первый загонъ — беретъ *кумушку* и несетъ его въ домъ своего помѣщика, въ сопровожденіи пѣсней своихъ подругъ, которыя поздравляютъ своего ба-

(*) Снегирь.: Русск. прост. праздн. и пр. выпускъ IV. с. 84.

рина съ двумя полями сжатыми а съ третьимъ засыян-
нымъ. Поблагодаривъ ихъ за усердіе, онъ принимаетъ
кумушку и ставитъ его въ передній уголъ подъ образами;
тутъ онъ остается цѣлую недѣлю; потомъ снимается и
хранится до Покрова. Въ этотъ день кормятъ куму-
шкой, рогатый скотъ, закармливаемый на зиму.

Въ саратовской губерніи по уборкѣ хлѣба наряжа-
ютъ солеменную куклу, въ кумачный сарафанъ; на
голову надѣваютъ чуплюкъ, на шею ожерелье и ук-
расивъ цвѣтами, носятъ чучело по селенію, съ пѣсня-
ми и плясками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруссіи, до-
жинки и пожинки называются *госпожками*.

Госпо-
жинъ
день,
осенины,
осенинъ
ца, де-
жень
связодъ
день.

Въ другихъ мѣстахъ Россіи окончаніе жатвы из-
вѣстно подъ именемъ *спожинокъ, опожинокъ, госпожи-
нокъ и опожиницъ*, а въ лѣтописяхъ *госпожинъ день*. По
мѣстному положенію они совершаются не въ одно
время, но всегда послѣ уборки хлѣба. Названіе го-
спожинъ день, произошло отъ древняго простонарод-
наго слова *спожинать*, доканчивать жатву. Въ Бѣло-
руссіи *Госпожа*, значитъ *Богоматерь*, а самый Успен-
скій постъ называется *госпожинками*, и въ это время
довершается жатва. Въ витебской губерніи обжинки
совершаютъ единообразно, какъ почти во всей Бѣло-
руссіи. Жнецы обоего пола, особенно дѣвушки и мо-
лодки, наряжаются въ праздничныя одежды и идутъ,
при пѣніи пѣсней съ самого поля, къ дому помѣщика.
Дѣвушки украшаютъ свои головы вѣнками, и одна изъ
нихъ, славящаяся красотою, идетъ впереди; за нею
всѣ прочія. Мужчины несутъ на плечахъ грабли и ко-
сы, а женщины держутъ въ рукахъ серпы: все идетъ
попарно, съ торжественной радостію. Помѣщикъ,
услыхавъ издалека голосъ поселянъ, выходитъ со
всѣмъ своимъ семействомъ къ нимъ на встрѣчь. Тол-

ны жнецовъ входятъ въ дворъ, поздравляютъ барина съ окончательной жатвою, и желаютъ ему дожидаться слѣдующей, еще изобильнѣйшей. Красавица снимаетъ съ своей головы вѣнокъ, и надѣваетъ его на голову барышни; если ее нѣтъ, то на голову молодой барыни. Тогда всѣ стоящіе попарно жнецы, кланяются ей, привѣтствуютъ и желаютъ, если это дѣвушка: добраго и богатаго жениха, а барыни дожидаться счастья своей дочери. Помѣщикъ угощаетъ всѣхъ: ужиномъ, водкою и пивомъ. Послѣ ужина они предаются забавамъ и играмъ, и потомъ расходятся по домамъ. —

Достоинно замѣчанія, что въ этой губерніи поселяне, во время жатвы, всегда надѣваютъ на себя чистое платье, и особенно щеголяютъ бѣлыми рубашками. При жатвѣ хлѣба дѣвушки становятся другъ противу друга, и поютъ попеременно пѣсни, и своими тѣлодвиженіями выражаютъ радость и печаль, любовь и безнадѣжность.

Въ Бѣлоруссіи *Госпожа* имѣетъ два названія: *малая Пречистая* и *большая Пречистая*. Первая означаетъ рожденіе Божіей Матери, а вторая Ея смерть или Успеніе. —

Въ большую Пречистую не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Литвѣ, Малороссіи и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Россіи, совершаютъ освященіе созрѣвшихъ плодовъ, хлѣбныхъ колосьевъ, и медовыхъ сотовъ. Въ Россіи большая Пречистая извѣстна подъ именемъ *Успенницы*, а въ Малороссіи *Успенія*. — Съ Успеніемъ почти оканчиваются всѣ работы жнецовъ, и начинается повсемѣстная уборка и возка зерноваго хлѣба.

Въ Литовскихъ мѣстахъ уборка хлѣба извѣстна подъ именемъ *малыхъ осеннихъ*. Самое названіе осеннихъ показываетъ, что они произошли отъ осени, потому что въ эту пору оканчиваются полевые работы. Въ дру-

гихъ мѣстахъ отправляются *пожники* по мертвымъ въ осенныя, какъ въ дмитріевскую субботу или въ поминальные дни.

Въ костромской губерніи поселяне, предъ начатіемъ жатвы, молятся на три стороны, кромѣ сѣверной. По окончаніи жатвы оставляютъ на полѣ небольшой клокъ хлѣба, навываемый *волотка на бородку* (волотка значить хлѣбный колосъ); обвиваютъ оставшеюся соломою свои серпы и кладутъ ихъ въ домъ, предъ св. иконами. Другіе катаются по нивѣ, приговаривая: *жнивка, жнивка! отдай мою силку на пестъ на мѣшокъ, на колотило, да на молотило и на криво веретено* (*). Съ окончаніемъ жатвы, угощаютъ жнецовъ. —

Въ сѣверо-восточной Россіи совершаютъ овсяницу въ день св. Андріана и Наталіи, (августа 26). Жнецы несутъ домой снопы овса, и ставятъ его подъ образами въ уголъ, называемый *сутки*. Хозяинъ приглашаетъ ихъ садиться за столъ, и угощаетъ ихъ толокномъ, называемымъ здѣсь *дежень*, а потомъ пирогами и овсяннымъ киселемъ или кашею. Во время кушанья сравниваютъ урожай овса нынѣшняго года съ прошедшимъ, и считаютъ *суслонами*, (количество сноповъ). Если нынѣшній урожай богаче прошлогодняго, то жнецы получаютъ отъ хозяина по немного всякой муки, въ противномъ случаѣ остаются довольными угощеніемъ, и благодарятъ хозяина и хозяйку за сладкій *дежень*, и выходя изъ избы, кланяются на четыре стороны. —

Ръ рязанской губерніи празднуютъ *аспосовъ* или *сносовъ* день, и нѣтъ сомнѣнія, что это спасовъ день, въ который приносятъ въ церковь для освященія первые зеленые плоды.

(*) Свєгир. прос. праздн, русск. и пр. вып. IV. с. 80-82.

Въ великой Россіи такоеже происходитъ радушіе при собираніи хлѣба, и такъ же сопровождается пѣніемъ веселыхъ пѣсней. — Жатва повсюду есть предметъ радости. Богатая награждаетъ земледѣльца, скудная никого не веселитъ. — Предъ окончаніемъ жатвы жнецы угощаются хозяиномъ водкою и пирогами, и это угощеніе называется дежинками. Они употребительнѣе въ югозападныхъ частяхъ Россіи: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и въ соседственныхъ съ этими мѣстами губерніяхъ. — Тамъ вѣшаютъ вѣнки, изъ полевыхъ цвѣтовъ, въ погѣ на шестѣ; головы дѣвушекъ украшаются цвѣтами, а жемчужны и мушкетны принимаютъ участіе въ забавахъ молодыхъ людей. Иногда дѣвушки составляютъ хороедь около жита: ходятъ вокругъ него, побравшись за руки, и поютъ приличныя своимъ забавамъ сельскія пѣсни. Вечеръ заключаютъ плясками подъ гудокъ, и возвращаются домой съ пѣніемъ и радостію.

Послѣ жатвы наступаютъ для жнецовъ обжинки, получившіе свое названіе отъ слова обжинать, окончить жатву. Хозяинъ приглашаетъ къ обжинкамъ не только жнецовъ, но часто сосѣдей и постороннихъ людей; угощаетъ ихъ сначала водкой и пирогами, печеными изъ новаго умолата хлѣба; потомъ щами, кашею и печеными, — обыкновеннымъ деревенскимъ столомъ, который однако не вездѣ одинаковъ: смотря по зажиточности хозяина, онъ измѣняется. — Остальное время дня проводится въ пляскахъ, хороедахъ и народномъ пѣніи.

Рабочая пора у земледѣльца соединена съ замѣчаніями и обрядами, а время трудной работы называется *страдаю* или *страдною порою*. И это справедливо, потому что тогда земледѣлецъ болѣе всего терпитъ, и страдаетъ отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ. Онъ не жалѣетъ ни рукъ, ни силъ: онъ работаетъ до изнеможенія. О, какъ часто, истощивъ свои силы, онъ никакихъ не показ-

Домни-
ли и об-
живили
Россіи.

Страда,
или стра-
дная по-
ра.

наеть плодов! По этому самому, приступаютъ ли къ по-
сѣву или жатвы, онъ напередъ совершаетъ крестные
ходы съ св. образами, молитъ Бога утѣчать его тру-
ды, и спѣшить принести во храмъ Божій первые пло-
ды отъ своего хозяйства.

Помочь
и другія
отъ наз-
ванія.

Въ разныхъ полосахъ Велико-россiи, происходитъ въ
августѣ мѣсяцѣ сельское пиршество, называемое *помочи*.
Многіе хозяева, когда остается на ихъ поляхъ хлѣбъ
не дожатый почему нибудь, тогда они созываютъ со-
сѣдей, чтобы помочь собирать его. — На дворѣ уже
заготовлены столы, съ хлѣбомъ-солью, пирогами и пше-
ничными калачами. Вдовы, нуждающіяся въ помочахъ
и не имѣющія способовъ угостить своихъ добрыхъ со-
сѣдей, получаютъ отъ зажиточныхъ все нужное для
этого пиршества. Угощенные сосѣды отираются въ
поле: тамъ снимаютъ хлѣбъ, возятъ сѣно а хозяевы
за то снабжаютъ ихъ на зиму: дровами и лучинами.—
Поселяне, считающіе за великій грѣхъ работать въ
воскресенье, идутъ охотно послѣ обѣдни работать на
вдовой землѣ.—Народная поговорка: *за вдовою и Богъ*
съ сумою, безъ сомнѣнія произошла отсюда.

Въ Малороссiи, Сибири, перской, вятской, оренбург-
ской и смежныхъ съ ними губерніяхъ, выпаливаніе и
совершенство полевыхъ работъ извѣстно подъ именемъ
помочей, но онѣ, по роду занятій, носятъ разные назва-
нія. Поленіе огородовъ называется *полотушка*, трепаніе
льна и конопля *потрепушка*, пряжа *гурляки*, у наво-
живаніе *назми* и *толоко*, собираиіе рѣпы, рѣдьки, мор-
кови, картофеля и проч. называется *копаніемъ поря-
ницы, оборкою и сижкою земляницы*; сниманіе лука и
чеснока, *луковымъ днемъ*; рубленіе капусты, *капустли-
цюю*. Въ Сибири рубка капусты называется еще *вечеромъ*
капустки. Въ чебоксарскомъ уѣздѣ (казанской губерніи)
враздникъ капустки, принадлежащій собственно этому

уѣзду, издавна есть народный. Такъ капустку ожидаютъ точно съ такимъ: удовольствіемъ и нетерпѣніемъ, какъ рождественскіе святки. По наступленіи времени рубить капусту, собираются сначала одѣ двѣ девушки: рубить ее весело и радостно, и спѣвать какъ можно поскорѣй окончить свою работу. Послѣ рубки угощаютъ ихъ ужиномъ; потомъ собираются сюда въ нарядныхъ своихъ одеждахъ мужчины: они не смѣютъ войти прямо въ пѣбу, но подходятъ сначала къ окошку просить позволенія у хозяина, и получить его соизволеніе, входятъ въ комнату съ начальнымъ привѣтствіемъ къ хозяйкѣ: *поздравляю милость вашу съ капусткой.*—*Шокорно благодаримъ, отвѣчаетъ хозяйка, прошу бесподовать съ нами.*—Каждый молодецъ приноситъ съ собою лакомства.—Когда парней соберется довольно, тогда начинаютъ разныя святочные игры, и забавы продолжаются до разсвѣта. Въ продолженіи игръ, женихи стараются извѣдать нравъ и сердце молодыхъ дѣвушекъ, шутятъ съ ними, рѣваются, поютъ пѣсни и ходятъ попарно перешепчиваясь, однако украдкой, безъ нарушенія приличія: впротивномъ случаѣ, за несоблюденіе должной скромности, молодцы не допускаются къ играмъ, и они должны немедленно оставить вечернее собраніе.

Родителямъ весьма не нравятся капустки, потому что женихи часто приходятъ высматривать невѣсть не тѣхъ, которыя имъ нравились, а тѣхъ, которыя имъ не нравятся, и случается, что женятся на другихъ, претиву ожиданія родителей, предполагавшихъ въ нихъ будущихъ своихъ зтей (*) Такое празднество совершается

(*) Г-жа Фуксъ, въ описаніи шестыхъ обрядовъ Чувашей, ошибочно сравниваетъ вечеръ капустки, съ гуляемъ 1 мая въ Петербургѣ, говоря, что у насъ въ Петербургѣ сходится 1 мая гулять для того, чтобы высматривать невѣсть. — Гулянье 1 мая у насъ, есть встрѣча весны, и оно происходитъ въ Екатеринбургѣ,

въ Малороссіи и въ большей части Россіи. Тамъ капустницы, собирающіяся для сѣченія капусты, ходятъ первоначально по сосѣдямъ, чтобы приглашать молодыхъ и молодыхъ рубить капусту. Молодые люди, занимаясь сѣчкою капусты, проводятъ вечеръ въ дружескомъ пѣніи и шуточныхъ разказахъ. — Послѣ рубки угощаютъ ихъ пирогомъ изъ капусты, который называется *хлебальнымъ пирогомъ*, потому что его ѣдятъ со щами. Въ другихъ мѣстахъ нарочно варятъ пиво; угощеніе вообще заключается пляскою. Въ приволжскихъ губерніяхъ дѣвѣнцы ходятъ въ праздничныхъ нарядахъ по домамъ, поздравлять хозяиновъ съ праздникомъ капустки и въ ихъ честь поютъ пѣсни. — Пѣсельницы угощаютъ пирогами. Въ Малороссіи было въ обыкновеніи, что молодыя дѣвушки, нарядившись въ праздничную одежду, ходили по домамъ поздравлять хозяекъ съ капусткою. Но это не было празднество, а приготовленіе къ капусткѣ, для которой созывали обыкновенно однихъ молодыхъ, чтобы работа шла веселѣе. Молодые обоюго пола, преимущественно сѣвшили воспользоваться этимъ временемъ; имъ тогда представлялся удобный случай пошутить и порѣзвиться между собою. — Тогда уже вечера капустки обращались въ вечерницы, т. е. въ вечернія забавы для молодыхъ: всѣхъ ихъ угощали паланицами и пирогами съ капустою. Молодежь созывали не только для сѣчки капусты, но для квашенія бураковъ (свеклы), моченія конопля, льна и для окончанія другой легкой домашней работы. —

куда сходятся и связываются не только со всей столицы, жителями и государственные люди, министры и дипломатическій корпусъ; но и Царская фамилія, сопровождаемая Государемъ Императоромъ. — Можетъ ли это быть смотръ невестъ? — Этнограф. описаніе казанск. губ., помѣщ. въ жур. мѣн. внут. дѣлъ, № 3, 1841 г., с. 371.

Въ другихъ частяхъ Россіи (вятской и пермской губерніяхъ) называютъ помочами удобреніе полей, равно-мѣрно такъ же и то же самое называется въ сѣвѣрной половѣ Россіи, въ смоленской губерніи и нѣкоторыхъ литовскихъ мѣстахъ, но такое названіе не вездѣ сохра-няетъ прямое свое значеніе, або касить сѣно, назы-ваютъ уже тамъ толокомъ (*). Въ другихъ мѣстахъ говорятъ вмѣсто помочъ, *мазлы рыть*, т: е: унаво-живать поля наземомъ. Помочи и толоко, суть одне-значущія. Лифляндскій лѣтописецъ Келькенъ говоритъ: владѣющіе обширными полями, созываютъ во время жатвы своихъ сосѣдей, для поданія имъ помощи въ се-браніи хлѣба, и вечеромъ угощаютъ ихъ, и такое уго-щеніе называется толокомъ.

Въ смоленской губерніи толоко обратилось собственно въ значеніе унавоживать землю, гдѣ ея удобреніе со-вершается вѣнчае, какъ чрезъ навозъ. Тамъ толоко занимаетъ всѣхъ домохозяевъ, и начинается обыкно-венно съ Петрова дня; иногда и ранѣе, и продолжается до поздней осени. Хозяинъ сзываетъ сосѣдей на ржаный пирогъ и пиво, и угостить ихъ, просить по-мочь ему возить толоко. Большіе и малые, и дѣти обо-его возраста, возятъ на поле навозъ и тамъ разбрасыва-ютъ его кучками. По окончаніи работы, ихъ угощаютъ вѣнчъ. Однажды я былъ свидѣтелемъ сельскаго уго-щенія послѣ толока.—Рабочіе сидѣли кружкомъ, лица ихъ были блѣдныя и высохшія, — тѣгостенъ трудъ зем-ледѣльца! Они сидѣли въ молчаніи: предъ ними лежа-

• (*) Должно думать, что толоко происходитъ отъ древне-прусскаго, или эстскаго слова *talek*, которое означаетъ вознагражденіе за трудъ не деньгами, но угощеніемъ. — *Kelch: Eif: länd. Giftoz*. Въ Литвѣ говорятъ *толоко*.

ли ломти хлѣба, но когда подали кушнѣи: жидкую похлебку изъ гороха и зелени; тогда принесли, на деревянномъ блюдѣ, ржаный хлѣбальной пирога, начиненный кашустою и горохомъ. Хозяинъ подносилъ по чаркѣ вина, и потомъ каждый бралъ свою долю пирога и закусывалъ; наконецъ стали хлѣбать похлебку изъ общей деревянной миски, а тамъ, послѣ похлебки, подавали крошимо, рубленое мясо на куски, печеное и гречневую кашу съ масломъ. Во время обѣда подносили кружками черное пиво, нарочно вареное для этого дня. За нѣсколько дней до толокного угощенія, всегда варятъ здѣсь пиво; его пьютъ вдоволь. — О какъ было бы хорошо, если бы Русской, отъ природы умный, добрый, честный и трудолюбивый, замѣнилъ водку пивомъ. — Водка, губительница нравственности, ведетъ ко всемъ порокамъ и несчастіямъ. — Водка лѣдъ, — тихій, но вѣрный.

Уборка. За собираніемъ сжатого хлѣба, слѣдуетъ обыкновенно сжимка его съ полей, и это называется *уборкою*. Уборка хлѣба не сопровождается особымъ какимъ либо угощеніемъ или празднествомъ; хозяинъ благодаритъ только домогавшихъ ему въ работѣ, и обѣщается помочь имъ въ свою очередь, и если онъ зажиточный, то угощаетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уборка и оборка означаютъ послѣдній день оравія.

Не вездѣ свозиа хлѣба съ полей, извѣстна подъ именемъ уборки. По мѣстности она называется различно, а именно: *свозка*, *увозонъ*, *перевозка*; но вездѣ они обрадууютъ народное веселіе, и можно сказать, празднество. Земледѣлецъ радуется, что благополучно снялъ съ поля хлѣбъ и уложилъ его вовремя въ свои скарды.

Овинъ и
овинное
праздн-
ство.

Въ костромской губерніи празднуютъ *овинъ* (сентябра 24) въ день мученицы Феклы, именуемой въ простонародіи *Феклою зарванницею*. Овинъ собственно значить гумно: хозяинъ собираетъ молотильщиковъ въ

овинѣ, которъй въ тотъ день называется *имянинникомъ*; тамъ варятъ кашу въ честь имянинника и угощаютъ ею всѣхъ работниковъ.—Это не есть особое празднество, но обрядъ гостепріимный: угостить новой кашею.—Когда поспѣетъ каша, тогда молотильщики садятся въ кружокъ и непременно въ самомъ овинѣ. Хозяинъ первый отвѣдываетъ кашу, а молотильщики говорятъ: *хозяину хлѣба варошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ*, и потомъ ѣдятъ ее съ масломъ. Въ другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, это дѣйствіе слыветъ подъ именемъ *овинныхъ имяникъ* и тамъ варятъ кашу, но она называется уже *домолоткою*, т. е. сваренною изъ окончательнаго умолта.

Х.

БАБЬЕ ЛѢТО.

Измѣненіе времянъ года, праздновалось въ языче-^{Бабье}скомъ мірѣ съ релігіозными обрядами, коихъ слѣды^{лѣто.} остались въ христіанствѣ. У всѣхъ народовъ весна и осень, совпадали съ полевыми работами. — Въ эту пору совершались повсюду торговыя сдѣлки, годичныя сроки и миренія сѣвѣшанія. — Весенній у насъ Юрьевъ день и осенній Семеновъ день, были срочными условіями для поселятъ и владѣльцевъ земель, и потому Семеновъ день превращенъ простолюдинами въ бабье лѣто. — Нѣкоторые думаютъ, что сентябрь мѣсяць прослылъ въ простолюдинъ бабьимъ лѣтомъ, со времянъ Петра I., измѣнившаго лѣтосчисленіе, которое велось прежде съ сентября 1., со дни преподобнаго Симеона перваго столпника. Эта догадка ни на чѣмъ не основана. Бабье лѣто существовало до времянъ Петра I., и оно теряется въ глубокой древности. Германцы знали его, въ самое отдаленное время, подъ именемъ *маріинской прѣжи* (*Marientag*), *маріинскихъ нитей* (*Marientäden*) и *старою бабьимъ лѣтомъ* (*Alter Weiber-Sommer*). — Въ это время видно на небѣ созвѣздіе бабы, расположенное изъ семи соединенныхъ вмѣстѣ звѣздъ, какъ бы утичье гнѣздо и называемое въ астрономіи Пялды, посему нѣкоторые стали производить бабье лѣто отъ созвѣздія бабы; но и это не

правильно. Намъ извѣстно, что до перемѣны у насъ лѣтосчисленія, называлось это время *Симеономъ лѣтопроводцемъ*. Славянскія племена, ископн любя полевые работы, оканчивали ихъ въ эту пору; женщины дружно принимались за собственные свои работы: онѣ мочили конопель и ленъ, сушили, трепали, ткали, сучили нитки, веревки и проч. Эти занятія, свойственныя женскому полу, всегда именовались бабьими работами и бабьими трудами, а самое время, которое бывало какъ нарочно теплое и какъ бы возвращало еще лѣто, совпадало съ бабскими трудами, и потому обратилось въ названіе *бабьяго лѣта*. —

Бабье лѣто продолжается одну недѣлю: оно начинается въ нныхъ мѣстахъ съ 1 сентября, а въ другихъ съ 8 сентября, съ Рождества Богородицы, какъ у Чеховъ, гдѣ оно называется *Семеновна панна Марія*, у карпатскихъ Славянъ *бабьинъ морозъ*. — Тамъ поется преданіе, что морозъ заморозилъ на полонинѣ (на Альпахъ) бабу чародѣйку. Это намекъ на статуи тѣхъ каменныхъ бабъ, которыя становились долгое время и въ христіанство, на карпатскихъ дорогахъ.

Въ Польшѣ подъ именемъ бабьяго лѣта разумѣютъ продолжительную, теплую погоду, — тоже самое что бабье лѣто; въ Малороссіи и Литвѣ; оно называется *бабыно лѣто*. —

Сентябрь
Августъ. Въ прѣстонародіи и въ отечественныхъ лѣтописяхъ, первое сентября извѣстно подъ именемъ *Семенова дня*, *Семенова день* и *дни Семена*. Въ церковныхъ праздникахъ называется еще этотъ день *Семенъ лѣтопроводецъ*, по случаю праздника преподобнаго отца Симеона перваго столпника, и по прежнему исчисленію года, коимъ оканчивалось тогда лѣто и начинался новый годъ — Праздникъ Симеона перваго столпника, уставленъ на первомъ никейскомъ соборѣ (въ 325 г.)

Время отъ 1 до 8 сентября называется *семиною медью*. Если погода стоитъ теплая, въ продолженіи семи дней, то говорятъ обыкновенно, въ насмѣшку: вотъ и бабье лѣто! Это лѣто часто долго сопровождается зеленью луговъ, и самыя листья деревьевъ, цвѣтовъ и прочихъ растѣній, не скоро вянуть и кажется зеленѣютъ. Простолудины тогда замѣчаютъ, что если пауки сплутъ паутину и запутываются, то предвѣщаютъ тихую осень и зиму непостоянную. Иди, если домашнія птицы не плутъ траву на поляхъ, а перелетныя не улетаютъ; то вѣрный знакъ теплой зимы. Примѣчанія поселянъ измѣняются, по мѣстному расположенію страны. На сѣверѣ, гдѣ природа суровая и самое лѣто скоропроходящее, бабье лѣто не продолжительное. — Однако бываетъ, что оно при всемъ непостоянствѣ, напримѣръ, петербургскаго климата, продолжается около трехъ недѣль. — Холода сентябрскіе, пасмурная погода и частые дожди, имѣя вліяніе на расположеніе духа людей, измѣняютъ ихъ веселость и здоровье. — Каждый смотритъ на умирающую природу съ душевнымъ волненіемъ, потому что все вокругъ его сохнетъ и погибаетъ. Неистинный и безжизненный сентябрь, дѣлаетъ почти каждого угрюмымъ и задумчивымъ, сердитымъ и печальнымъ, потому вошло говорить въ обычай: *онъ смотритъ сентябрьемъ, на него нашла сентябрская хандра; онъ угрюмъ, какъ сентябрь; у него сентябрскія думы.*

Есть обычай, что подь Семень день въ деревняхъ гасятъ вечеромъ огонь въ избахъ, и не держатъ его въ эту ночь. — На утро раздуваютъ новый огонь знахари и знахарьки, съ особыми приговорами. Со времени Семена дня, повсемѣстныя сельскія работы называются бабьими. Къ этому названію способствовало самое время: ни холодное, ни теплое, которое какъ нарочно выгоняетъ женщинъ изъ избъ, чтобы работать на открытомъ воз-

духъ.—Тамъ онѣ шнуръ и трешлетъ пеньку, мочатъ и сушатъ ленъ, шрядутъ и спуютъ холотъ. Если дѣвушка затыкаетъ красна въ Семенъ день, то она замѣчаетъ, какъ ложатся нитки: если прямо, то у нее будетъ хорошій мужъ: если не ровно, то негодный. — На женскія работы стекаются молодые люди, чтобы имъ помочь, и помогаютъ преимущественно молодымъ и красивымъ дѣвушкамъ. — Въ вечеру начинаются посидѣлки, и тутъ просиживаютъ за работами до первыхъ пѣтуховъ. Въ первые посидѣлочныя дни, угощаютъ равными кушаньями и живемъ; въ Малороссіи гречаниками и кулишемъ съ саломъ.

Пиво варить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ донынѣ сохранилась осенняя игра съ хороводомъ, подъ именемъ *пиво варить*. Эта игра взята изъ обыкновенія варить пиво къ бабушму лѣту. Молодыя женщины выходятъ съ братою къ воротамъ, за коими давно тѣснится толпа праздничныхъ поселянъ, и угощаютъ ихъ: напередъ старыя, потомъ молодыя, а послѣ дѣвушки начинаютъ хороводъ пиво варить. Составивъ кругъ, дѣвушки ходятъ и поютъ съ насильными движеніями. Дѣйствіями рукъ, плечъ и всего тѣла, онѣ обнаруживаютъ съ нагнетіемъ состояніе пьянаго, которое явно улавливаетъ на разгульную жизнь мужика, обращающаго каждый случай въ бражничество. Поясненіе этого находится въ самой пѣснѣ:

Ай на горѣ мы пиво варили,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива все вокругъ соберемся,
Ладо мое, ладо, все вокругъ соберемся!
Мы съ этого пива все разойдемся,
Ладо мое, ладо, все разойдемся!
Мы съ этого пива все присядемъ,
Ладо мое, ладо, все присядемъ!

Мы съ этаго пива еште лажимъ,
 Ладо мое, ладо, едѣть лажимъ!
 Мы съ этаго пива: опячь встанемъ,
 Ладо мое, ладо, опячь встанемъ!
 Мы съ этаго пива всѣ въ ладоши ударимъ!
 Ладо мое, ладо, въ ладоши ударимъ!
 Мы съ этаго пива всѣ перешьемся,
 Ладо мое, ладо, всѣ перешьемся!
 Теперь съ этаго пива всѣ передеремся,
 Ладо мое, ладо, всѣ передеремся!

По окончаніи хоровода, женщины приносятъ куб-
 шины браги, и угощаютъ дѣвушекъ. —

Въ Малороссіи существуютъ подобныя этому обычаи:
 тамъ равномерно варятъ брагу, дѣвушки гуляютъ на
 зеленомъ лугѣ, играютъ въ хороводы и поютъ пѣсни;
 сообразно игрѣ. Пѣснь поется также самая. —

Въ югозападной и сѣверовосточной половѣ Россіи;<sup>Похоро-
ны мухъ
и изгна-
ніе таракановъ.</sup>
 существуютъ похороны мухъ. Съ Семена дня или *Се-
мена льтопроводца*, насѣкомыя начинаютъ исчезать. —
 Увеличивающееся холодное время, производитъ тогда
 мѣръ на блохъ, прусаковъ, таракановъ и мухъ. Простой
 народъ зная, что съ этого времени насѣкомыя и многія
 животныя замираютъ на зиму, погребаютъ заранѣе мухъ
 съ шуточными обрядами. — Парадные дѣвушки дѣ-
 лаютъ гробы изъ кавуновъ или тыквъ, огурцовъ, рѣдь-
 ки и рѣпы; укладываются сюда мухъ, съ притворнымъ
 воплемъ, и несутъ къ выкопанной могилѣ. — Другой
 обычай, не менѣе странный, есть изгнаніе таракановъ
 во время заговѣнъ, предъ Филиповымъ постомъ. — Всѣ
 находящіяся въ избѣ должны, побравшись за руки и за-
 жавъ ротъ, тянуть за ногу изъ пабы, привязаннаго къ
 штоткѣ таракана, черезъ весь дворъ на улицу. Между
 тѣмъ одна изъ женщинъ, стоящая съ растрепанными ве-
 лосами подъ окномъ, стучитъ и спрашиваетъ: чѣмъ вы

заговлется? — Говядиною. — А тараканъ чѣмъ? — Тараканъ тараканами, — Это ужъ провозносятъ тогда, какъ вытаскать его изъ избы. Этимъ оканчивается изгнаніе, и тогда думаютъ, что тараканы не появляются болѣе. (*)

Въ это заговѣнье дѣвушки загадываютъ о суженыхъ. Во время ужина онѣ оставляютъ кусокъ говядины, чтобы никто не видѣлъ и не зналъ ихъ намѣренія; потомъ, ложась спать, кладутъ его себѣ подъ изголовье, приговаривая: суженый, ряженный, приди ко мнѣ заговѣться. — Это повторяется три раза. На другой день хвалится каждая подруга, что видѣла будущаго своего, — такого хорошенькаго! точно онъ мой женихъ!—

Семень день; превращенный въ бабье лѣто, не есть народный праздникъ, а мѣстный обычай угощенія по окончаніи полевыхъ работъ, которыя, какъ извѣстно, не вездѣ оканчиваются въ одно время, потому что все это зависитъ объ обыкновенія и положенія страны. За всѣмъ тѣмъ, бабье лѣто извѣстно по всей Европѣ.

(*) У старовѣровъ и другихъ суевѣровъ, считается за грѣхъ изгонять таракановъ, и размноженіе ихъ принимаютъ за Божее благословеніе. Нѣкоторые еще кормятъ ихъ, сберегая подъ вѣшномъ въ печурѣ или подъ печью.

XI.

БРАТЧИНЫ.

Мірскія сходки въ древнее время, были въ большомъ обыкновеніи. На нихъ рѣшались семейныя и частныя дѣла, и весьма часто однимъ сходомъ, по братски. Послѣ примиреній предлагались взаимныя угощенія, обратившіяся въ послѣдствіи какъ бы въ особое празднество, извѣстное подъ именемъ братчинъ, братовщины и братовщинокъ. Тутъ прекращались навсегда сельскіе раздоры, водворялось дружество, миролюбіе и побратство. Время однако измѣнило значеніе братчинъ, преобразовавъ его въ народное празднество, и эта перемѣна произошла послѣ введенія повсемѣстныхъ судовъ и сельской расправы. Тогда сельскія старшины, головы и старосты, совывали свой міръ, изъ одной обязанности, но по окончаніи дѣлъ, старые люди не покидали старинного обычая гостепримства: приглашали другъ друга на хлѣбъ — соль и чарку вина. Такимъ образомъ братчины сами по себѣ, малу по малу измѣнялись, и народъ сталъ сходиться только въ извѣстные праздники, для одиѣхъ пирушекъ, кои составлялись изъ дружелюбной складчины. Въ другихъ мѣстахъ тогда варили пиво, на собравшыя деньги, и готовили кушанье. —

Значеніе братчинъ.

Михай-
ловская
и ни-
коль-
ская
братчи-
ны.

Главныхъ братчинъ суть двѣ: михайловская и никольская; первая въ честь архистратига Михаила (сентября 6), а вторая въ честь св. Николы зимняго (декабря 6). Въ эти два дни поселяне ставятъ общимъ міромъ въ церкви большую свѣчу и служатъ молебень о виспосланиіи на нихъ всякихъ благъ. Послѣ угощаютъ на свой счетъ поселянъ изъ своего окологка; остатки отъ стола раздають нищимъ; хлѣбныя крохи бросаютъ на во-здухъ, чтобы нечистые духи не портили ни деревь-евъ, ни полей. — По многимъ городамъ, деревнямъ и селамъ, зажиточные люди дѣлають складчину, изъ благо-вѣнія къ празднику какогонибудь святаго, или такого усодника, который дѣлается покровителемъ цѣлой деревни, или во имя того проводника, въ честь коего выстроена церковь, по какомунибудь чудесному событію. Такойъ обычай общеупотребителенъ и въ римско-католической церкви. Тамъ, какъ и у насъ, от-правляютъ молебны и взаимно угощаютъ. Въ юго-за-падной Россіи и въ большей части сѣвера-востокой, празднуютъ еще братчину по случаю заложенія или окон-чанія церкви. Тогда приканаве отправляютъ братчину съ особой веселостію; со всѣхъ оружійныхъ мѣстъ съ-знаются къ ширь на праздникъ: тутъ проводятъ время съ забавахъ и играхъ. Къ томъ празднуютъ обыкновен-но: поды открытыя небожь, близъ церкви, а зимою въ домѣ священника или церковнослужителя.

Домашнее или семейное празднество, называемое ново-селье, по случаю перехода на жилье въ новую домъ, так-же доставляетъ соседямъ служей поприазновать. Сосѣди ездятъ къ хозяину, поздравлять его съ новосельемъ и приносятъ хлѣбъ-соль. Ни одинъ изъ Русскихъ не пере-ходитъ въ новую домъ, не освятить его. Тутъ соб-людаются нѣкоторыя дѣйствія: по угламъ комнаты вбиваютъ бумажки; съ написанными записками; та-

туютъ молитвы на изгнаніе нечистыхъ духовъ, и по-
томъ окрошаютъ комнаты освященной водою. (*)

Въ старые годы было даже обязанностію, чтобы ѣ-
дять на братчины: это происходило изъ уваженія къ хра-
мовому празднику. Пирьы были тогда столь частыя и
столь разорительныя, что особыми грамотами запреща-
лось ѣздить на пирьы, братчины и свадьбы, всѣмъ
не званымъ. (**)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, такое разгулье Кочевъ.
называется коврономъ. Въ это время тамъ было разни-
шное море для веселія: варенуха, брага, пиво и крѣпкіе
меды, не сходили со столовъ, — я присутствовалъ при
одномъ ковронѣ. Послѣ совершенія службы, — это было
животомъ, — прихожане чинно усѣлись за приготовленны-
ми столами, подъ деревьями благоухающими; священ-
никъ, благословивъ кушанье, поздравлялъ гостей съ
праздникомъ, и потомъ пилъ чарку водки, которую под-
несъ ему староста, распоривавшійся общимъ виномъ,
и таже чарка обходила всѣхъ кругомъ. Подали пироги
и паланицы со сметаной, за тѣмъ горячее кушанье. —

(*) При заложеніи дома кладеть хозяйинъ по четыремъ уг-
ламъ основныхъ бревень, по куску хлѣба, и оставляетъ тамъ на
всю ночь. На другой день смотритъ: цѣлы ли положенные
куски? Если пропадетъ какой либо кусокъ, то полагають, что
это мѣсто несчастливое, потому перемѣняютъ бревна въ дру-
гую сторону. — Поселанинъ основываетъ свое благосостояніе на
куску хлѣба, потому прощажа хлѣба, даетъ ему поводъ заклю-
чить, что при заложеніи избы на таковомъ мѣстѣ, явное для не-
го несчастіе. — Онъ не рѣшается еще строить и на томъ мѣстѣ,
гдѣ пролежала дорога: тутъ, по его мнѣнію, шатался дьяволъ. —
Дерево сложенное бурей, не употребляетъ при постройки, вѣ-
ря, что дьяволъ поднимаетъ бурю.

(**) Истор. русск. іерархій т. 1.

Священнику подавали прежде воѣтъ, за нимъ по старшинству остальнымъ. — Угощеніе состояло изъ разныхъ сытныхъ блюдъ; во время кушанья пили, кто что хотѣлъ. Послѣ обѣда молодыя женщины, дѣвушки и парни занялись играми и хороводами. — Прочіе веселились плясками и пѣніемъ. —

Смыч-
ки, коро-
вой дель
инколы-
щина.
Холки.

Съ братчинами имѣютъ больше сходства ссыичины, юровый день, никольщина и холки. Всѣ они служатъ предметомъ для народныхъ увеселеній: сельскія сходбища и забавы, составляемыя по предварительному соглашенію зажиточныхъ семействъ, происходятъ по случаю какого нибудь деревенскаго праздника. Пиво и вино, пироги съ яйцами и кашею, суть главное кушанье. — Не одинъ мужескій, но и женскій полъ принимаетъ участіе въ веселіи, которое продолжается за полночь.

Во время ссыичинъ являются часто скоморохи, а гости, развеселенные чаркою вина, прощаются другъ другу убытти, нанесенныя имъ въ продолженіи лѣтнихъ работъ, какъ то: потрава хлѣба и травы, закосъ въ чужихъ лугахъ и т. п. — Молодки, дувушки и парни, пускаются въ присядку и поютъ пѣсни, какія вздумаютъ, какъ напримѣръ:

Во шпру была во бесѣдушкѣ,
Я не медь нида, я не полнище;
А пила, пила сладку водочку.
Я не чарочкой, не стаканчиномъ;
Я пила, пила сполна ведра.
Я домой пошла не шаталася,
Ко двору пришла пошатнулася,
За верешку схватилася.
Веря моя, ты дубовая!

Поддержи меня бабу пьяную,
Бабу пьяную, целую хмельную.

Въ это время развеселившіеся гости, поднимають чарки и провозглашаютъ:

За здоровье того,
Кто любитъ кого;
На погубель тому,
Кто завидуетъ кому!

Или, взявъ чарку, припѣваютъ :

Чарочка моя серебряная!
Да кому-жь чару нить?
Да кому-жь наливать?
Наливать чару да Иванушкѣ, (*)
Выпивать чару да Зиновичу.

Пирующіе, разгорячаясь виномъ болѣе и болѣе, употребляютъ часто выраженія довольно нескромныя, отъ коихъ, какъ говорится, уши вянутъ.—Конецъ пируванья сыныиы или братчаны, иногда бываетъ притинною есоръ и новыхъ пооекъ на мировую.—Юровый день, получившій свое названіе отъ праздника св. Георгія, празднуется сибирскими рыболовами послѣ счастливаго улова рыбы.—Никольщина же есть общій веселый русскій праздникъ, совершается въ день Св. Николая (мая 9). Люди собираются къ храмовому празднику Николая, если въ деревни есть церковь во имя Св. Николая, и послѣ службы пируютъ. Гдѣ нѣтъ церкви во имя св.

(*) Называютъ по имени того, кому наливать и кому пить.

Николая, тамъ отпѣсаетъ молодежь въ обрѣзѣнной приходской, заступнику Николаю; и потому прѣдѣются общему радостному разгулу. Никольщина была, въ прежніе годы, срочнымъ днемъ для саѣлокъ, платежей и пивницостей. — По хорошему и безоблачному дню Св. Николаю, судячь о благопріятной осени. — Холки, забавы одиѣхъ дѣвушекъ, составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельскія угощенія. — Холки конечно происходятъ отъ *холить*, — нѣжить, ласкать, потому что дѣвушки, рѣзаясь въ своихъ холкахъ, высматриваютъ жениховъ, кои не перестаютъ съ тѣхъ поръ ласкать, и стараются нравиться имъ. — Въ казанской губерніи холки, составляютъ увеселеніе; они начинаются съ половины сентября и продолжаются до самой сырой недѣли. Первые холки бывають по снятіи шерсти съ овецъ. Бѣдные, нуждающіеся въ шерсти, варятъ пиво и созываютъ сосѣдей на холку; каждый приглашенный, долженъ непременно принести съ собою сколько нибудь шерсти. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, созываютъ мять и трепать ленъ и пеньку; потомъ прютъ, и всакій разъ приглашаемые приносятъ съ собою пиво и конопель. Многие бѣдые созываютъ единственно гостей для того, чтобы они помогли имъ отъ своего избытка; богатые охотно принимаютъ приглашеніе, и върѣдъ случай повеселиться. Сюда оходится молодежь обоего пола, и върѣдко, на сими холкахъ, пренекадуть любовныя изъясненія, которыя на посидѣлкахъ сканчиваются между молодыми тайнымъ стороборемъ.

Посидѣлки.

Нѣтъ уголка на всѣмъ мѣрѣ, чтобы не происходила по вечерамъ собранія молодыхъ людей, состоящихъ въ приятномъ бесѣдованіи съ любимыми особами, и эти собранія извѣстны у нашего народа подъ именемъ *посидѣлокъ, бесѣдъ и досвѣтокъ*. По окончаніи полевыхъ работъ, наступаютъ темныя и продолжительная вечера. — То-

гда съезжались молодыя дѣвушки и женщины, чтобы поговорить между собою кой-очемъ, или идуть другъ къ другу съ дѣньгами, пряжкой и платьемъ, чтобы работать окласть. Въ прежніе годы это было въ обычае, даже между боярынями и боярышнями. Незнатныя и не богатые, купеческое сословіе и простые, собирались на посидѣлки, позову своихъ пріятелей, но и тутъ соблюдалось вѣкторое обрядное приличіе; женщина позываетка ходила скликать молодыхъ дѣвушекъ, чтобы посидѣть вечеромъ, отсюда произошло названіе посидѣлокъ. — Однако молодыхъ людей обоего пола не стѣсняли приходять на вечеръ, по одному приглашенію; не приглашаемые такъ же проводили веселье, какъ и тѣ, которые были приглашаемы особо. Дѣвушки не долго занимались своей работою, ибо онѣ увлекались разказами, близкими ихъ сердцу; потомъ нечувствительно переходили къ играмъ, пѣнію и пляскѣ.

Молодые люди пользовались на посидѣлкахъ пріятнымъ случаемъ—свободно свидѣть подлѣ своей милой, говорить съ нею и перешептываться о своей любви; жали другъ другу руки и давали обѣщаніе видѣться почаще. Ихъ свиданія болышей частью означивались свадьбою, которая на Руси всего болые совершается послѣ осени. — Посидѣлки у зажиточныхъ сопровождались закусками и пивомъ. Иногда онѣ происходили въ особо нанятомъ домѣ, гдѣ угощеніе дѣлалось на счетъ складчины. — Строгіе родители не всегда позволяли своимъ дочерямъ посѣщать таковыя собранія, потому что съ ними распространялась худая молва и безславіе о девической добродѣтели. Посидѣлки не продолжались далѣе полуночи. Мушны провожали своихъ дѣвушекъ домой и разставались съ ними до перваго радостнаго свиданія. Нынешнія посидѣлки совершаются такъ же, какъ и въ старину. Дѣвушки собираются въ назначенную

ими нубу, и тамъ сидятъ за работою: онѣ прядутъ ленъ, псковь, конопель и шерсть.

Пряхи, сидя за мочкою, рассказываютъ про домашнія дѣла, толкуютъ про своихъ парней и свѣются, и тутъ же запѣваютъ:

Пряди моя пряха,
Пряди, не лѣнися. (*)
Я рада бы пряла,
Меня во гости звали
Къ сосѣду во бесѣду,
На ширь пировати:
Пива, меду пити,
Вина зеленого.
А я молоденька,
Не пью никакого,
Окромя простого.

Зеленая роща,
Всю ночь прошумѣла;
А я бдѣная Дуниша,
Всю ночь просидѣла,
Къ себѣ мила друга ждала.
Приѣхали трое,
На вороныхъ коняхъ;
Шапка со углами,
Головка съ кудрями.

(*) У простолюдиновъ есть поговорка: *только пряди, домождать*, это значить, что работа, производимая съ отчетливостію, требуетъ терпѣнія; что не много выработать, но хорошо, — хотя долго ждать, вознаграждаетъ трудъ; что товаръ пряхи, хотя ее домождать долго, несравненно прибыльнѣе.

Въ чистомъ полѣ, полѣ, при дождѣ
 Стылѣи нощь высокъ теремъ;
 На томъ новомъ теремочкѣ, двинуки небесами несутъ:
 Знать то, знать то, мою любезную за мужъ отдадутъ.
 Среди двора крыльце стоитъ разкрашеное,
 Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу,
 Красну двинцу душу.
 Однѣи везеть за рученьку, а другому жаль,
 Третій стоитъ, слезы ронить: любилъ да не взялъ!
 Постой, постой, красавица! простилися со мной.
 Я бы рада простилися, жениха не везить.

Скучно, матушка! голова болить!
 Ай люли, люли, голова болить.
 • Худо пометется, не адорвится;
 Ай люли, люли, не здоровится!
 Не адорвится, гулять хочется;
 Ай люли, люли, гулять хочется!
 Я украдуся, нагуляюся;
 Ай люли, люли, нагуляюся,
 Со милымъ дружкой повидаюся.
 Ай люли, люли, повидаюся!
 Ахъ ты милой мой, милъ сердечный другъ!
 Ай люли, люли, милъ сердечный другъ!
 Научи меня какъ домой притти!
 Ай люли, люли, какъ домой притти!
 Ахъ глупая, неразумная,
 Ай люли, люли, неразумница!
 Поди улицей, сърой утицей.
 Ай люли, люли, сърой утицей.
 Широкимъ дворомъ блвой лебедью.
 Ай люли, люли, блвой лебедью.
 Во высокъ теремъ яснымъ соколомъ.
 Ай люли, люли, яснымъ соколомъ!
 Твой высокъ теремъ растворень стоитъ,
 Ай люли, люли, растворень стоитъ!

Твой ремень мой мужъ за столень сидитъ,
 Ай люли, люли, за столень сидитъ!
 За столень сидитъ, самъ ломается.
 Ай люли, люли, самъ ломается,
 Надо мной и ладой надругается!
 Ай люли, люли, надругается!
 За шелмову плеть принимается;
 Ай люли, люли, принимается!
 Плетка свиснула, а я вскрикнула!
 Ай люли, люли, а я вскрикнула!...
 Свекору батюшкинъ возмолвися,
 Ай люли, люли, возмолвися!
 Свекорь батюшка, отыми меня,
 Ай люли, люли, отыми меня!
 Отъ своего сына, отъ моего мужа,
 Ай люли, люли, отъ моего мужа!
 Свекорь батюшка, велитъ больше бить;
 Ай люли, люли, велитъ больше бить!
 Велитъ больше бить, кожу до пять спустить,
 Ай люли, люли, кожу до пять спустить!
 Кожа волочится, гулять хочется,
 Ай люли, люли, гулять хочется!

Ты дуброва моя, дубровушка,
 Ты дуброва моя зеленая!
 Ты къ чему рано зашумела?
 Приклонила ты свои ветви?
 Изъ тебя ли изъ дубровушки,
 Мелки пташечки вонъ вылетали?
 Одна пташечка оставалася,
 Горемычная кукушечка.
 Что кукуеть она и днемъ и ночью,
 Ни на малый часъ ей уюлку вать!
 Жалобу тверитъ кукушечка,
 На залетнаго, яснаго сокола.
 Разорилъ онъ ей теплое гнѣздо,

Разогналъ ей малыхъ дѣтушекъ,
 Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ, —
 Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
 Что во высокѣ сидитъ красная,
 Подъ посящетымъ подъ окошечкомъ.
 Она плачетъ, какъ рѣка льется;
 Возрыдастъ, что ключи кипятъ.
 Жалобу творитъ красна дѣвица,
 На завязного молодца:
 Что сманилъ онъ красну дѣвицу!
 Что отъ батюшки, что отъ матушки;
 И завезъ онъ красну дѣвицу,
 На чужу дальну сторону,
 На чужу дальну незнакомую:
 Что завезши, хочетъ покинуть.

Среди пѣсней грустныхъ, вдругъ затѣваютъ пляску. — Плясуньи, стоя одна противу другой, топаютъ ногами въ тактъ музыки; потомъ кружатся въ противоположныя стороны, перемѣняются и снова топаютъ и снова кружатся. Пляска въ смоленской губерніи почти всегда начинается припѣвомъ:

Заиграйте музыки,
 Мои лапти велики;
 Мнѣ татунька сплелъ,
 На святой Цокровъ.

Или:

Вотъ такъ чини,
 Какъ я чиню!
 Люби дѣвка по обычаю:
 И поповъ и дяковъ,
 И хорошихъ мужиковъ.
 Вотъ такъ! разъ,
 Вотъ такъ! два. —

Или одна плясунья, гордая тѣмъ, что она богаче своей подруги, припѣваетъ:

Пять моль на переди, 2. р.

Другая, хотя бѣднѣе ея, но желая узнать, что и она бываетъ тамъ, гдѣ и богатая, отвѣчаетъ въ при-
сядку:

А въ три штуки, туда жъ таки (*).

Когда пляшутъ подъ пѣсни, тогда женщины и дѣ-
вушки, ставъ въ кружокъ, поютъ; изъ круга между
тѣмъ отдѣляется одна пара, иногда и двѣ; онѣ вмѣстѣ
поютъ и пляшутъ, подъ тактъ пѣнія. Вотъ плясовая:

Ахъ вы сныи мои, сныи, сныи новыя мои!
Сныи новыя кленовыя, рѣшетчатыя!
Ахъ! какъ мнѣ по вась, по сныючкамъ, не хаживати,
Мнѣ мила друга за рученику не хаживати!
Выводила молодца за новыя ворота,
Выпускала сокола изъ праваго рукава!
Ты лети, лети соколы, высоко и далеко,
И высоко и далеко на родимую сторону!
На родимой на сторонкѣ,
Грозень батюшка живеть,
Онъ грозень сударь, грозень онъ, немилостивый,
Не пускаеть молодцу, поуде вечеромъ одну.
Я не слушала отца, потышила молодца,
Я за то его потышу, что одинъ сынъ у отца:

(*) Это говорится въ три штуки о Паневѣ, которую носятъ
дѣвушки и женщины, обертывая себя шарашу, чѣмъ болѣе
ихъ, тѣмъ богаче считается дѣвушка.

Добучь Винопитию, извездрушномъ,
 Пивоваръ пиво варилъ,
 Зелено вино курилъ :
 Вы пожалуйте двайца! на пиварию на мою,
 На моей ли на поварилъ, пиво пьлю на ходу,
 Пиво пьлю на ходу, а на сладкожь меду. —

Какъ у нашихъ у ворота, 2.
 Люли, люли, у веротъ! 2.
 Стоялъ двоекъ хороводъ, 2.
 Люли, люли, хороводъ! 2.
 Молодушокъ табунокъ, 2.
 Люли, люли, табумокъ! 2.
 Меся девки кликали, 2.
 Люли, люли, кликали! 2.
 Молодушки манили, 2.
 Люли, люли, манили! 2.
 На улицу погулять, 2.
 Люли, люли, погулять! 2.
 Съ ребятами поиграть, 2.
 Люли, люли, поиграть! 2.
 Меся свекоръ не пустиль, 2.
 Люли, люли, не пустиль! 2.
 Хоть и пустиль, пригрозилъ, 2.
 Люли, люли, пригрозилъ! 2.
 Гуляй, злода, да не долго, 2.
 Люли, люли, да не долго! 2.
 До перышекъ цыгуковъ, 2.
 Люли, люли, цыгуковъ! 2.
 А я млада до поры, 2.
 Люли, люли, до поры! 2.
 До утренней до зари, 2.
 Люли, люли, до зари! 2.
 Лишь зарюшка зашлася, 2.
 Люли, люли, зашлася! 2.

А я ильма поцелую, Я
 Люли, люли, подмилю! Я.
 На встречу мне деверекъ, Я.
 Люли, люли, деверекъ! Я.
 Деверюшка батюшка, Я.
 Люли, люли, батюшка! Я.
 Проводи меня домой, Я.
 Люли, люли, домой! Я.
 До моего двора, Я.
 Люли, люли, до двора! Я.
 До высока терема, Я.
 Люли, люли, терема! Я.
 Подхожу я ко двору, Я.
 Люли, люли, ко двору! Я.
 Свекоръ ходить ко двору, Я.
 Люли, люли, ко двору!
 Повсѣпши голову, Я.
 Люли, люли, голову! Я.

Переходя отъ рѣзвостей къ новымъ рѣзвостямъ, начинаютъ игривую.

Солнце на закатъ,
 Время на утратъ.
 Слыи дѣвки на лужокъ
 Гдѣ муравья, гдѣ цвѣтокъ:
 Гдѣ мы съ вѣчера рѣзвились,
 Въ хорюдахъ веселились,
 На прѣтной тишинѣ,
 Подъ березкою однѣ.
 Только слышно голосокъ,
 Раздавался во льбсомъ.
 Гдѣ красавица милая,
 Свѣтъкъ, радость дорогая?
 Гдѣ ты? гдѣ ты? ахъ! ахъ!
 Безъ тебя я здѣсь умру!
 Твой глазикъ меня не видитъ,

Знать отъ мамы, какъ поведеться,
 Вся дивушки спохватились,
 И долой, дотаранились,
 Свѣтъикъ Машинька дружокъ,
 Тутъ пришла на лужокъ,
 Со травы дѣтки рвала,
 Къ себѣ милого ждала,
 Не успѣла скласть въ пучочки,
 Идетъ милый изъ за рѣчки,
 Парень милый, красавчикъ.

Свѣтъикъ Машинька дружокъ,
 Тутъ пришла на лужокъ,
 Со травы дѣтки рвала,
 Къ себѣ милого ждала,
 Не успѣла скласть въ пучочки,
 Идетъ милый изъ за рѣчки,
 Парень милый, красавчикъ,
 Свѣтъикъ Машинькинъ дружокъ,
 Подошедши ручки жметъ,
 У Машиньки сердце бьеть!
 Сердце сердцу покорилось,
 Щечки розою покрылись,
 Ужъ любовь какъ одна,
 Намъ природою дана!

У дороднаго добраго молодца,
 Въ три ряда кудри завивались,
 Во четвертый рядъ по плечамъ нежатъ:
 Не сами кудри завивались,
 Завивала, красна дѣвица,
 По одному русому волосу,
 Завивши кудри, сама призадумалась:
 Какъ бы я знала, млада вдала,
 Про свое горе, про несчастье,
 Про замужье про бездѣльное,
 Я бы сидѣла вѣкъ во дѣдушкѣхъ,

У родимаго своего батюшки,
 У родимой своей матушки,
 Я бы чашку бутылку голубу,
 Я бы племя трубочку кошу,
 И влетала бы и ленту алую,
 Ленту алую, шелку красного,
 Шелку красного шемаханского.
 Какъ бы и знала, куда выдала,
 Что просватали меня, судари батюшка,
 Не въ любимую во сторонушку,
 Не за прежняго полюбовника,
 Не за лапушку да за милаго,
 А что отдали меня батюшка,
 Въ семью не согласную,
 Во верошину не попрыгую.

Ахъ! на горь елочка стоять,
 Ахъ, мой Божинька! зелена стоять.
 А подь тою елочкой желнерикъ лежить,
 Ахъ, мой Божинька! желнерикъ лежить.
 Надъ тѣмъ надъ желнерикомъ воронъ конь стоять,
 Ахъ, мой Божинька! воронъ конь стоять.
 Правымъ копытчкомъ земельку съчеть,
 Ахъ, мой Божинька! землицу съчеть.
 Для своего желнерика воды достать,
 Ахъ, мой Божинька! воды достать.
 Знать же тебѣ, конечекъ, воды не достать.
 Ахъ, мой Божинька! воды не достать.
 Знать мнѣ желнерику отъ земли не встать.
 Ахъ, мой Божинька! отъ земли не встать.
 Бѣги, бѣги, коничекъ, лужкомъ бережкомъ.
 Ахъ, мой Божинька! лужкомъ бережкомъ.
 Лужкомъ, бережкомъ ко моему двору.
 Ахъ, мой Божинька! ко моему двору.
 Выскетишь тебѣ коничекъ, старая пани,
 Ахъ, мой Божинька! старая пани.

Старая няня, та жила моя,
 Ахъ, мой Божицька! та жила моя,
 Выйдеть къ тебѣ подичень, младая няня,
 Ахъ, мой Божицька! младая няня,
 Младая няня, та жила моя.
 Ахъ, мой Божицька! та жила моя,
 Выйдуть къ тебѣ конничекъ, млады донцата,
 Ахъ, мой Божицька! млады донцата,
 Млады донцата, та дити моя.
 Ахъ, мой Божицька! та дити моя,
 Стануть тебѣ конничекъ оглаживати,
 Ахъ, мой Божицька! оглаживати,
 Стануть у тебѣ конничекъ выпрашивать,
 Ахъ, мой Божицька! выпрашивать,
 Не сказывай конничекъ, что избить лежу,
 Ахъ, мой Божицька! что избить лежу.
 А скажи воронинькѣй, что въ полку служу,
 Ахъ, мой Божицька! въ полку служу.
 Что въ полку служу, чину заслужу,
 Ахъ, мой Божицька! чину заслужу,
 Заслужилъ желверчикъ подь елечкой смерть,
 Ахъ, мой Божицька! подь елечкой смерть.

Между богатыми дворянами и боярами, были свои
 обряды. Мать семейства, рождала бабушекъ и ня-
 нюшекъ по знакомымъ домамъ, просила дѣвчушекъ по-
 сидѣть вечеромъ, преимущественно таковыхъ, которыя
 славились богатствомъ и красотой. — И чтобы не
 уронить чести своего дома, и придать болѣе блеску
 своей знатности, созывали столько, сколько можно бы-
 ло помѣстить ихъ въ своихъ хоромахъ. *Позыдашки* съ
дьяломъ, высматривали хорошихъ жениховъ, моло-
 дыхъ, богатыхъ, белокурыхъ, съ голубыми глазами,
 съ пушкомъ на бородѣ, и курчавыми волосами.
 Таковой молодець, былъ и до сего времени, бѣсѣлъ:

на него замахивались и самые скромныя красавицы. — Мавера нѣсколько дней сразу сваряжала ихъ въ путь; запрягая рыдванъ въ шесть лошадей, и включая его бѣлымъ, платяемъ, гостинцами изъ сухихъ плодовъ, пряниковъ, волоцкихъ орѣховъ и вареньевъ на меду, отправлялись на посидѣлки. Хозяйка принимала гостей на крыльцѣ, и вводила въ покои съ честію и поклонами. Послѣ обычныхъ распросовъ: о здоровьѣ, погодѣ, усаживались чинно, и долго ничего не говорили, пока хозяйка не оживляла ихъ крѣпкимъ медомъ. Дѣвухекъ и молодыхъ мужчинъ, угощали навезенными гостинцами, отъ чего часто обижалась хозяйка; но ее успокоивали тѣмъ, что такъ ужъ водится изстари, приговаривая: не мы, мать родная, завели, не нами кончится. —

Званые оставались гостить нѣсколько дней. Это время было пыткой для молодыхъ сердецъ: тутъ ласкали вывѣдывали другъ друга и расставались съ взаимной увѣренностію въ любви. Шуточные рассказы, игры затѣйливыя, страстныя забавы и скрытыя перешепчиванія, облегчали продолжительно мучительныя испытанія. Матуски, высматривъ жениховъ, а женихи невѣсты, благодарили хозяйку за хлѣбъ-соль и *веселое доволство*; потомъ разхаживали по домамъ, прося пожаловать къ нимъ откушать кѣба-соли и отведать сладкаго меда. По приѣздѣ домой, мать съ отцомъ совѣтовались тайно о выборѣ жениховъ, и не спросивъ о согласіи дочери, посылали свахъ съ предложеніями. —

Заведенные Петромъ I, *ассамблеи* (собранія) были собственно придворныя, но нынѣшніе вечера, сопровождаемые танцами и музыкою, вошли въ употребленіе въ царствованіи Императрицы Елизаветы, любительницы вкуса и изящности. Они вытѣснили навсегда старыя бесѣды, и открыли широкій путь къ

верчѣ, правды. Наши еще дѣлы любили вспоминать про свои посидѣнья, но шель предубижденіи къ нимъ, но изъ простоты къ живни и строгой скромности молодикъ людей. Сохранившіася носидѣлочья вѣсны, могутъ саужить тому доказательствомъ. Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ вѣсней, отыскиются сердечною тоской и безнадежною любовью:

Какъ бы и знала, какъ бы вѣдала,
 Неиринство друга милаго,
 Не любовь друга сердечнаго.
 Не сидѣла бы позо ввечеромъ:
 Я же дѣла бы свѣчу воску яраго,
 Не ждала бы я друга милаго,
 Не топила бы красна золота,
 Не лила бы золота кольца,
 И не тратила бы золотой казны. —
 Я слѣла бы себѣ крилушки,
 Полетѣла бѣ на нвой городъ,
 Чтобъ искать себѣ друга милаго.
 И я была бы среди площади,
 И я стала бы кличь кликати.
 Кто бы сталъ со мной советывать,
 Какъ бы мнѣ забить друга милаго!
 Проклинула бы я разлушкинѣ,
 Что разлуки мѣя съ мильныя дружокны,
 Съ мильныя дружокны, со сердечныкъ.

Или:

Туманю красно солнышко, туманю,
 Что краснаго солнышка не видно!
 Кручина красна дѣвица, печальна,
 Никто ея кручинушки не знаетъ!
 Не багышка, не макушка, не родные,
 Не бабая, голубушка, сестрица!

Печальна, красна, дивна, дивальна!
 Не можеть мила друга позабыть,
 Ни дивною порою, ни ночью,
 Ни утренней зарею, ни вечерней.
 Въ тоскъ своей возгорить диваца:
 Я въ тѣ поры милаго друга забуду,
 Когда подломятся мой скоры ноги,
 Когда опустятся мой бѣлы руки,
 Засыплются глаза мой песками,
 Закрѣются бѣлы груди досками.

Дневныя вечера, заренныя искры, любовь въ молодости, и неопытныя сердца, были отравой для жизни. Семейная гордость, ревность и пророжденья знатныхъ родовъ, были весьма часто, какъ и нынѣ, могомъ дою для любящихся.

Въ Бѣлоруссiи вечерня собранія, начинающіяся въ ^{Супрѣт-ки и до-лины.} Певрала дни и продолжающіяся до Пасхи, называются *супрѣтками*. Дѣвушки собираются въ наемную шабу, чтобы прядти, шить, веселиться и пѣть. Сюда съходятся дарницы и высматриваютъ себѣ невѣтъ. Молодые обоего пола, проводятъ время въ пѣніи и играхъ, а дарницы угоняютъ дѣвушекъ разными способами. — Въ дождлики же или осенніе вечера, собираются такъ же дарницы и дѣвушки и проводятъ время уже не въ душиной шабѣ, но подъ открытымъ небомъ. Тутъ никакой заботы не занимаютъ ихъ работою, но одними забавами и играми, пѣніемъ пѣсней и пляскою подъ музыку. На дождлики верьхачи собираются пожалуй, чтобы долюбоваться юной рѣвностию; молодыя женщины приходятъ украдкой, чтобы повеселиться и погоревать о своей невѣдѣ.

Съ посидѣлками совершенно сходствуютъ малороссійскіе ^{Доситки и вечерники} *доситки*, кои потому такъ названы, что въ это время молодые люди, проводятъ всю ночь до зари (до разсвѣта): въ забавахъ, играхъ и пѣніи. Сначала съходятъ

ся дѣвушки въ одну опредѣленную или хату, и въ ожиданіи прихода парубковъ, занимаются пряжею, шитьемъ, поютъ пѣсни, которыя служатъ знакомъ, что онѣ давно собрались и сидятъ за работою. Хата бываетъ освѣщена обыкновенными свѣчами или *каганцами*. (*) На досвѣтки приносятъ разныя съ обѣихъ сторонъ лакомства, въ числѣ коихъ любимыя суть: *насимлячко*, сушенныя семена изъ гарбузовъ (тыквъ), соняшникъ (подеолышникъ), кашаныя орѣхи, маковники, медовые коржи, масляники, бублики (баранки) и пр. Дѣвчата сначала ничего не хотятъ принимать отъ парубковъ, — такъ ужъ по своей привычкѣ. Иногда разговариваются и веселостъ начинаютъ одушевлять всѣхъ, тогда онѣ съ удовольствіемъ принимаютъ отъ нихъ лакомства и знакомятся. — Досвѣтки начинаются съ осени и продолжаются до великаго поста. —

По наступленіи благоухающей весны, начинаются *вечерники*, которыя продолжаются до лѣта, и потому возобновляются въ теплыя осенніе дни. Названіе *вечерницъ*, происходитъ отъ вечернихъ собраній. Дѣвушки и мушны собираются около хаты и проводятъ вечера, часто и цѣлую ночь, въ играхъ и забавахъ: бѣгаютъ въ запуски, играютъ въ жгутъ, составляютъ хоры, танцуютъ, поютъ подъ скрипку или дудку. — Всѣ молодыя принимаютъ участіе въ этихъ увеселеніяхъ, а парубки, избирающіе себѣ невесты, женятся съ ними (ухаживаютъ за ними). Довольно замѣчательно, что на вечерникахъ молодые обоимъ пола,

(*) Глиняныя чашечки съ узкимъ носикомъ; въ нихъ наливаютъ коноплянаго масла и зажигаютъ *шотъ* (свѣтильню). Выгорѣвшій каганецъ, опредѣленной величины, поименовываетъ время ночи.

дѣвственницъ, събѣею возмездіе дѣлать другъ и друга; не бѣдѣться, разбитыя вѣнцы; виבותъ; и никогда не ходило до безславія. Преступившій правила чести, подвергался изгнанію изъ общества; но нарушившій священныя обѣты любви, преслѣдовался вѣчно. Горе и той, которая, оправдываясь своему мнѣнію, сѣрываетъ его преступленіе. Гражданка (мірское сходбище); если узнавала о появленіи отъ нея на обѣтъ некоего существа; то вызывала виновную мать на базаръ, и допрашивала объ имени скрытаго ею отца; потомъ принуждала преступнаго жениться на обольщенной имъ. Если виновная не открывала своего обольстителя, то ей надѣвали на голову, съ шумомъ и насмѣшливымъ крикомъ, хомуть, очипокъ (щедець) и обрѣзывали косу, и съ того время она не смѣла появиться въ общество своихъ подругъ, вестъ съ ними прежнюю дружбу, — она принадлежала ужь къ *мудлынямъ*. Но многія дѣвушки переживали свое бесчестіе.

Каждая дѣвушка имѣла на вечерницахъ своего милого, и каждая шла сюда для того, чтобы съ нимъ *пожартовать*; (провести время въ забавѣхъ), пошутить и слышать отъ него сладостныя повторенія въ любви. Кто любилъ свою коханую и потому оставлялъ ее, тотъ навлекалъ на себя неукротимый ея гнѣвъ. Мстительная ревность изобрѣтала все способы къ наказанію невѣрнаго. Недовольствуясь его посрамленіемъ, она часто прибѣгала къ самымъ преступнымъ мѣрамъ: готовила изъ ядовитыхъ раствнй отраву, и опасвала его. — Разказы о такихъ поступкахъ, оправдываются самыми пѣснями. Ни одна изъ русскихъ пѣсней, въ этомъ родѣ, не отдѣляется такою силою воли, пламенностію и чувствомъ изгнуженной реальности, какъ малороссійскія, которая, обобщая частію (допичалась) парубками, несетъ несчастнаго любовника на вечерницахъ.

Напѣвъ ихъ грустившіи, прошептаю трогательное
и печальное, кривою приготовленная смертъ: Вотъ
примѣръ:

Не ходи Грыцію на вечерницю,
 Не на вечерницяхъ дивни чаровницы,
 Не на ветерницяхъ дивни чаровницы!
 Одна дичина гордобрылая,
 То чаровница справедлива;
 То чаровница справедлива! —
 Въ неділю рано злила копала,
 А въ понеділокъ перемывала,
 А въ понеділокъ перемывала!
 Пришовъ вивторокъ, злила зварыла,
 Въ середу рано, Грыція отруила!
 Въ середу рано, Грыція отруила!
 Пришовъ же четвергъ, Грыценько умеръ,
 А въ пятницю Грыція поховала,
 А въ пятницю Грыція поховала!
 А въ субботу отпоминани!
 А отпоминани у снѣжъ закарани!
 Щобъ того Грыція не доцманила!

Въ неділю рано мати дотку била!
 Но що ты, суко, Грыція отруила?
 На що ты, суко, Грыція отруила?
 Ой мати, мати! жалю не мае,
 Не хай же Грыценько двоухъ не кохае!
 Не хай же Грыценько двоухъ не кохае!
 Не хай не буде ни той, ни мени:
 Не хай достанется сырой землі. —
 Отъ се тобі, Грыцію, я такъ зробила,
 Що черезъ тебе мене мати била!
 Що черезъ тебе мене мати била!
 Отъ се тобі, Грыцію, такъ зробила:
 За материнъ дощакъ дочка встала!

Съ чоторыхъ дѣвочкѣхъ удивилъ хвалѣ:
 Рано пораненьку икарѣ козаки
 И того Грыца велемишала,
 И того Грыца велеминала!
 Ой Грыца, Грыца преславный дѣбаче!
 За тобою Грыцю дивчина плаче!
 За тобою Грыца, дивчина плаче!
 Та дивка чернобрыва,
 Котора Грыца притаровала.

Тоска дѣвочки по своему милому чернобровому, который не подаетъ никакой о себѣ вѣсточки. Она плачетъ и только ей легче, какъ поплачетъ; она полетѣла бы къ нему, но нѣтъ у нея крыльевъ, а онъ не возвращается. Горюетъ, сохнетъ и умираетъ съ каждымъ часомъ. — Напѣвъ пѣсни чрезвычайно жалобный:

Віють вѣтры, віють буйны,
 Ажъ деревья гнуця!
 Ой якъ болитъ мое сердце,
 Самы слезы льюця.
 Трачу лита въ лѣтѣхъ горѣ,
 И ницѣ не бачу.
 Только мени и легче стане,
 Якъ тришки поплачу!
 Не помогутъ слезы счастью,
 Сердцю легче буде!
 Кто счастливъ бувъ нѣтъ часочкѣ,
 Повикъ не забуде!
 Есть же люди тѣ и мои
 Завидуютъ доли!
 Чи счастлива ти бывшица,
 Що росте у доли?
 Ой у доли на песочку,
 Безъ росы на сонци!

Тяжко жить: безъ милого; горько жить

На чужій стороні.

Безъ милого: доли нема,

Стане: свить: тирание;!

Безъ милого: счастья нема,

Нема: а покаян!

Де ты: шмель, чернобрышій?

Де ты? озовица!

Якъ безъ тебе я герою: дину!

Прійды, подивися.

До ного: в пригориуса,

И кто пригодубить?

Коли нема того тута,

Якій мене любить.

Политила бь я до тебе,

Да крылиць не маю!

Сохну, чахну я безъ тебе

Всякій часъ умираю!

Вѣрность двухъ любовниковъ, — веселый напѣвъ:

Дивчино кохана, здорова була!

Чи ще жь ты мене не забула?

Пріхавъ до тебе, — Богъ тебе знае!

Чи твое серденько мене кохае?

Козаче коханий, чого ты пытаешь?

Скорій, козаче, въ могилы буду;

Нежь тебе серденько повабуду!

Спасьбо дивчино, за добра слово,

А може ты любишь кого другого?

Коли правды: подоньма твоя,

Такъ будешь серденько поцить, моя!

Ты добре не знаешь, що я сырата;

Ни маю я срибра, ни маю золота,

Опрочь тои любви, ще къ тебе я маю.

Я всимъ убога, — того ни таю!

Не треба мені золота, я самъ прилабавъ,
 Треба мені дивизи, що д. кохало!
 Ходимо до церкви, зв'яземо руки,
 Нехай у насъ, не було на серци мутки!

Печальныя напѣвы въ слѣдующихъ пѣсняхъ :

Сидить голубъ на берези,
 Голубка на вишнѣ.
 Сиди сердце мені правду:
 Що маєшъ на мысли?

Ой якъ тобі пряснагада:
 Любиты ажъ душу:
 Теперъ мене поминашъ
 Я плакаты мусу!
 Будь щасливий зъ того,
 Которую жовашъ;
 А надъ мене парійнешъ,
 На святи не найдешъ.
 Буду Бога я просити,
 Щобъ ты бувъ щасливий:
 Чи зо мною, чи зъ другою,
 Повикъ мені милий!
 Якъ не зкочешъ, сердце мое,
 Варнымъ буты;
 То дай мені таке зиле,
 Щобъ тебе забути!

Есть у мене таке зиле,
 Близько перелазу;
 Якъ дамъ тобі напитися,
 Забудешъ видъ разу!

Буду питы черезъ снгу,
 Не капли не пушту;
 Хиба тебе забуду,
 Якъ очы заплочу!

Ой ходять чумаки у Карась-Бибарь,
Та чорною кусточкою голову зливають.

Ой ходять же вилы сить лать до Дону,
Та не буде пригодныи сну на роду.

Стала пригода зъ Дону идучи,
У чистимъ поляхъ при дорозі волы пасучи.

Ой пасъ, чумакъ пасъ, да впасъ и лежить.

Ни хтожь его же смятає : що у его болить?

Болять у его сердце, голова;

Сежъ у того чумаченька, що проуду не ма. —

Прійшовъ до его, товарищъ его;

Бере его за ручешку, жалкуе его.

Товарищу мій! жалкуешъ мене:

Берижъ мои волы й возы, поковай мене.

Да скидай кожухъ, надивай жучанъ.

Волыжъ мои сириньии, сежъ буде вамъ панъ.

Ой у Києви завонили въ двашку;

Сежъ по тому чумачови, що ходять на Дниъ.

Ой у Києви завонили въ двашку;

Сежъ по тому чумачови, що реду нема. —

Ой по горахъ сивги лежать,

По долицамъ воды стоять,

А по шляхамъ маки цвітуть.

То не маки цвітуть,

То не маки, а чумаки:

Вони зъ Крыму идуть,

Рыбу везуть. —

Маты сына вызнавала,

Та не взнала, — выкликада :

Иды мій сынку до домоубку!

Змыю тобі головуньку —

«Изыий, моя дечко, сама, соби,

«Або моія ридныи сестры; —

«Мене змыють дрибни дожчи,

«Розчешуть густы терны,

«Розчешуть густя терна,
 «Розкудную буйны ветры,
 «А рознесуть кости, — чорны вороны.» —

Чи се тая крыничонька,
 Що я воду пивъ?

Чи се тая дивчинонька,
 Що люблю и любивъ?
 Ой жаль жени буде,
 ● Возьмутъ людъ, —
 Медоля моя!

Чи сежъ тая крыниченька,
 Що голуба кунався?

Чи се тая дивчинонька,
 Що я женихався?
 Ой сежъ тая приличенька,
 И ключъ и ведро;
 А вже несе дивчинонька,
 Забула даво!

Засыпалась крыниченька,

Золотымъ весткомъ;

Злюбила дивчинонька,

Зъ другимъ козакомъ. —

Давжежъ жени до той крыниченьки,

Стежки заросли;

Давжежъ по мою дивчиноньку,

Сваты приїшли.

Шумять вербы,

Що надъ той крыницею ростуть;

Да вжежъ мою дивчиноньку,

До церкви ведуть.

| Одинъ веде за рученьку,

Другий за румаль;

Третій стоить,

Сердце болить:

Любивъ да не вивъ!

Жалоба молодого казака на долю, что она доселѣ
не указала ему. счастья.

Де ты ходишьъ, моя доля?

Не докличишься тебѣ!

Досибѣ можно дикѣ поле,

Пригорнуты до себѣ!

Я тебѣ ось не влажаю,

До якои то норы?

Все шукаю, да пытаю,

Що ажъ серденько знурывъ!

Чи на мори межъ купцами,

Личишьъ въ крамонѣ барыши?

Чи въ хоромахъ зъ панянками,

Ты рогочешъ у ночи?

Чи на неби нзъ викиньця,

Сучишьъ дули биднякамъ?

Чи при мысяци, безъ сонця,

Чешешъ ты кудры зиркамъ?

Чи край моря на долини,

Дикымъ макаомъ ты цвѣтешъ?

Чи у лузи на калыни,

Ты возулею куешъ?

Ой змилуйся, моя мене!

По край мене хотъ присядь;

Хотъ постій ты била мене,

То й тому я буду радъ.

Безнадежная любовь:

Надъ ричкою, надъ быстрою;

Спизнався я съ дивчиною. 2 р.

Лучше бъ було не знаться,

Нижъ спизнавшисьъ разстаться;

Лучше бъ було не влюблица,

Нижъ влюбившисьъ разлюбивца!

Свитьтыть мислиць, та не гріє,
 До дивчини сердце ніє.
 Шумить, гудеть добровонька,
 Плачеть, тужить дивчинонька;
 Плачеть, тужить, нарекає,
 Свою долю проклинає.
 Долежъ моя несчастлива!
 На що ты мене спородыла? 2 р.
 Ой вы люди, вы сусиды,
 Сжальтесь, сжальтесь мой биды! 2.
 Що мени зъ того, що всякъ знає,—
 Що мене милый покидає! 2.
 Абожъ пйду, утоплюся,
 Абожъ объ каминь убьюсь. 2.
 Нехай будуть люди знаты,
 Якъ зъ коханья умираю! 2.

На тимъ боци огонь горыть,
 На сямъ боци дымно;
 Не мажъ мого мыленького,
 Комуь буде дивно!
 На тимъ боци огонь горыть,
 На сямъ боци—жарь, жарь;
 Не мажъ мого мыленького,
 Комуь буде — жаль, жаль. —

Хылытеса густы лозы,
 Видкиль витерь віє;
 Дывытеса карі очі,
 Видкиль милый вііде.

Хылылыся густы лозы,
 Та вжей — пересталы;
 Дывылыся карі очі,
 Тай плакаты сталы

Плыве шука зъ Кременчука,
 Пробытай зъ лука,
 Теперъ мени мое сердце,
 Зъ тобою розлука!

Ой! не шуми дуже зелений байраче!
 Не плачь, не журися, молодий коваче!
 Ой якъ не шумити,
 Коли зелененькїй!
 Ой якъ не любити,
 Коли молоденькїй!
 Сусиды близькїи, — вороги тяжкїи,
 Не велять ходити, — дивчинну любити.
 Якъ дивчинну люблю и за себе мизжу,
 За себе в аману, а за її умру.
 Ой умружъ я мила, а ты будиши жива,
 Не забувай мила, де моя могила.
 А моя могила у тихого моря,
 Де була мижъ нами тихая рямора.
 А моя могила у синїю роши.
 Полягли де жартї, полягли любовици.
 Вийдешъ на могилу, та не тужи дуже,
 Скажуть вороженьки, — любились ми дуже.
 Вийдиши на могилу, не кивай рукою,
 Скажуть вороженьки, що я шлюсь съ тобою.
 Вийдешъ на могилу, та не спля засидю.
 Бо сама ты вичешъ, якъ тяжко шлюсь нею.

Бывали примѣры, что на вечерницахъ совершались убійства. — Изъ соперничества другъ къ другу, заводили между собою ссоры, оканчивавшіяся смертью одного изъ нихъ. Часто изъ угодливости мизсией милой, отважнїй парубокъ гвалъ другото. Оскорбленїе имени чїего нибудь, неминуемо рандало кровавое мшенїе. — Матери и отцы, строго воспрешали своимъ дочерямъ и сыновьямъ ходити на вечернїи сходбища; но онѣ украдкой выходили изъ дома, и возвращались тихо, когда еще спали домашнїе. — Вечерницы прѣшали и паньчи (дѣти дворянскїя), но казаки, считая себя равными, вели съ ними постойнїе раздоры, и по той

причинѣ, что паньчи скорѣе прибрѣтали вниманіе дѣвушекъ. Это самое раздвигало между ними пламя взаимной ненависти: составлялись партіи соперниковъ, и взаимное преслѣдованіе оканчивалось смертоубійствомъ, которое до того возросло въ послѣдствіи, что рѣдкая недѣля проходила, чтобы не ваходили окровавленныхъ труповъ. Полиція принимала свои мѣры, но ей стоило великаго труда достигнуть цѣли своей. Часто случалось, что разбивали полицейскихъ чиновниковъ. — Вечерницы обратились нынѣ въ тихія и дружескія собранія.

На вечерницахъ молодые обоого пола имѣли въ виду высмотрѣть для себя будущаго друга, а потомъ посылали свахъ съ предложеніями, на которыя большею частію отвѣчали согласіемъ. Тѣ же, коихъ желанія не выполнялись, вступались за свою честь и честь дома, и только одно посредничество постороннихъ останавливало мстительное преслѣдованіе. Если посредничество оставалось безъ дѣйствія, то съ нимъ страдало имя дѣвушки и всего дома, и это воспламеняло отчаянное покушеніе на погибель взаимную. Тогда никто не щадилъ другъ друга.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

I. Первое марта	3.
II. Встрѣча весны	5
III. Красная горка	15.
IV. Радунница.	27.
V. Запашка	33.
VI. Кукушка .	37.
VII. Купало .	51.
VIII. Ярило	99.
IX. Обжиган	105.
X. Бабые лето.	143.
XI. Брагичны .	149.

— —

ПОГРѢШНОСТИ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читать.
15.	2.	а съ него	а съ него
36.	9.	потомъ а	а потомъ
—	24.	молебень	молебень
37.	8.	птице-	птице-
38.	6.	куканіи	кукуканія
—	8.	кукуеть	кукукуеть
41.	2.	кукуеть	кукукуеть
45.	12.	поражало	поражали
—	16.	привысокнѣ	привысокнѣхъ
46.	22.	предъ Бога,	къ Богу,
48.	3.	и тотъ	не тотъ,
49.	19.	кукуеть	кукукуеть
62.	4.	я бубу	я буду
75.	22.	дѣвицы вдовье	дѣвицы, вдовы
84.	11.	О пера	Ой пера
—	31.	личина	личина
87.	6.	зукулами	зукулаками
—	8.	Одѣя яги бабы (*)	Одѣя яги бабы (**)
96.	32.	съ собственнымъ	съ свойственнымъ
110.	19.	впереди всѣхъ	впереди всѣхъ
124.	8.	Мос калинъ	Москалинкъ
—	13.	ни вынне	повынне.
128.	24.	Грешивые	Грешивыя
147.	24.	Нарадивы	Нарадивыя
148.	4.	не появляются	не появятся
—	17.	окончаваются	оканчиваются
169.	19.	малу по малу	мало по малу
180.	30.	, поздравлятъ	, поздравляютъ
185.	26.	сладчынн	сладчинн
189.	29.	пшашечка	пшашечка
—	31.	кукуеть	кукукуеть
163.	16.	Люлли	Люли
173.	5.	Ой Грыцю	Ой Грыцю
175.	1.	Не треба	Не треба
181.	13.	высмотрѣтъ	высмотрѣтъ

